

В. П. ЛИПЕРОВСКИЙ

**ЯЗЫКОВАЯ МОДАЛЬНОСТЬ
И СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ
В ХИНДИ**

Москва
2014

ББК 81.2 Хинд
Л611

Рецензенты:

доктор филол. наук Андронов Михаил Сергеевич
доктор филол. наук Елизаренкова Татьяна Яковлевна
канд. филол. наук Коган Антон Ильич

Липеровский В.П.

Л611 Языковая модальность и средства ее выражения
в хинди. — М.: Институт востоковедения РАН,
2014. — 248 с.
ISBN 978-5-89282-575-7

В монографии подвергнут обсуждению ряд общетеоретических вопросов, касающихся модальности — универсальной языковой категории, которая характеризуется совокупностью значений, отражающих разноаспектные отношения пропозитивной основы содержания высказываний к действительности по признаку реальности/ирреальности. В ней представлена информация об арсенале имеющихся в хинди средств выражения модальных значений, заострен вопрос об идентификации наклонений этого языка и вместе с тем отмечены случаи схождения наклонений в своих семантических функциях.

ББК 81.2 Хинд

Работа публикуется в авторской редакции

© В.П. Липеровский, 2014
© Институт востоковедения РАН, 2014

ОТ АВТОРА

Написание данной работы было продиктовано стремлением остановиться на одном из невыясненных вопросов грамматики языка хинди, а именно на вопросе о пересечении (схождении) разных наклонений (вернее, их форм) в своих семантических функциях, т.е. в передаче определенных модальных значений, и систематизировать, основываясь на положениях функциональной грамматики, оперирующей понятием функционально-семантического поля, известные, но подчас разрозненные сведения об использовании в хинди средств выражения модальности. Переход к рассмотрению материала из языка хинди важно было предварить обсуждением ряда общетеоретических аспектов проблемы модальности, таких, например, как соотношение между понятиями “модальность” и “предикативность”, критерии разграничения субъективной и объективной модальности, виды модальности в рамках модальной логики, семантический диапазон языковой модальности, суть имеющихся расхождений в трактовке языковой модальности и глагольных наклонений как морфологического средства выражения модальных значений. Особое внимание уделено в работе вопросу об идентификации наклонений языка хинди.

Проблема языковой модальности и категории наклонения

Характерной чертой человеческого мышления является его неразрывная связь с языком, представляющим собою основное средство общения между людьми. Мысль воплощается в природной материи языка. Именно язык как знаковая (в своей исходной форме звуковая) деятельность обеспечивает материальное оформление мыслей и обмен информацией между членами общества в процессе коммуникации. В мышлении получает отражение окружающая человека действительность, а в языках воплощается общественная значимость этого отражения.

Законы и формы мышления имеют общечеловеческий характер, но каждый конкретный язык, будучи одной из многочисленных реализаций свойств языка вообще и существуя при этом потенциально (в памяти людей, владеющих им, но в данный момент его не использующих) и реально (в речевых ситуациях, обуславливающих его использование), имеет свои особенности в том, как он дает проявляться тому (“стимулирует” то), что имеется в мышлении. Вместе с тем объективно существуют закономерности общие для всех языков.

Имеющая место в речевой ситуации актуализация отношения мысли к действительности (т.е. сам акт отнесения идеального содержания к внеязыковой ситуации, или “кусочку” действительности) непременно проявляется в минимальной коммуникативной единице — в предложении. Каждое предложение характеризуется грамматическим значением предикативности, т.е., фиксируя факт осознанного

указания на связь сообщаемого с действительностью, оно несет идею отнесенности сообщаемого к действительности.

Существуют разные подходы к трактовке предикативности. Мы разделяем точку зрения П. В. Чеснокова на предикативность как на “общее значение того типа синтаксических построений, который называется предложением” [72, с. 172]. Природу данного значения П. В. Чесноков объясняет следующим образом: “В силу вторичности сознания по отношению к объективному миру люди должны соотносить свои мысли с фактами действительности в процессе мышления и речи. Осознание (идея) этого соотношения и составляет содержание предикативности” [72, с. 173].

В рамках такого понимания предикативности находится “предикативная связь” или “предикативное отношение” как при формально-синтаксическом толковании такой связи (такого отношения), обращенном на подлежащее и сказуемое, так и при логическом (или, точнее, логико-грамматическом) толковании, обращенном на тему и рему. Вместе с тем предикативность, как мы ее понимаем, не может не быть в силу своей актуализирующей роли в отнесении мысли к действительности “достоянием”, с одной стороны, односоставных предложений, а с другой, — коммуникативно нерасчлененных предложений.

Существует точка зрения, согласно которой понятие “предикативность” связывается с понятием “пропозиция”. Суть этой точки зрения отражают следующие положения: “Предикат с заполненными валентностями образует пропозицию” [39, с. 10]; “...носителем предикативности выступает пропозиция... Предикативность, с семантической точки зрения, — не что иное, как сопоставление данному предикату его актантов...” [39, с. 12]. Или: “Предикативность — в семантическом употреблении этого понятия — есть не что иное, как сопоставленность данного предиката его аргументам: предикативность есть там, где налицо пропозиция” [38, с. 69]. При этом такого рода предикативность, трактуемую как семантическая, рекомендуется отличать (ограничивать) от предикативности как “формального свойства, обеспечивающего контекстно-свободную самостоятельность высказывания” [38, с. 98], т.е. от предикативности, которой приписывается синтаксическая значимость.

Тесно связанной с предикативностью предстает категория модальности. Пользуется широким признанием точка зрения, согласно которой категория модальности вместе с категориями времени и лица подводится под общее понятие предикативности [20, с. 79]. Показательно положение “Ее

(предикативность. — В.Л.) составляют в совокупности категории модальности и времени” [37, с. 165] или “...категории времени и модальности рассматриваются как основные категории предикативности (иногда к ним добавляется категория лица)” [18, с. 51]. Модальность, таким образом, предстает как одна из категорий, в которых реализуется предикативность.

Однако некоторые из встречающихся формулировок могут оставить, как это уже отмечалось в лингвистической литературе [76, с. 180], недоумение по поводу того, в чем следует видеть разницу между предикативностью и модальностью. Так, например, едва ли можно усмотреть какое-либо различие в наполнении понятий предикативности и модальности, если после того, как было сказано, что предикативность заключается в выражении “отношения сообщения к действительности” [20, с. 79] или “в отнесении содержания предложения к действительности” [20, с. 80], следует утверждение: “Отношение сообщения, содержащегося в предложении, к действительности — это и есть прежде всего модальное отношение” [20, с. 81]. И если при этом исходить “из общего определения модальности (а не предикативности. — В.Л.) как синтаксической категории, выражающей отнесенность содержания предложения к действительности”, не покажется столь уж парадоксальным положение, что “модальность — категория более широкая, чем предикативность” [73, с. 23].

По вопросу о том, как соотносятся между собой в плане содержания предикативность и модальность, бытует и такое мнение, что данные категории частично пересекаются (совпадают). В частности, та разновидность модальности, суть которой видится в том, чтобы выражать “устанавливаемое говорящим отношение содержания предложения или его частей к действительности в плане его достоверности (недостоверности)”, сочтена находящейся вне рамок предикативности [27, с. 126].

Конкретизируя категорию предикативности в ее общем грамматическом значении отнесенности содержания предложения к действительности, модальность определяет содержательную сторону (или, точнее, ряд содержательных аспектов) предложения в плане отношения его (предложения) пропозитивной основы к действительности по доминирующему признаку реальности / ирреальности. Сопряженные с этим признаком конкретные значения логично считать модальными. Однако круг таких значений очерчивается в лингвистической литературе по-разному, что в основном объясняется различием в теоретических установках исследователей, а в какой-то мере и особенностями языков, привлеченных для исследования.

Во многих имеющихся работах в дефинициях модальности выделяются два семантических аспекта этой категории: 1) выражение (отражение) отношения сообщаемого (высказываемого, содержания высказывания, содержания высказываемого) к действительности; 2) выражение (отражение) отношения говорящего к сообщаемому (высказываемому, содержанию высказывания) [2, с. 237; 18, с. 113; 57, с. 158; 58, с. 131]. Так фиксируется в качестве существенного разграничение двух видов модальности, а именно: модальности, квалифицируемой как объективная, и субъективной модальности.

В семантическом диапазоне объективной модальности, суть которой видится в указании “на характер отражаемых в содержании предложения объективных связей” [8, с. 56], находится место значениям “реальности или нереальности, возможности или невозможности, необходимости или (с чем нельзя согласиться. – В.Л.) вероятности и т.д.” [58, с. 131], значениям осуществяемости, осуществленности, неосуществленности [44, с. 303], побудительности [27, с. 125-126].

В лингвистической литературе по-разному очерчивается семантический диапазон субъективной модальности. Одна из точек зрения наглядно представлена в “Лингвистическом

энциклопедическом словаре”, где мы читаем: “...значения, составляющие содержание категории субъективной М., неоднородны... Смысловую основу субъективной М. образует понятие оценки в широком смысле слова, включая не только логич. (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной (иррациональной) реакции” [44, с. 303]. В качестве отражающих субъективную квалификацию сообщаемого неоднородны значения “уверенности или неуверенности, согласия или несогласия, экспрессивной оценки” [58, с. 131]. Следует заметить, что экспрессивную оценку наряду с другими оценками содержания высказывания отнес к числу модальных значений В.В. Виноградов. Здесь имеется в виду не непосредственное выражение чувственных реакций говорящего на действительность, не эмоциональность высказывания, а лишь указание на те чувства, которыми пронизывается оценка сообщения. В.В. Виноградов настаивал на необходимости отличать от модальности эмоциональность высказывания, отмечая при этом, что “с категорией модальности соприкасаются и даже частично переплетаются с ней разные виды и типы эмоциональной экспрессии (например, возмущения, восхищения, угрозы и т.п.)” [14, с. 49]. Выражение различных проявлений чувств и эмоций, т.е. эмоциональность высказывания, относит к модальности Ф. Брюно. Так, касаясь вопроса о средствах выражения модальности, он приводит в качестве примеров предложения, которые в зависимости от интонации или порядка слов передают чувства удивления, негодования, пренебрежения, радости [79, с. 513].

Вышеизложенной точке зрения относительно семантического объема субъективной модальности противостоит взгляд, согласно которому суть этой модальности сводится к указанию “на степень достоверности содержания... предложения с точки зрения говорящего” [8, с. 56] или, другими словами, к выражению “устанавливаемого говорящим отношения содержания предложения или его частей к дейст-

вительности в плане его достоверности (недостоверности)” [27, с. 126]. При таком понимании субъективная модальность есть не что иное, как модальность, которую называют персуазивной, эпистемической, модальностью истинности и, наконец, модальностью достоверности [64, с. 157].

Из вышесказанного следует, что нет оснований связывать с понятием достоверности всё разнообразие модальных значений, как это предлагается такой формулировкой: “Отношение говорящего к достоверности сообщаемого о фактах действительности и есть модальность предложения, выражаемая грамматически в формах наклонений, в модальных словах, частицах и интонации” [61, с. 10]. Ведь такие предложения, как, например, *Ты пришел, Ты пришел бы, Приди!* различаются не по степени достоверности (недостоверности) высказываемого в отличие от предложений: *Он, несомненно, пришел, Он, возможно, пришел, Он вряд ли пришел* (в этот ряд можно поставить и предложение *Он пришел* в качестве выражающего простую достоверность).

Следует заметить, что все же имеется некоторая условность в противопоставлении объективной и субъективной модальности. Дело в том, что и в объективной модальности можно видеть субъективный момент. Он присутствует постольку, поскольку характер фиксируемого говорящим отношения содержания высказываемого к действительности зависит от того, какой мыслится действительность в сознании говорящего. Поэтому отнюдь не случайно, что по вопросу о принадлежности некоторых значений в плане объективности / субъективности существуют разногласия. Например, ту модальность, которую принято называть деонтической, одни исследователи относят к сфере объективной модальности [54, с. 40], другие — к сфере субъективной модальности [18, с. 115]. Наряду с этим существует и такое мнение, что объективная и субъективная модальности поддаются различению внутри деонтической (равным образом как и внутри эпистемической) модальности [98, с. 329-330].

Сведения о характере расхождений по вопросу об объеме понятия модальности и, следовательно, по вопросу о том, какие из значений входят в круг значений модальных, можно почерпнуть в концентрированном виде из лингвистической литературы [54, с. 46-48; 64, с. 67-71]. В частности, отмечена дискуссионность (если не неприемлемость) положений о модальной природе (о признании модальными) таких значений, как 1) значения, по которым осуществляется дифференциация различных видов коммуникации (разграничение предложений с точки зрения их коммуникативной функции), 2) значение утверждения и противопоставляемое ему значение отрицания, 3) значения, сопряженные с эмоциональной и качественной оценкой высказываемого (об эмоциональной оценке говорилось выше в связи с трактовкой субъективной модальности), 4) некоторые значения поля аспектуальности.

Рассмотрение проблемы языковой модальности, ориентированное на идеи современной модальной логики, отмечено членением высказывания (или предложения) на пропозицию (пропозитивную основу высказывания, дескриптивное или, иначе говоря, мыслимое в номинативном аспекте содержание высказывания) и модальную рамку. При таком членении состав значений, подлежащих отнесению к сфере модальности, определяется набором и числом постулируемых исследователем модальных рамок. Для примера можно сослаться на работу Н. Решера, где помимо алетической, эпистемической и деонтической модальностей упоминается целый ряд и других модальностей: временная (temporal), волевая (boulomaic), оценочная (evaluative), причинная (causal), три разновидности условной (conditional) модальности [108, с. 24-26]¹. Обратная сторона такого подхода к решению проблемы видится в возможности считать предложения, выражающие прямую констатацию факта, находящимися вне сферы модальности, что Н.

¹ Сведения о точке зрения Н. Решера почерпнуты нами из содержащей ее критическую оценку монографии Ф.Р. Палмера [105, с.12-13].

Решер иллюстрирует предложением *The cat is on the mat*. Согласно Дж. Лайонзу, такого рода предложения можно определить как эпистемически немодальные (epistemically non-modal), поскольку, мол, говорящий ручается за истинность того, что им утверждается [99, с. 797]. Такой “немодальной” или, лучше сказать, “внемодальной” трактовке соответствующих высказываний противостоит их интерпретация как немаркированных или нейтральных в модальном отношении, т.е. всё же находящихся “внутри модальной системы” [105, с. 26], либо как выражающих в рамках эпистемической модальности (в рамках модальности достоверности) простую достоверность высказывания [8, с. 58; 54, с. 39].

Двум модальным рамкам — “внутренней” и “внешней” — отводится место в теоретическом построении В.Б. Касевича. Их последовательное использование расценивается как фактор, который (наряду с другими семантическими операциями над пропозицией) обеспечивает переход от пропозиции к плану содержания предложения (высказывания) [38, с. 71-72].

К типологии модальных значений, предлагаемой в модальной логике (в частности, Г.Х. фон Вригтом), восходит проводимое в лингвистических работах различие трех видов модальности: алетической (от греч. ἀλήθεια “истина”), эпистемической (от греч. ἐπιστήμη ‘знание’) и деонтической (от греч. δεόν ‘должное’, ‘необходимое’). У первой за крайние точки семантической зоны принимаются значения “необходимо” и “невозможно”, у второй — “достоверно” и “исключено”, у третьей — “обязательно” и “запрещено” [18, с. 115]².

Алетическая и деонтическая модальности легко увязываются со значениями возможности и необходимости: “...в случае алетической модальности в предложении фиксируются возможность и необходимость с точки зрения реальных (фи-

² Ср.: necessary — impossible, verified — falsified, obligatory — forbidden [119, с. 1-2].

зических) условий и состояний...В случае же деонтической модальности в предложении выражаются возможность и необходимость с точки зрения общественных норм, этических принципов и т. п.” [54, с. 40]. Или (в несколько ином изложении того же содержания): “Алетические возможность и необходимость представляют собой такие признаки, которые принадлежат вещам и явлениям объективной действительности, а также понятиям о них, имеющим место в сознании человека. Деонтические возможность и необходимость указывают на то, что реализация (или нереализация) какого-либо действия приписывается кем-то со стороны” [8, с. 57-58].

Примеры:

Алетическая возможность — *Тяжелоатлет может поднять эту штангу без особого труда.*

Алетическая необходимость — *Затмение Солнца должно наступить завтра в три часа дня.*

Деонтическая возможность — *Гражданские лица могут носить шляпы.*

Деонтическая необходимость — *Служащие должны вовремя являться на работу, Мужчине надо быть учтивым с женщиной* [8, с. 57].

Русский язык для выражения значения необходимости обычно прибегает к сочетанию “должен + инфинитив”, а для выражения значения возможности — к сочетанию “может + инфинитив”. При этом, как отмечается в литературе [51, с. 107-109], в случае деонтической необходимости “должен + инфинитив” имеет своим смысловым эквивалентом “не + вправе + не + инфинитив” (*Он должен писать письмо = Он не вправе не писать письмо*), а в случае алетической необходимости — “не + может + не + инфинитив” (*Он должен написать письмо = Он не может не написать письма; Завтра должно быть затмение Солнца = Завтра не может не быть затмения Солнца*); в случае деонтической возможности “может + инфинитив” имеет своим

смысловым эквивалентом “*может + не + инфинитив*” (*Он может написать письмо = Он может не написать письмо*), а в случае алетической возможности — “*в состоянии + инфинитив*” (*Он может поднять эту штангу = Он в состоянии поднять эту штангу*).

Признается также, что событие может быть оценено как эпистемически возможное (“когда у говорящего нет точных данных о ситуации, когда не исключаются разные ее исходы”) и как эпистемически необходимое (“когда исход ситуации оценивается как единственно возможный, что детерминировано имеющимися у говорящего косвенными данными”) [64, с. 163-164].

Бывает так, что в языке одно и то же средство находит применение для выражения разных видов модальности. Так, такое русское предложение с глаголом *мочь*, как *Отец может завтра прийти*, в зависимости от контекста может нести значение алетической возможности (‘Отец в состоянии (имеет возможность) завтра прийти’), эпистемической возможности (‘Отец, может быть, завтра придет’) [54, с. 45], а также деонтической возможности (‘Отцу дозволено завтра прийти’).

Разграничение (в рамках одной и той же структуры) эпистемической и деонтической модальностей демонстрируют приводимые в качестве показательных такие примеры из английского:

He may come tomorrow (Perhaps he will... / He is permitted to...);

The book should be on the shelf (It probably is... / Its proper place is...);

He must be in his office (I am certain that he is... / He is obliged to be...) [105, с. 19].

Такое же разграничение видится на примере немецкого предложения *Karl muß morgen kommen (Ich bin sicher, daß*

Karl morgen kommt / Es ist notwendig, daß Karl morgen kommt) [103, с. 27]³.

Вид модальности может определяться лексическим наполнением соответствующей структуры. Так, например, если предложение *He may come tomorrow* характеризуется или эпистемической, или деонтической модальностью, то в предложении *He may know the answer* усматривается только эпистемическая модальность [83, с. 2516]. Для *John {may, must} be there by now* характерна эпистемическая модальность ('Джон, {может быть, должно быть}, уже там'), для *You {may, must} come in* — деонтическая ('Вам {можно, надлежит} войти') [105, с. 11].

Выше о эпистемической модальности говорилось как о модальности субъективной. Трудно принять точку зрения, что эпистемическая модальность может быть и объективной [83, с. 2517; 98, 329-330]. Думается, что "объективная эпистемическая модальность" включается в сферу алетической модальности возможности⁴.

При различении объективной и субъективной модальностей внутри деонтической модальности (такая позиция противостоит трактовке этой модальности или только как объективной, или только как субъективной) ее "субъективность" усматривается в привнесении оттенка волеизъявления: *He may not come* ≡ 'Я запрещаю ему приходить' (а не 'Ему не разрешается приходить', что отвечало бы объективной модальности) [98, с. 330].

Дискуссионным остается вопрос о том, какое место внутри модальной системы занимает эвиденциальность — область значений, представляющих собой указание на ис-

³ Пара *эпистемический – деонтический* упоминается среди примерно двух десятков других терминологических пар, использованных в лингвистических работах для фиксации указанного разграничения [103, с. 28].

⁴ Отход от традиционной трактовки эпистемической модальности демонстрирует Т. Гивон. Суть его точки зрения по данному вопросу изложена В.И. Подлесской в рецензии на его книгу "Функционализм и грамматика" [55, с. 146].

точник информации, передаваемой говорящим⁵. Существует тенденция считать ее относящейся к эпистемической модальности, раздвигая тем самым рамки последней⁶.

Для раскрытия содержательной стороны языковой модальности современные исследователи обращаются к используемому в логике понятию возможных миров. Такая позиция получила отражение в “Энциклопедии языка и лингвистики”: The essence of ‘modality’ consists in the relativization of the validity of sentence meanings to a set of possible worlds [83, с. 2515]. Таким образом, модальность здесь расценивается как область значений, сигнализирующих “встроенность” означаемого пропозиции во множество возможных миров (или положений вещей). В этой связи показательно следующее разъяснение: “Лицо, которое высказывает предложение *It is possible that it will rain tomorrow* (‘Возможно, что завтра будет дождь’. — В.Л.), обычно не знает наверняка, какой будет завтра погода. То, что завтра пойдет дождь, не исключено. Это одна из возможностей. Возможность, следовательно, значит, что соответствующая пропозиция является истинной по крайней мере в одном из миров. Сходная интерпретация годится и для предложения *It is certain that it will rain tomorrow* (‘Бесспорно то, что завтра будет дождь’. — В.Л.). Это предложение значит: какой бы из возможных миров ни стал реальным, дождь всё равно завтра будет. Другими словами, завтра будет дождь во всех возможных мирах” (т.е. в любом из возможных миров. — В.Л.) [83, с. 2515]. Реальное положение вещей (реальная ситуация) мыслится принадлежащим (принадлежащей) одному из возможных миров, а именно тому, возможность существования которого превращается в действительность. Приведенное выше рассуждение высвечивает

⁵ Данный семантический параметр высказывания специально рассматривается в ряде работ. См., в частности, статью Т. Уиллета [118], статью Н.А. Козинцевой [41, тематические сборники статей [84; 90]. См. также рецензию на один из сборников [22].

⁶ Эта тенденция находит свое воплощение, в частности, в монографии Ф.Р. Палмера [105, с. 51].

логическую связь между возможностью и необходимостью в плане алетической модальности. На этой связи заостряет внимание в одной из своих работ Дж. Лайонз. Он отмечает, что с введением отрицания одна из упомянутых категорий поддается определению через другую. Это показано на примере логической эквивалентности попарно приведенных высказываний: 1) *Necessarily, the sky is blue — It is not possible that the sky is not blue*; 2) *Possibly, the sky is blue — It is not necessarily the case that the sky is not blue* [98, с. 328].

На то, как очерчивается смысловая область модальности, рассматриваемой в лингвистических работах, с самого начала наложило свой отпечаток понятие “модальность”, восходящее к классической формальной логике, где модальность квалифицируется как свойство суждения — мысли, в которой утверждается или отрицается что-либо о чем-либо, — а сами суждения делятся по модальности на суждения действительности (ассерторические), суждения возможности (проблематические) и суждения необходимости (аподиктические)⁷. В языковой модальности преломляется также деление суждений в зависимости от достоверности выраженного в них знания на достоверные и вероятные [1, с. 88].

Однако языковая модальность охватывает более широкий круг значений по сравнению с модальностью в логике хотя бы потому, что обнаруживает она себя как свойство не только предложений, воплощающих то или иное суждение, но и предложений, отвечающих другим формам мысли.

В целом ряде работ их авторы ограничиваются выделением в сфере модальности трех типов отношений (или, другими словами, различением трех аспектов модальности):

⁷ См.: “Давая в суждении ту или иную характеристику предмета, мы либо просто констатируем факт принадлежности (непринадлежности) указанного в предикате признака предмету, либо же уясняем также и то, является ли указанный признак таким, который относится к предмету как нечто возможное или необходимое” [63, с. 96].

- (1) отношение содержания высказывания к действительности применительно к реальности / нереальности с точки зрения говорящего;
- (2) отношение говорящего к сообщаемому;
- (3) отношение между субъектом предметной ситуации (в частности, субъектом действия) и его признаком (в частности, действием) в плане возможности, необходимости (также долженствования), желательности.

Отсылки к отношениям (1) и (2) обычны для дефиниций модальности, упомянутых выше в качестве фиксирующих разграничение соответственно объективной и субъективной модальностей. Отношение говорящего к сообщаемому проявляется, естественно, по-разному: сожаление, удовлетворение, уверенность, предположение и т.п. [16, с. 161], что служит для лингвистов основанием для весьма широкого понимания субъективной модальности. Однако и для ограничения круга субъективной модальности модальностью достоверности⁸ тоже имеется основание. В таком ограничении сохранена преэминентность языковой модальности по отношению к модальности в логике.

Модальность, характеризуемую отношением (1), т.е. объективную модальность, называют также основной, предикативной [36, с. 145; 35, с. 94, 96]⁹, общей (die allgemeine Modalität [109, с. 61]). То, что она является необходимым свойством предложения, не подлежит сомнению.

Модальность, характеризуемая отношением (3), “усложняет предикативную ось, прибавляя к ней некоторый семантический х...” [35, с. 96]. Так, если в предложениях, фиксирующих отношение (1), *Он работает; Он работал бы, если...* утверждается связь между субъектом и его действием (в одном случае — реальная, в другом — нереальная, контрафак-

⁸ Соответствующий немецкий термин — Gewißheitsmodalität [109, с. 61, 70].

⁹ См.: “Модальную характеристику предикативной оси предложения определяет отношение первого типа” [36, с. 142].

тическая), то в предложениях, фиксирующих отношение (3), *Он может работать, Он должен работать, Он хочет работать, Он мог бы работать, если...* утверждается связь между субъектом и его модальным отношением к действию (в трех случаях — реальная, в четвертом — нереальная, контрфактическая). Поэтому модальность, характеризуемую отношением (3), называют внутренней [28, с. 98] или же внутрисинтаксической [36, с. 151; 109, с. 74]. Связь субъекта с его действием изображается опосредствованной фактором, детерминирующим осуществление соответствующего действия¹⁰. Эта модальность называется также модифицирующей (*die modifizierende Modalität* [109, с. 61]). Именно на почве этой модальности получают выражение алетические и деонтические возможность и необходимость, упомянутые выше¹¹.

Если исходить из того, что в высказывании различаются два компонента — модус и диктум (точка зрения Шарля Балли), то модальность, характеризуемая отношением (3), явно предстает как модальность диктума, а модальность (2) — как модальность модуса (модальность, входящая в модус) [18, с. 116-118].

В плане модальности, характеризуемой отношением (1), дифференцированы предложения типа *Ты работаешь; Ты работал бы, если... ; Работай*; в плане модальности, характеризуемой отношением (2), — предложения типа *Ты, вероятно, работаешь; Ты, быть может, работаешь; Ты вряд ли работаешь*; в плане модальности, характеризуемой отношением (3), — предложения типа *Ты в состоянии ра-*

¹⁰ В представлении о таком факторе кроется внутренняя модальная рамка по отношению к пропозиции. По отношению же к самому этому фактору упомянутая модальность проявляется как объективная, т.е. как характеризуемая отношением (1).

¹¹ См.: “Модальность возможности и необходимости (“а также и желательности”, добавили бы мы. — В.Л.) представляет собой разновидность предикативной модальности, отражающей оценку говорящим способа существования связи между предикатными предметами, т.е. субъектом и его признаком” [64, с. 123].

ботать, Ты должна работать, Тебе нужно работать, Тебе не терпится работать.

Эти модальные планы могут совмещаться в пределах одного высказывания. Это положение В.Г. Гак раскрывает следующим образом: “Во фразе *Он, конечно, захотел бы прийти, если бы его пригласили* — форма *захотел бы* выражает первый тип модальности (действие возможно при некоторых условиях), *конечно* — второй (уверенность говорящего в сообщаемом), *хотеть* — третий (субъект готов выполнить действие)” [18, с. 116]. В предложении *Он, возможно, хочет пить* одна из модальностей выражена формой изъявительного наклонения глагола *хотеть*, указывающей на то, что проявление желания понимается говорящим как факт действительности. Включение в предложение модального слова *возможно* говорит о том, что говорящий подвергает сомнению факт проявления желания. Финитный же глагол своим лексическим значением сигнализирует об определенном характере отношения между субъектом и действием, которое обозначено глаголом в инфинитиве. Совмещение разных модальных планов налицо в таком немецком предложении, как *Das könnten wir leider nur bei Tageslicht ausführen* ‘Это мы могли бы сделать, к сожалению, только при дневном свете’ [42, с. 128].

В свете сказанного вряд ли нужно трактовать модальность в языке как единую грамматическую категорию. Не правильнее ли признать существование в языке различных явлений, которым приписывается выражение значений, принятых за модальные? Симптоматично в связи с этим высказывание Т.П. Ломтева о категориях, под которыми разумеются отмеченные выше аспекты модальности: “...эти три категории модального характера не образуют единой грамматической категории модальности предложения, так как члены этих грамматических категорий пересекаются. Каждая из перечисленных модальных грамматических категорий имеет независимый характер. Они образуют одну сис-

тему модальных грамматических категорий, но не одну грамматическую категорию модальности” [51, с. 91].

Показательна также точка зрения, согласно которой то, что принято именовать модальностью достоверности или персуазивной модальностью, и модальность расцениваются как разные модусные категории (категории модуса) квалификативного характера наряду с другими (причем не только квалификативными) модусными категориями ¹².

Известную автономность (“независимый характер”) отношения (3), т.е. отношения, определяющего содержание модальности, квалифицированной как внутрисинтаксическая или модифицирующая, оттеняет тот факт, что однажды было сочтено уместным вынести его за рамки модальности: “...модальные глаголы в своем основном значении (*Er kann schreiben* ‘Он может писать’, *Er muß gehen* ‘Он должен идти’) не могут считаться средством выражения модальности, так как выражают не отношение содержания предложения к действительности и не степень уверенности говорящего, а отношение субъекта к действию” [27, с. 123].

Для выражения модальности языки прибегают к различным средствам. Так, в русском языке к последним относятся: (а) формы наклонений глагола; (б) глаголы типа *мочь, желать, намереваться, уметь, сметь* и др.; (в) отличающиеся безличным употреблением глаголы типа *приходиться, надлежать, предстоять, полагаться, следовать, хотеться* и т.п.; (г) предикативные наречия (безлично-предикативные слова) типа *надо, нужно, должно, можно, суждено, необходимо* и др.; (д) лексемы и словоформы типа *должен, обязан,*

¹² Эту точку зрения отстаивает Т.В. Шмелева [75], исходя из идеи Э. Бенвениста о субъективности в языке [7, с. 292 и сл.]. Категории, названные модусными, объединяются способностью отражать субъективный момент высказывания. Они подразделены на актуализационные, квалификативные и социальные. К первым отнесены персонализация, временная локализация и пространственная локализация, ко вторым — модальность, авторизация, персуазивность и оценочность, к третьим — категории, которые “позволяют говорящему выражать отношение к собеседнику...” [75, с. 82, 85, 94].

вынужден, вправе и т.п.; (е) вводные слова типа *конечно, безусловно, наверное, видимо, кажется, пожалуй* и др.; (ж) частицы *авось, чай, едва ли, пусть* и др.¹³. Огромную роль в дифференциации модальных оттенков играет интонация.

Языковая модальность в том понимании, в каком она находит отражение в лингвистической литературе, может быть выражена морфологически (главным образом глагольные наклонения), лексико-синтаксически (определенная конструктивная схема предложения при использовании слов определенных лексических разрядов), лексически (модальные слова и частицы), синтаксически (определенная структура предложения, например, *Не догнать тебе бешеной тройки* в русском языке). В каждом языке по-своему проявляется соотношение между всеми этими способами. К тому же одно и то же значение может быть передано по-разному в зависимости от языка. Так, для выражения проблематической достоверности русский язык обычно использует вводно-модальные слова, немецкий — модальные глаголы в сочетании с инфинитивом, а в хинди для передачи этого значения приспособлена финитная форма глагола: *Они, наверное, заблудились; Sie müssen sich verirrt haben; ve rāstā bhūl gaye hōge*.

Категорию модальности, ставшую предметом анализа в лингвистике, определяют по-разному: синтаксическая [18, с. 113; 20, с. 80; 27, с. 125; 73, с. 23], семантическая [75, с. 85], понятийная [2, с. 237], семантическая (понятийная) [13, с. 17], грамматико-семантическая [58, с. 131], функционально-

¹³ Лексические единицы рубрик (б), (в), (г) и (д), отличающиеся сочетаемостью с инфинитивом, квалифицируются как модальные модификаторы, причем единицы, принадлежащие рубрикам (г) и (д), — это модальные предикативы, а глаголы рубрики (б) принято называть модальными. В рубриках (е) и (ж) фигурируют соответственно вводно-модальные слова (их именуют и просто модальными) и модальные частицы. Модальные модификаторы накладывают отпечаток на конструктивные особенности предложений: если при модальных модификаторах рубрик (б) и (д) имя субъекта действия, обозначенного стоящим в инфинитиве глаголом, принимает форму именительного падежа, то при модальных модификаторах рубрик (в) и (г) — форму дательного падежа.

семантическая [10, с. 11; 44, с. 303]. Природе анализируемого явления более всего подходит, на наш взгляд, последнее из перечисленных наименований¹⁴.

Морфологический способ выражения модальных значений представлен формами наклонений. В тех языках, где различаются формы наклонений, категория наклонения предстает как основной или главный способ передачи модальности. Нельзя не согласиться со следующим утверждением: “Среди факторов, конституирующих МБ (модальную базу. — В.Л.) предложения, центральную роль следует отвести морфологической категории наклонения, теснейшим образом связанной с предикативным ядром предложения” [5, с. 50]¹⁵.

Категория наклонения понимается как грамматическая категория глагола, существующая в языке на основе противопоставления друг другу таких рядов глагольных форм (будь то синтетических или аналитических), каждому из которых свойственно выражение определенного отношения действия к реальности / нереальности его осуществления — отношения, отражающего в силу своей природы характер связи пропозитивной основы высказывания с действительностью. Будучи категорией глагола, категория наклонения охватывает самые регулярные средства выражения модальности, ибо предложения в своем подавляющем большинстве оказываются глагольными. Вместе с тем в формах отдельных наклонений, образующих ее как замкнутую систему, модальные зна-

¹⁴ Уместно напомнить дефиницию функционально-семантической категории: “Функционально-семантическая категория представляет собой систему разнородных языковых средств, способных взаимодействовать для выполнения определенных семантических функций (например, функции выражения темпоральных или модальных отношений)” [10, с. 8].

¹⁵ Такой взгляд на категорию наклонения отвечает, кстати сказать, функционально-семантическому подходу к анализу языковых явлений. См.: “Функционально-семантическая категория в данном языке может опираться (но не должна обязательно) на категорию грамматическую, которая представляет собой как бы грамматическое ядро функционально-семантической категории” [11, с. 19] или “Морфологическая категория рассматривается нами как исходный пункт для выражения функционально-семантической категории в данном языке” [10, с. 10].

чения получают наиболее обобщенное выражение. Ведь если развитие грамматических категорий является показателем все большего отвлечения и обобщения, то, следовательно, в грамматических категориях закрепляется наиболее абстрагированная основа грамматического строя.

Тот факт, что значение наклонения формируется при отвлечении от других модальностей, подтверждается рядом языковых данных: в формах различных наклонений может выступать глагол модальный по своей семантике: *Он хотел прийти, Он хотел бы прийти*; при наличии в предложении того или иного модального слова глагол-сказуемое может принимать — в зависимости от смысла высказывания — форму различных наклонений: *Он, возможно, пришел, Он, возможно, пришел бы*; модальные слова в силу своего лексического значения лишь конкретизируют значение глагольного наклонения: *Он, возможно, пришел, Он, вероятно, пришел ~ Он, возможно, пришел бы, Он, вероятно, пришел бы*.

Если исходить из центрального положения категории наклонения как средства выражения модальности, то станет очевидной обоснованность отграничения от модальных значений ряда других значений, станет очевидной обоснованность отграничения от языковых средств, передающих модальность, ряда других языковых средств.

Если исходить из того положения, что формы наклонений занимают центральное место среди языковых средств, передающих модальные значения, то станет ясным, что расхождения в семантическом отношении между языковой модальностью и модальностью, рассматриваемой в логике, нельзя сводить только к количественной стороне, на которую обращалось внимание выше. Станет ясным, что модальность в языке и модальность логическая имеют различную природу с точки зрения их семантики. И действительно, если при анализе мышления в логике дифференциация суждений по модальности идет по линии противопоставления таких понятий, как действительность, возможность

и необходимость, или же таких понятий, как вероятность и достоверность, то при анализе языковых данных в грамматике отграничение одного модального типа от другого происходит на основе противопоставления между собой тех значений, выражение которых обуславливается грамматическими моментами (в первую очередь формами различных наклонений как выразителей определенного модального отношения). Тот факт, что между модальностью, рассматриваемой в логике, и языковой модальностью не существует семантического параллелизма, можно проиллюстрировать рядом языковых данных.

В частности, предложения, выражающие побуждение и содержащие в себе глагол в форме повелительного наклонения, не анализируются в логике с точки зрения выражения в них категории модальности, так как побуждение обычно рассматривается как разновидность мысли, отличная от суждения. Однако соотнесенность повелительного наклонения со всеми другими разновидностями наклонений является фактом языка, фактом грамматическим, что и обуславливает рассмотрение форм повелительного наклонения как средства выражения определенной модальности в языке. Далее, суждения, различимые по модальности в логике, бывают воплощены в языке предложениями, содержащими формы изъявительного наклонения. Это иллюстрируется такими примерами: *Земля вращается вокруг Солнца* — суждение необходимости, *Винт вращается с большой скоростью* — суждение действительности [8, с. 56]. Это свидетельствует о том, что нельзя то или иное наклонение ставить в прямую однозначную связь с той или иной категорией мышления, как это в свое время делал, например, И. Давыдов, который полагал, что “наклонения соответствуют логической образности (*modalitas*) суждений” [23, с. 67].

Формы наклонений, будучи средством выражения модальности, обслуживают все предложение в целом, поскольку модальность — это такая категория предложения, которой

конституируется его предикативность. На примере категории наклонения можно наблюдать, как морфологическая категория поступает в распоряжение синтаксиса предложения, становясь неотъемлемой частью структуры последнего. Значение того или иного наклонения может быть модифицировано другими языковыми средствами, некоторые типы предложений могут вообще не иметь глагола в своем составе, но основной модальный план глагольных предложений (а таких подавляющее большинство в языках с развитой глагольной системой) создается формами наклонений.

Для осмысления категории наклонения принципиально важным является положение о модальности изъявительного наклонения (индикатива), а именно признание того, что оно имеет “собственный положительный признак (именно признак «реальности в широком смысле»)» [64, с. 74]. Это теоретическое положение противопоставляется дающей порой о себе знать интерпретации этого наклонения как семантически (в модальном плане) не маркированного, а также взгляду, согласно которому соответствующие формы не служат выражению модальных значений и, следовательно, находятся вне какого бы то ни было наклонения.

Такой взгляд был четко выражен Д.Н. Овсянником-Куликовским: «Так называемое “изъявительное” не есть наклонение, потому что не выражает ничего, что должно выражаться наклонениями» [53, с. 125]. Он, можно сказать, имеет свои корни в античной грамматической традиции. Древние грамматисты считали, что наклонение служит для обозначения душевного (психического) расположения говорящего лица, причем свойство выражать разного рода душевное расположение говорящего приписывалось античными филологами субъюнктиву и оптативу, которые в этом отношении противопоставлялись индикативу. Таким образом, мы видим, что при том понимании природы наклонений, которое мы наблюдаем у древних филологов, изъяви-

тельное наклонение трактуется по-особому, не так, как другие наклонения.

Надо заметить, что точка зрения античных грамматистов получила ныне своеобразное преломление в работах многих из тех филологов, которые не исключают изъявительное наклонение из круга действия языковой модальности. Так, в лингвистической литературе о классических и современных языках изъявительному наклонению приписывается отличительное свойство использоваться для выражения сообщений, объективных по своему характеру. В соответствии с этим сущность других наклонений (исключение иногда делается для повелительного наклонения) усматривается в том, что они служат для выражения субъективных значений и оттенков [69, с. 6-9; 94, с. 84; 99а, с. 191-192]. Однако подобная позиция остается уязвимой. Так, Я. Гонда заметил, что и изъявительное наклонение, подобно другим наклонениям, может быть истолковано как субъективное по своему характеру. В связи с этим он обратил внимание на следующие моменты: при употреблении изъявительного наклонения выражается мнение говорящего лица о реальности того или иного явления, что явление может и не иметь места в действительности, лицо слушающее может и не разделять точку зрения говорящего относительно реальности данного явления [87, с. 3].

По нашему мнению, необоснованность разграничения наклонений по признаку объективность / субъективность становится очевидной, если исходить из того, что в каждом из наклонений находит свое обобщенное выражение определенный род отношения действия к реальности / нереальности его осуществления. Если сама категория наклонения возникла в языке в связи с отражением в сознании человека разных видов объективного отношения действия к действительности, то значение каждого из наклонений является объективным по своему содержанию. Этому не противоречит тот факт, что в предложении при выборе формы

того или иного наклонения присутствует субъективный момент, обусловленный тем обстоятельством, что высказывание всегда осуществляет определенное лицо.

Констатация действия как реального составляет содержание изъявительного наклонения, и она поэтому может быть названа изъявительной модальностью. Говорить же о амодальности этого наклонения — это значит относить термин “модальный” только к значениям, отличным от значения изъявительной модальности, и соответственно к языковым средствам, служащим для выражения таких значений¹⁶. Это наклонение именуют также прямым в отличие от других наклонений, называемых косвенными на том основании, что ими фиксируется тот или иной вид отклонения от упомянутой констатации.

Своеобразие традиционно выделяемого повелительного наклонения (императива) состоит в том, что оно, в отличие от других наклонений, жестко соотносится с коммуникативной установкой высказывания — с выражением побудительности как прямого волеизъявления в противопоставлении сообщению и вопросу [38, с. 204].

Это накладывает свой отпечаток на трактовку императивных форм в лингвистической литературе. Например, существует мнение, отстаиваемое, в частности, на материале немецкого языка, что содержание таких форм “не вписывается” в противопоставление (в оппозицию) по бинарному признаку реальности / ирреальности и что они, характеризуясь положительно признаком “побудительность”, противопоставляются другим финитным формам, воплощающим (в лице индикатива и конъюнктива) слабый член оппозиции по бинарному признаку побудительности / непобудительности [52, с. 75]. От того, добавим мы, считать или не считать последнюю оппозицию находящейся в рамках модальности,

¹⁶ Например, согласно точке зрения Ф. Брюно, модальность остается не выраженной в таких предложениях, как *La terre tourne, L'eau est un composé d'hydrogène et d'oxygène, Paris est traversé par la Seine* [79, с. 507].

напрямую зависит соответственно признание или, наоборот, непризнание за императивными формами статуса отдельного склонения, занимающего место среди других склонений. Но была высказана и иная точка зрения, продекларированная на материале германских языков: “...модальность побудительных предложений есть модальность реальности” [28, с. 103]. А из этого тезиса следует: “императив не имеет какого-либо особого модального значения, отличного от значения индикатива, и, объединяясь с ним в одно склонение — реалис, противостоит ему в плане целеустановки высказывания. Таким образом, индикатив и императив не противостоят друг другу как категориальные формы склонения, а образуют категорию побудительности / непобудительности, отличную от категории склонения и подчиненную ей...” [28, с. 103]. Как мы видим, в первом случае императиву отводится место в схеме оппозиций, имеющей вид “императив ~ (индикатив ~ конъюнктив)”, во втором — в схеме оппозиций, имеющей вид “(индикатив ~ императив) ~ ирреалис (= конъюнктив)”.

Выведение императива за рамки категории склонения наблюдается в работах разных авторов¹⁷. Нам оно не представляется достаточно обоснованным. Ведь в формах повелительного склонения, так же как и в формах других склонений, раскрывается обобщенное отношение к действительности глагольного действия. Тем общим, что лежит в основе выбора говорящим формы повелительного склонения, является идея о том, что осуществление действия может, должно или будет иметь место в результате проявляемого акта волеизъявления. Это, так сказать, строго научно (или академично) “отчеканено” в следующей формулиров-

¹⁷ См., например, монографию Г. Гийома [91, с. 47] или статью А.П. Володина и В.С. Храковского [15, с. 52-53]. По свидетельству В.Г. Гака, из числа склонений французского языка императив был исключен такими лингвистами (помимо Г. Гийома), как Дамурет и Пишон (Damourette J. et Pichon E.), Ивон (Yvon H.), Дюбуа (Dubois J.) [17, с. 200].

ке: “Семантика императива — это прямое волеизъявление говорящего, результатом которого, с точки зрения говорящего, должно быть совпадение пропозиционального содержания его высказывания с действительностью. Иначе можно сказать, что, с семантической точки зрения, использованием императивного высказывания говорящий выражает свою волю придать функтор реальности пропозиции, лежащей в основе этого высказывания” [38, с. 205]¹⁸. К этому следует добавить, что побуждение, ради выражения которого используются императивные формы, имеет, как и высказывания иной коммуникативной установки, свое мыслительное содержание. В логике побуждение расценивается как форма мысли: “Побуждением называется мысль, в которой кому-нибудь предписывается совершить какое-либо, указанное в побуждении, действие либо воздержаться от него” [62, с. 10].

В дефинициях категории наклонения нередко встречается упоминание о говорящем как о лице, которое устанавливает выражаемое наклонениями отношение действия к действительности, или как о лице, с точки зрения которого оказывается выраженным названное отношение. См., например: “Категория наклонения выражает устанавливаемое говорящим лицом отношение действия к действительности” [19, с. 473] или “Наклонение — *грамматическая категория*, выражающая отношение действия, названного *глаголом*, к действительности с точки зрения говорящего” [44, с. 321]. Однако ничуть не реже роль говорящего лица в дефиниции категории наклонения не оговаривается. Примером может

¹⁸ Аргументация В.Б. Касевича – автора данной формулировки – воспринимается однозначно как обоснование положения о том, что «...семантика, “прагматический ранг” и своеобразная формальная специфика императива свидетельствуют о том, что данный ряд форм представляет собой отдельное наклонение» [59, с. 46]. Для введения же императива за рамки категории наклонения достаточно признать “убедительной точку зрения В.С. Храковского и А.П. Володина, трактующих императив в языке как преимущественно прагматически ориентированную категорию, входящую составной частью в разветвленную систему речевого этикета и классификационно отличную от других категорий глагола” [33, с. 110].

служить следующая формулировка: “Категория наклонения — это словоизменительная грамматическая категория глагола, которая выражает отношение действия или состояния к действительности...” [56, с. 253].

В значении каждого из наклонений как экспонента категории наклонения обобщенно представлен (отражен) определенный вид отношения действия к действительности (по признаку реальности / ирреальности), а точкой зрения говорящего определяется выбор формы наклонения в порядке надления ее в составе предложения (высказывания) семантической функцией. Упоминание же о говорящем лице, встречающееся в дефинициях категории наклонения, нам кажется поэтому излишним. Говорящий может сказать *Я читаю книгу* как в то время, когда он ее действительно читает, так и тогда, когда он занят другим делом. В обоих случаях мы наблюдали бы одно и то же грамматическое значение категории наклонения при неодинаковом по сути дела отношении действия к действительности. Но в обоих этих случаях говорящий, употребляя изъявительное наклонение, исходил бы из того, что благодаря изъявительному наклонению действие представляется как реальное, соответствующее действительности.

Выше отмечалось, что категория наклонения существует в языке на основе противопоставления друг другу таких рядов морфологических форм глагола, каждый из которых отличается от остальных по своему модальному значению. При таком подходе к категории наклонения учитываются не только значения, но принимается во внимание и формальный способ их выражения. Что касается формальной стороны, то подобное противопоставление проявляется более ярко тогда, когда противопоставляемые друг другу ряды являются однотипными как с точки зрения количества и грамматической характеристики входящих в них форм, так и с точки зрения принципа строения данных форм. Значение же каждого из наклонений как члена противопостав-

ления есть его релевантное для системы языка внутреннее свойство, существующее объективно. Другими словами, значение того или иного наклонения является объективным в том смысле, что “определенный тип отношения к действительности заложен уже в самой грамматической форме наклонения” и что он “устанавливается и фиксируется в системе форм наклонения как ячейке грамматической системы языка” [12, с. 120].

Данное понимание категории наклонения противостоит ее психологической и чисто семантической трактовкам. Первая из них игнорирует объективный аспект категории. Ее суть раскрывается, в частности, следующей формулировкой: “Наклонение есть грамматическая категория, которая выражает, какую роль играет в душевной жизни говорящего содержание высказывания: представляется ли оно ему как повод к радости или печали, как действительность или как возможность, как предмет “благого намерения” или пылко желанного и т.д. и т.п.” [102, с. 307]. Показательна в этом контексте и позиция А. А. Шахматова: толкуя категорию наклонения как “словесное выражение чувства связи между субъектом и предикатом”, он при этом утверждает, что “характер этого чувства имеет источником единственно волю говорящего, его эмоциональные побуждения” [74, с. 481].

При чисто семантическом подходе к категории наклонения игнорируется то обстоятельство, что грамматическая категория должна опираться на специфические формы своего выражения. Вот образец формулировки, отражающей этот подход: “Субъюнктив — это идея, а не особая форма. Он никогда не ассоциировался с особой формой и всегда выражался различными средствами” [80, с. 390]. Чисто семантический подход ведет к смешению понятий “наклонение” и “модальность”. При нем границы категории наклонения оказываются размытыми ¹⁹.

¹⁹ В этом, кстати сказать, отдавал себе отчет О. Есперсен, хотя он сам склонялся к семантической (понятийной) трактовке. Свидетельством служит сле-

Каждое из наклонений, обобщенно отражая определенный род отношения действия к реальности / нереальности его осуществления, способно выступать при передаче разных конкретных значений (подзначений, оттенков). Поэтому, когда встает вопрос о взаимодействии глагольных форм наклонений с семантикой, нельзя переоценивать семантику и считать, что при выражении каждый раз нового значения мы имеем дело с формой еще одного наклонения.

Вместе с тем при установлении видов и количества наклонений в том или ином языке нужно учитывать возможность наличия омонимичных форм. Если наряду с омонимичными формами существуют неомонимичные формы, то это значит, что выявляемые категории действительно существуют в языке самостоятельно, а их формальное совпадение носит частный характер. Так, например, в немецком языке у глаголов слабого спряжения формы имперфекта конъюнктива совпадают с формами имперфекта индикатива. Однако у сильных глаголов указанные формы различаются между собой. Последнее обстоятельство не оставляет сомнения в том, что у форм слабых глаголов наблюдается явление морфологической омонимии. Более сложным для выяснения вопроса о том, какие наклонения выделяются в данном языке, является такое положение, когда возможна полная омонимия между формами, принадлежащими к разным разрядам²⁰.

Не так уж редко можно наблюдать, что формы, относимые к разным наклонениям, служат для выражения более или менее одинаковых значений, т.е. перекрещиваются в

дующее замечание: «Если отрешиться от твердой почвы глагольных форм, реально существующих в конкретном языке, “наклонений будет много”» [29, с. 372].

²⁰ Так, до сего времени среди лингвистов, исследующих английский язык, нет единого мнения относительно того, является ли глагольная форма типа *asked* в таком, например, предложении, как *I think Mrs. Baxter would go, if Mr. Kemp asked her* (Davis) формой сослагательного наклонения (субъюнктива) или формой изъявительного наклонения, выступающей в особой модальной функции [4, с. 189-194; 30, с. 117-118, 125-126].

своих модальных функциях (см., например, *Если бы он пришел вчера, то я дал бы ему книгу* и *Приди он вчера, то я дал бы ему книгу*). Однако такое совпадение наклонений в одной семантической функции, свидетельствующее о том, что в каких-то случаях семантическая грань между разными наклонениями стирается, отнюдь не означает, что противопоставление между наклонениями вообще сходит на нет. Именно случаи использования финитных глагольных форм, когда противопоставление одного ряда форм другому сохраняется в модальном плане, позволяет говорить о существовании отличительной (характеристической) функции (либо ряда таких функций) для каждого из выделяемых наклонений. Совокупность же формально поддающихся учету синтаксических условий, в которых выступает данное наклонение при выполнении им отличительной функции, определяет сильную позицию данного наклонения в составе предложения. При выявлении типичных случаев использования того или иного наклонения в языке нельзя не учитывать количественные показатели, характеризующие его употребление, ибо восприятие наклонения в языковом сознании основывается на относительной регулярности его использования в том или ином значении. Следовательно, если наклонение выполняет преимущественно отличительную функцию, то это означает, что его отличительной функции соответствует типичный случай его использования. В случае же отсутствия такого соответствия противопоставление данного наклонения другому наклонению (или другим наклонениям) не является ясно выраженным в данном языке и, следовательно, данное наклонение нечетко выделяется в языке ²¹.

²¹ Например, в немецком языке кондционалис принято рассматривать в качестве разновидности конъюнктива, поскольку он при всем своем формальном отличии от конъюнктива не противопоставляется последнему в модальном плане [34, с. 148].

То обстоятельство, что формы различных наклонений могут перекрещиваться в своих функциях, означает возможность взаимозаменяемости форм, относящихся к двум или более наклонениям. Взаимозаменяемость наклонений может иметь место, как явствует из вышеизложенного, лишь тогда, когда по крайней мере одно из наклонений не выполняет отличительной функции. Однако она не может быть полной, поскольку то или иное наклонение, используя на месте другого наклонения, имеет в себе какой-то отличительный оттенок значения, обусловленный его (оттенка) связью со значением данного наклонения при других случаях употребления²².

Анализ отличительных функций лежит в основе выявления тех дифференциальных семантических признаков, по которым различаются наклонения как элементы одной системы. Обращение к таким признакам в лингвистическом описании дает возможность показать системный характер форм, образующих грамматическую категорию.

В качестве резюме вышеизложенного по проблеме модальности и категории наклонения уместны следующие положения:

1) Модальность — это выражаемая различными языковыми средствами одна из таких категорий, в которых воплощается предикативность предложения.

2) Интерпретация языковой модальности как единой грамматической категории не представляется достаточно обоснованной.

3) Круг языковой модальности не определен в лингвистической литературе с надлежащей четкостью ни в плане значения, ни в плане формального выражения. Касаясь

²² Так, хотя в предложениях *Дал бы книгу* и *Дай книгу* выражается побуждение, все же по смыслу они не полностью тождественны друг другу. Это объясняется тем, что значение побуждения, выраженное сослагательным наклонением, находится в ассоциативной связи со значением отвергаемого условия, присущим этому же наклонению.

семантической стороны этой категории, модальными можно считать те значения, в которых отражаются различные объективные по своему характеру отношения содержания предложения к действительности под углом зрения его соответствия / несоответствия действительности. Языковые средства выражения таких значений можно трактовать как средства формального выражения модальности.

4) Морфологический способ выражения модальности представлен формами глагольных наклонений. В каждом из наклонений закреплён в обобщённом виде определённый характер отношения действия к реальности / нереальности его осуществления. Каждое из наклонений бывает представлено в языке целым рядом финитных форм глагола. Категория наклонения — это грамматическая категория в системе глагола, существующая на основе противопоставления друг другу таких рядов морфологических форм, каждому из которых свойственно выражение в обобщённом виде определённой, специфической для данного ряда модальности действия.

5) Категория наклонения занимает центральное место среди средств выражения модальности в силу своей наибольшей обобщённости и типичности. Модальность, выражаемая наклонением, относится к предложению в целом, хотя и не всегда ею исчерпывается модальность предложения.

6) Нет достаточных оснований считать изъявительное наклонение амодальным, а повелительное наклонение выводить за рамки категории наклонения, т.е. исключать из числа наклонений.

7) Встречающееся в дефинициях категории наклонения упоминание о говорящем лице представляется излишним, потому что семантика наклонения как члена противопоставления есть его системно значимое внутреннее свойство.

8) Психологическая и чисто семантическая трактовки категории наклонения не адекватны ее природе.

9) При выявлении наклонения в языке следует учитывать возможность грамматической омонимии, затрагивающей формы того или иного наклонения, и возможность совпадения форм различных наклонений в примерно одинаковом значении при отдельных случаях их употребления.

Категория наклонения в хинди

К вопросу о выделении наклонений

В языке хинди имеются ряды финитных глагольных форм, отличающихся друг от друга по передаваемому ими модальному значению и тем самым являющих собой морфологический способ выражения модальности.

Известна точка зрения, согласно которой в хинди подлежат выделению четыре наклонения: изъявительное, сослагательное, условное и повелительное. Она в свое время была представлена в книге (грамматике и учебнике) А.П. Баранникова [3, с. 75-90], получила освещение в наших опубликованных монографиях [47; 45, с. 115], изложена в грамматике З.М. Дымшица [24 с. 261], отражена в посвященной глаголу монографии и в грамматическом словаре-справочнике О.Г. Ульциферова [115, с. 143; 66, с. 123]; ее придерживается Г. Неспитал [101, с. 78]. Несколько отступает от нее М. Гатцлафф-Хельзиг, выделяя в отдельное наклонение, именуемое оптаивом, так называемые вежливые формы повелительного наклонения [86, с. 89-90].

Отмеченной выше точке зрения противостоит концепция пяти наклонений, выдвинутая, в частности, в грамматике Камтапраасада Гуру, уделившего большое внимание категории наклонения. Помимо изъявительного (*niṣcauārtha*), сослагательного (*sambhāvnārtha* букв. “наклонение возможности”), повелительного (*ājñārtha*) и условного (*sanketārtha*) наклонений Камтапраасад Гуру выделил еще одно наклонение — предположительное (*sandehārtha* букв. “на-

клонение сомнения”) [92, с. 264-266]. В это наклонение он включил аналитические формы, состоящие из причастия полнозначного глагола и формы (лице-родо-числовой) будущего времени от глагола *honā* ‘быть’ как вспомогательного, т.е. те аналитические формы, которые иначе (согласно концепции четырех наклонений, о которой шла речь выше) фигурируют в системе футурума изъявительного наклонения. Данный взгляд нашел отражение в грамматике Дуничанда [82, с. 129], в очерке Т.Е. Катениной [40, с. 63-64].

На проблеме наклонений заострено внимание в грамматике, изданной правительством Индии. Арьендра Шарма, ее автор, признает наличие трех наклонений, а именно: императива, индикатива и субъюнктива, — и различает в субъюнктиве четыре разновидности: (а) желательный (*optative*), который представлен формой, которая у нас трактуется как форма настояще-будущего времени сослагательного наклонения; (б) потенциальный (*potential*), представленный аналитическими формами, относимыми А.П. Баранниковым, Камтапрасадом Гуру и другими грамматистами (в том числе и нами) к сослагательному наклонению; (в) условный (*contingent*), идентичный условному наклонению; (г) предположительный (*presumptive*), представленный формами, сводимыми Камтапрасадом Гуру к предположительному наклонению [112, с. 58, 61-62, 73-77]¹.

Если к разновидностям (в) и (г) субъюнктива подойти как к отдельным наклонениям, а разновидности (а) и (б) объединить в рамках единого наклонения, то классификация наклонений, предложенная Арьендрой Шармой, примет вид классификации Камтапрасада Гуру.

Взгляд Б.А. Захарьина на категорию наклонения в языке хинди отличают на фоне отмеченных выше точек зрения две особенности: 1) включение синтетической (лице-родо-числовой) формы будущего времени в круг форм ги-

¹ Такими же рамками очерчен субъюнктив в грамматике урду Дж. Платтса [106, с. 366-368].

потетива (= предположительного наклонения) в добавление к тем аналитическим формам, которыми, согласно Камтап-расаду Гуру, исчерпывается состав предположительного наклонения (*sandehārtha*); 2) исключение повелительного наклонения из числа самостоятельных наклонений или, точнее, отказ видеть в выделяемом грамматистами повелительном наклонении самостоятельное наклонение, равноположенное с другими глагольными наклонениями языка хинди: изъявительным, или индикативом, желательным, или оптативом, условным, или кондиционалисом, и предположительным, или гипотетивом (желательным, или оптативом, Б.А. Захарьин называет то наклонение, которое выше упоминалось как сослагательное) [33, с. 108-112]. В общетеоретическом плане такой взгляд согласуется с известным положением Е. Куриловича о принадлежности будущего времени к косвенным наклонениям в отличие от настоящего и прошедшего [43, с. 143].

Отдельные замечания о наличии в языке (имеется в виду хиндустани, т.е. урду) морфологически оформленных наклонений содержатся в пособии Йейтса и учебнике Шписа и Баннерта [120, с. 43-44, 65; 114, с. 39-40, 58]. У Йейтса — это индикатив, инфинитив, императив, субъонктив (под ним разумеется в первую очередь то, что мы понимаем как условное наклонение) и потенциальное наклонение (разумеется то, что мы считаем настояще-будущим временем сослагательного наклонения). Шпис и Баннерт оговаривают существование условного наклонения и субъонктива (по-нашему, настояще-будущего времени сослагательного наклонения).

В противовес признанию категории наклонения в языке хинди высказана, однако, точка зрения, согласно которой эта категория языку хинди чужда: “Строго говоря, в хинди нет наклонения. То, что могло бы так называться, охватывается различными временами” [110, с. 76]. Кстати сказать, примерно за сто лет до появления этой формулировки, принадлежащей Сколбергу, Д. Форбс, автор одной из грам-

матик урду, возражая против именованя “аориста” (в нашей интерпретации — настояще-будущего времени сослагательного наклонения) будущим временем сослагательного или потенциального наклонения, заключает: “Мы совсем отказались от термина ‘наклонение’, крайне неприемлемого для хиндустаны и скорее порождающего путаницу, чем полезного” [85, с. 122].

Такое неприятие категории наклонения проистекало из тенденции рассматривать или оценивать все финитные формы глагола под углом зрения лишь их временной характеристики. Многие авторы учебных пособий и грамматик языков хинди и урду, в частности, Гривз (E. Greaves), Грин (A.O. Green), Даусон (J. Dowson), Зейдель (A. Seidel), Тхаккардас Пахва (Thakardass Pahwa), Пинкотт (F. Pincott), Филлотт (D.C. Phillott), Сайхгал (M.C. Saihgal), Хайдари (M.A.Kh. Haidari), Чэпмен (F.R.H. Chapman), Шекспир (J. Shakespear), Абдулхак (‘Abdulḥaq), снимают вопрос о наклонениях: они трактуют финитные формы лишь как формы времени, приписывая при этом некоторым из них определенное значение в плане неизъявительной (косвенной) модальности. Подобную трактовку можно обнаружить и у тех лингвистов, которые указывают на наличие наклонений в языке. Так, С.Г. Келлогг утверждает, что “глагол в хинди подвержен изменению в зависимости от залога, наклонения, времени, рода, числа и лица”, и называет четыре наклонения: индикатив, субъюнктив, императив и инфинитив [97, с. 221]. Однако в последующем изложении о наклонениях как таковых ничего не говорится, а в основу классификации глагольных форм (“времен” — tenses) С.Г. Келлогг кладет лишь принцип их строения: а) образованные от корня, б) образованные от несовершенного причастия (imperfect participle), в) образованные от совершенного причастия (perfect participle) [97, с. 228].

Обнаруживаемое или предполагаемое сходство “времен” в модальном плане обычно фиксируется в даваемых

им названиях. В частности, таким образом Гривз, Грин, Даусон, Зейдель, Тхакардас Пахва, Келлогг, Сколберг отмечают в качестве имеющих одинаковое значение те формы (“времена”), которые другими авторами выделены в сослагательное наклонение. Например, Гривз, Келлогг и Сколберг форму типа *girĩ* (настояще-будущее время сослагательного наклонения: 1 л. ед. ч.) от глагола *girnā* ‘падать’ называют Contingent Future, форму типа *girtā hoĩ* (имперфективная форма сослагательного наклонения: 1 л. ед. ч. м. р.) — Contingent Imperfect, форму типа *girā hoĩ* (перфективная форма сослагательного наклонения: 1 л. ед. ч. м. р.) — Contingent Perfect, подчеркивая общность модального значения словом *contingent* ‘возможный’, ‘зависящий от обстоятельств’ [88, с. 208-209; 97, с. 228; 110, с. 83-84]².

У Тхакардаса Пахвы соответствующая роль отведена слову *subjunctive* [104], у Даусона — *aorist* (например, *Aorist*, *Aorist Present*, *Aorist Past*) [80 а, с. 48, 60]. Для именования форм, которые, как отмечалось выше, некоторыми лингвистами (в частности, Камтапрасадом Гуру, Дуничандом, Т. Е. Катениной) отнесены к отдельному наклонению — предположительному, Гривз, Келлогг, Сколберг прибегают к слову *presumptive*: форма типа *girtā hũgā* — *Presumptive Imperfect*, форма типа *girā hũgā* — *Presumptive Perfect* [88, с. 209; 97, с. 228; 110, с. 86-87]³.

Для решения вопроса о наклонениях языка хинди значима в определенной мере трактовка принимаемой за финитную глагольной формы, равной имперфективному при-

² Бытуют также названия *Past Contingent Imperfect* и *Past Contingent Perfect* соответственно для формы типа *girtā hotā* (имперфективная форма условного наклонения) и для формы типа *girā hotā* (перфективная форма условного наклонения) [97, с. 228; 110, с. 87-88].

³ Однако имеются работы, где форма типа *girtā hoĩ* и форма типа *girtā hũgā* объединены в одной рубрике и где аналогично в одну рубрику сведены форма типа *girā hoĩ* и форма типа *girā hũgā*. В качестве “объединяющих” использованы такие названия, как *Present Dubious* и *Past Dubious* [85, с. 51, 126, 128], *Present Future* и *Past Future* [111, с. 49], *hāl-i-iḥtimālī* “настоящее предположительное” и *māzī-i-iḥtimālī* “прошедшее предположительное” [77, с. 86, 90].

частью. Многие авторы (среди них Гривз, Грин, Келлогг, Пинкотт, Форбс, Шекспир) посчитали, что она лишена определенной временной и модальной характеристики. Так, С.Г. Келлогг, давший этой форме название *Indefinite Imperfect* (“неопределенное несовершенное время”), пишет: “Это время в основном означает незавершенное действие без обязательного отношения к какому-либо времени. Оно поэтому может относиться к прошедшему, настоящему или будущему. Более того, оно употребляется как в изъявительном значении, так и в значении обусловленной возможности” [97, с. 463-464].

Другие филологи (например, А.П. Баранников, Камтапрасад Гуру) усмотрели в финитной форме глагола, равной имперфективному причастию, явление грамматической омонимии, затрагивающей изъявительное и условное наклонения. Эту точку зрения разделяем и мы.

Вместе с тем отмечена возможность противопоставлять эту форму в сфере косвенной модальности по временному признаку “аористу”, т.е. той форме, которую мы принимаем за настоящее-будущее время сослагательного наклонения. Так, Дж. Даусон, сопоставляя “аорист” с интересующей нас формой, констатирует: “Это время (т.е. аорист. — В.Л.) является субъюнктивом или кондиционалисом, относящимся к настоящему или будущему; такую же функцию по отношению к прошедшему выполняет неопределенное время” [80а, с. 175]. В указанном противопоставлении смазывается граница между выделяемыми условным и сослагательным наклонениями.

Подобного рода противопоставление по временному признаку (настоящее ~ прошедшее) постулируется в некоторых работах и для аналитических форм, которые с учетом передаваемого ими модального значения распределяются нами и другими лингвистами по двум наклонениям — сослагательному и условному.

Дискуссионным представляется вопрос об инвентаре форм императива. Многие исследователи полагают, что императив в хинди имеет полную парадигму лице-числовых форм, обнаруживая при этом отличие от простой формы (от настояще-будущего времени) сослагательного наклонения лишь в форме второго лица единственного числа. Этот взгляд ясно изложен в работе А.О. Грина: “Императив имеет такую же форму, как и аорист, за исключением формы второго лица единственного числа, равной просто корню глагола” [89, с. 62]. Другие же исследователи связывают императив лишь со значением второго лица и исключают из него формы, передающие значение первого и третьего лица. “В некоторых грамматиках, — пишет Гривз, — в императиве приводятся формы первого и третьего лица. Это представляется неверным. Императив может употребляться только во втором лице” [88, с. 211]. Показательно в связи с этим замечание Арьендры Шармы: «Так называемые “императивные” формы для первого и третьего лица в действительности являются субъюнктивом (оптативом)» [112, с. 61].

Семантическая характеристика наклонений и отличительные особенности их функционирования

Опираясь на общетеоретическое положение, что экспонент грамматической категории должен являть собою некое единство формы и содержания, мы выделяем в хинди четыре наклонения, а именно: изъявительное, сослагательное, условное и повелительное. В основу различения этих наклонений в плане содержания положены три бинарных различительных признака: 1) реальность / нереальность глагольного действия; 2) отнесенность / неотнесенность выражаемого значения (точнее, содержания, заключенного в лексическом значении глагола) к самому факту осуществления / неосуществления действия; 3) направленность / ненаправленность воли говорящего на участника (участников) речевого акта.

Изъявительное наклонение, наделяя глагольное действие признаком реальности (обеспечивая констатацию действия как реального), противопоставит другим наклонениям как наклонениям “нереальным”.

Сослагательное наклонение характеризуется употреблением вне связи с констатацией отдельного факта (или ряда фактов) реализации / нереализации действия. В связи с этим оно проявляет общность с повелительным наклонением, но расходится с изъявительным, а также и с условным наклонением.

Условное наклонение в силу того, что выражаемая им нереальность противопоставляется реальной ситуации, действительному ходу событий, обладает признаком отнесенности передаваемого им значения к факту осуществления / неосуществления действия. Этот признак роднит условное наклонение с изъявительным.

Повелительное наклонение, выражая побуждение, направленное на собеседника (собеседников) говорящего лица, обнаруживает признак направленности воли говорящего на участника (участников) речевого акта. Изображая действие подлежащим осуществлению в результате волеизъявления, оно служит средством формирования особого типа предложений по цели высказывания — предложений побудительных, в связи с чем оно выглядит находящимся в несколько иной плоскости по сравнению с остальными наклонениями.

Набором свойств, вытекающих из отношения наклонения к упомянутому бинарным признакам, определяется его (наклонения) инвариантное семантическое содержание: а) реальность, отнесенность, ненаправленность применительно к изъявительному наклонению; б) нереальность, неотнесенность, ненаправленность применительно к сослагательному наклонению; в) нереальность, отнесенность, ненаправленность применительно к условному наклонению; г) нереальность, неотнесенность, направленность применительно к повелительному наклонению. Относясь к парадигматике языка, это содержание отражает ту часть семантического потенциала, присущего наклонению, которая лежит в основе выделения последнего. Некоторые из таких свойств оказываются релевантными для того или иного наклонения во всех оппозициях, в которых оно может участвовать как элемент системы. Это доминирующие свойства: для изъявительного наклонения — реальность; для сослагательного — неотнесенность, ненаправленность; для условного — нереальность, отнесенность; для повелительного — направленность⁴. Для каждого из наклонений они определяют доминанту его семантического содержания.

Общее для изъявительного и условного наклонений свойство отнесенности поддается объяснению через понятие фактичности при условии, если понимать фактичность в

⁴ Подробнее об этом см. в нашей монографии [45, с. 116-120].

широком смысле, различая внутри нее собственно фактичность как достояние изъявительного наклонения и контрфактичность как достояние наклонения условного. Поэтому в противопоставленности изъявительного и условного наклонений наклонениям сослагательному и повелительному видится противопоставленность наклонений “фактичных” наклонениям “нефактичным”.

“Контрфактичность” условного наклонения отчетливо видна на фоне “собственно фактичного” изъявительного наклонения: *kisī aur din unhō ne us ādmī ko dutkāṛ dīyā hotā, magar āj bāhar nīkal āye* (P.P, 49) ‘В другой день он прогнал бы этого человека, но сегодня вышел ему на встречу’; *khāt to māī pahle hī likhtā par āpkā patā mālūm na thā* (UA, B, 148) ‘Я бы прежде написал письмо, но мне не был известен ваш адрес’; *tū ne abhī tak kyō nahī, batāyā. mai ūce afsarō se iskī śikāyat kartā* (VA, 5) ‘Почему же ты до сего времени не сообщил мне [об этом]? Я бы пожаловался на это высшим чиновникам’; *...tumhāre hī sābhāle yah ghar ab tak calā hai, nahī, rasātal ko calā gayā hotā* (P. GJ, 134) ‘...лишь на тебе дом все еще держится, а то давно бы провалился в тартарары’; *prārabdha mē yah likhā hai yah mālūm na thā, mālūm hotā to jogin ban jāī* (S. SS, 185) ‘Я не знала (букв. не было известно), что такова моя судьба. Если бы знала (букв. было бы известно), то стала бы отшельницей’.

Значение нереальности (точнее, нереализованной или нереализуемой возможности), передаваемое формами условного наклонения, предстает как контрфактическое в силу того, что оно логически базируется на импликации антитезы, отражающей реальный с точки зрения говорящего ход событий с вовлеченным в него глагольным (т.е. таким, которое названо соответствующим глаголом) действием. В применении к приведенным выше примерам имеется в виду, что “на самом деле {не прогнал, не написал прежде, не пожаловался, не провалился в тартарары, не было известно и не стала отшельницей}”. Здесь каждое действие, обозначен-

ное глаголом в форме условного наклонения, представлено как нереальное в силу того, что оно противопоставляется той ситуации, которая, с точки зрения говорящего, существует в действительности, а не в силу простого отрицания данного действия.

В случаях совмещения условного наклонения с отрицанием соответствующее глагольное действие предстает в имплицированной антитезе реализованным или реализуемым: *mai tumhẽ kaṣṭa na detā, par vivaś hũ* (UA. K. 45) ‘Я не беспокоил бы вас, но вынужден [это делать]’; *merā sukh bhagvān se nahĩ, dekhā gayā, nahĩ to kyā javān beṭe ko yō chĩn lete!* (P.GJ, 125) ‘Богу было неуютно видеть мое счастье. Иначе разве он отнял бы у меня сына в юном возрасте?’; *balki sac pũchā jāe to dangā usĩke udyog se itnĩ jaldĩ śānt ho gayā. yadi vah na cāhtā to dangā abhĩ śānt na hotā* (K. K, 9) ‘По правде говоря, беспорядки так быстро прекратились благодаря его стараниям. Если бы он не хотел, то беспорядки не прекратились бы еще’ (“на самом деле {беспокою, отнял, хотел и прекратились}”).

Типичной сферой употребления условного наклонения являются сложноподчиненные предложения с придаточным условным в связи с выражением условия, противоположного фактам, или отвергаемого условия, и вытекающего из него нереализованного следствия: *yadi peṣgĩ de dete to māĩ bhāg na jātā* (S. SS, 109) ‘Если бы [он] дал аванс, то я бы не убежал’; *yadi use mujh se prem hotā to kyā vah mujh se vivāh na kar letā?* (P. PP, 118) ‘Если бы он любил меня, то разве не женился бы на мне?’; *agar āp na ā jāte to abhĩ aur bhĩ piṭṭā...* (S. SS, 45) ‘Если бы вы не подошли, то и теперь бы его били...’ (см. также последний пример двух предыдущих абзацев). Отсюда проистекает и само традиционное название наклонения — *условное*, хотя, строго говоря, этот термин нельзя признать вполне точным потому, что соответствующее наклонение служит для выражения не только условия (отвергаемого), но и нереализованного следствия

(обусловленной нереальности), причем во втором из значений оно используется шире (именно в этом значении оно выступает в ряде примеров двух предыдущих абзацев, где под отвергаемым условием мыслится: “если бы был какой-нибудь другой день”, “если бы мне был известен ваш адрес”, “если бы ты сообщил мне”, “если бы на тебе дом все еще не держался”, “если бы я не был вынужден”, “если бы Богу было угодно видеть мое счастье”)⁵.

Благоприятным условием передачи контрфактического значения условным наклоном является план прошедшего, а также настоящего времени. Дело в том, что атрибутом плана будущего времени предстает непредсказуемость событий, явлений, при которой вопрос о фактичности в собственном смысле этого слова, а следовательно, и о контрфактичности остается открытым. Возможность отнесения контрфактического значения к плану будущего все же существует. Она отчетливо иллюстрируется, в частности, такими примерами: *sahsā sunnī andar se ā gāī ... ulāhnā detī huī bolī āp na jāne kab se baiṭhe hue hāī, mujhe khabar tak nahī, aur śāyad āp bāhar-hī-bāhar cale bhī jāte* (P. GJ, 110-111) ‘Внезапно появилась Сунни... С укором она обратилась [ко мне]: «Вы [здесь] незнамо сколько уже сидите, а мне и невдомек. Так, наверное, и ушли бы [не повидавшись со мной]»’; *kis tarah urmilā ghar pahūcī, iskā use jhān nahī rahā. uske sāmne bhaviṣya kisī bhayānak rākṣas kī bhāti mūh khole*

⁵ Если, как мы видим, отвергаемое условие и вытекающее из него нереализованное следствие выражаются в сложноподчиненном предложении языка хинди посредством формы (форм) явно одного и того же наклонения — условного, то в других языках, например, в английском, немецком, французском, протазис и аподозис при том же распределении семантической нагрузки отличаются друг от друга глагольными формами: *If I hadn't seen him myself I should never have believed in him* (Aldington) ‘Если бы я сам его не видел, я никогда не поверил бы в него’; *Wenn er laut gerufen hätte, würde sie ihn gehört haben...* (Kellermann) ‘Если бы он позвал громко, то она услышала бы его...’; *Si tu avais moins dansé hier dimanche, tu nous aurais réveillés plus tôt* (Zola) ‘Если бы ты вчера в воскресный день меньше танцевала, ты бы нас разбудила раньше’. Для русского языка характерно сослагательное (условное) наклонение в обеих частях сложноподчиненного предложения.

paṛā thā — pitājī kī tabīyat mẽ idhar kuch sudhār ho rahā thā. agar isī bhātī cār-cha mahīne aur cal jātā to ve svastha ho jāte. ab unkī davā ke lie kahā se dām āyēge. unse kis tarah kahūgī ki naukrī nahī rahī... (Н. G, 117) ‘Урмила, не ведая как, добралась до дома. Будущее рисовалось ей в самом мрачном свете: Ведь отец как-никак шел на поправку. Если бы так удалось продержаться еще четыре-шесть месяцев, то, глядишь, он бы и выздоровел. А теперь откуда взять средства на лечение? Да и как я ему скажу, что осталась без работы?...’

Контрфактичность, передаваемая условным наклонением, может быть соотнесена и с атемпоральным планом (с планом так называемого вневременного настоящего): *kyā acchā hotā, agar yah phulvārī hamešā aisī hī gulzār banī rahtī, iske paudhe aur phūl isī tarah kḥuśī se jhūmte rahte!* (BG. G, 14) ‘Как было бы здорово, если бы этот садик всегда был в цвету, если бы его растения и цветы так же ликующе колыхались!’; *yadi pṛthvī kī satah kisī prakār samtal ho jātī to sabhī deś jal magna hī nahī ho jāte balkī sabhī bhāgō mẽ pānī kī gahrāī 9000 fīṭ se kam na hoī* (VL. 1960. V, 1) ‘Если бы поверхность Земли стала ровной, то все страны не только скрылись бы под водой, но и глубина [разлившейся] воды повсеместно была бы не менее 9000 футов’.

Каждое из свойств, определяющих в совокупности инвариантное семантическое содержание сослагательного наклонения, было определено негативно (представлено как негативный признак): нереальность, неотнесенность, ненаправленность. Однако это вовсе не значит, что семантика этого наклонения как выразителя модальности вообще лишена позитивного аспекта. Его позитивная сторона раскрывается в его семантических функциях или, лучше сказать, манифестируется частными значениями, в выражении которых оно участвует, таких, в частности, как значение намерения, например: *calo, koī aur jūtā hī kḥarīd lū...* (КС. А, 154) ‘Куплю-ка я другие ботинки...’; значение необходимости или долженствования, например: *svayam jagatsinh se pūch liyā jāy*

(S. TY, 235) ‘Надо спросить у самого Джагатсинха’; значение опасения, связанного с возможным или ожидаемым осуществлением действия, например: *kahī lacchamī hī kudṛṣṭi un par na paṛ jāu* (UA. P, 94) ‘Как бы Лаччхми не сглазила их’ (букв. ‘Как бы дурной глаз Лаччхми не пал на них’); значение пожелания, например: *rām tumhārā bhalā kare* (КС. К, 13) ‘Да даст вам Рама счастье’; просьба о разрешении, например: *jījī, ek bāt rūchī?* (JS, 185) ‘Сестрица, можно я задам вопрос?’, значение догадки, предположения (в плане модальности достоверности, или эпистемической модальности), например: *calū, dekhū, koī khabar āi ho!* (Y. A, 104) ‘Пойду гляну: может быть, пришла весточка’. Круг подобного рода значений весьма широк⁶. Часть из них объединяется общим перспективно-потенциальным значением (сферу этого значения обслуживает из форм сослагательного наклонения только синтетическая, или простая, форма, т.е. его настоящее-будущее время), другая часть — общим значением предположения (сфера этого значения обслуживается как синтетической, так и аналитическими формами) [45, с. 154-155; 47, с. 47, 51-52].

Само название “сослагательное” (ср. “конъюнктив”), в отличие от “изъявительное”, “повелительное” и даже “условное”, не указывает, если считаться с семантикой составляющих его морфем, на содержательную сторону выражаемой модальности. Оно скорее должно говорить о том, что соответствующая глагольная форма играет роль в присоединении той части высказывания, которой она принадлежит, к другой части. И в этом отношении данное название отражает одну существенную сторону функционирования соответствующего наклонения — его широкую употребительность в придаточных предложениях (в придаточной части сложноподчиненных предложений). Для “сослага-

⁶ Этот круг очерчен в нашей монографии [47, с. 36-46], в грамматике З.М. Дымшица [24, с. 314-318].

тельности” особо показательны случаи, когда соответствующее наклонение выступает:

1) в придаточном предложении, зависимом (при изъяснительном типе соединения частей сложноподчиненного предложения) от такого главного предложения, которое указывает (обычно лексически) на фактор, диагностирующий нереальность соответствующего действия (с этим фактором может связываться претворение нереального действия в действительность), например: *sāhab kā hukm hai ki yah bāt gupta rakhī jāy* (P. M-7, 290) ‘Сахиб приказывает (букв. сахиба приказ есть), чтобы это хранилось в тайне’; *hājī sāhab cāhte hai ki aspatāl kī imārat mē vṛddhi ho* (AB, 41) ‘Хаджи-сахиб хочет, чтобы здание больницы было расширено’; *lagtā thā jaise pralay kī gharī ā gaī ho* (VV, 436) ‘Казалось, что наступил час конца света’;

2) в придаточном предложении цели, например: *beṭā, kām jī lagākar karnā tāki mālik tum se santuṣṭa aur prasanna rahe* (KC, S, 131) ‘Сынок, работай усердно, чтобы хозяин остался тобой доволен’; *kuch hī der pahle to vah ūpar gayī thī ki zarā havā mē leṭe* (UA, P, 23) ‘Незадолго до этого она поднялась наверх, чтобы немного полежать на свежем воздухе’;

3) в придаточном предложении, зависимом от главного, содержащего отрицание, например: *...aur us mē itnī śakti bhī na thī ki uṭhkar mūh-hāth dho dāle* (P. N, 107) ‘...а у него не было сил даже для того, чтобы встать и умыться’; *aur koī saptāh nahī jātā ki vah mātā ko patra na likhtā ho* (P. P, 11) ‘...и не проходит недели без того, чтобы он не писал письмо матери’; *par aisī ek mahilā bhī na thī jiskī nigāh kaṭār yā talvār kī taraf gaī ho* (P. PP, 362) ‘Но там не было ни одной такой женщины, чей взгляд упал бы на кинжал или меч’;

4) в придаточном предложении времени, вводимом посредством союза семантики “прежде чем”, “до того как” (*jab tak, is ke pahle ki, is se pūrva ki* и другие), например: *gharī tum-hārī hai, kintu jab tak dūsarī gharī na le lū, ise mere pās rahne do* (P. M-4, 285) ‘Часы ваши, однако пока я не приобрету других

часов, оставьте их у меня'; *iske pahile ki māi āp ko giraftār karū, māi kuch aur tahqīqāt karnā cāhīā hū* (К. К, 9) 'Прежде чем арестовать вас, я хочу провести дополнительное расследование'; *isse pahle ki baccā ronā šurū kar de, gusāī ne roṭiyō ke ūpar, ek ṭukrā gur kā rakhkar bacce ke hāthō mē de diyā* (PL, 85) 'Прежде чем ребенок расплакался, Гусаин положил на лепешки кусок сахара и дал [угощение] ребенку в руки'.

Применительно к трем последним случаям уместно говорить о сослагательном наклонении как о средстве подчинения.

В случаях подчинения при помощи относительных слов именно сослагательное наклонение привносит в содержание придаточного предложения оттенок условия, цели или следствия, сравнения с чем-то воображаемым, например: *tumhē jo lar kā dik kare, use pīt diyā karo* (P. N, 62) 'Лупи любого мальчишку, который будет (≡ если он будет) тебе досаждать'; *ek din āve jab tum sab sone-cāḍī se bharpūr ho jāo ...* (S. N, 1) 'Да наступит день, когда у всех вас станет много золота и серебра...'; *...aur vah ṭakṭakī bādhe bacce kī or dekh rahā hai hasrat-bharī ākhō se, us kanjūs sāhūkār kī bhāī, jis ke sāmne us kā sab kuch luṭ rahā ho* (UA. P, 34) '...и он пристально глядит на ребенка глазами, полными печали, подобно скупому ростовщику, у которого на глазах отнимают все его состояние'.

При относительном подчинении формам сослагательного наклонения находится место в придаточных предложениях — частях выраженных сложноподчиненными предложениями дефиниций, например: *jis ke viṣay mē kuch kahā jāe, use uddeṣya kahte hai* (D, 261) 'То, о чем говорится, называют подлежащим'; *vākya mē nāmpad kā kriyā ke sāth jo sambandh ho use kārak kahte hai* (D, 63) 'Отношение именной словоформы к глаголу, которое существует в предложении, называют падежом'; *sanjñā vah vikārī śabda hai jo kisī prānī, padārtha, guṇ, bhāv athvā kisī kalpit vastu kā bodh karāe* (D, 51) 'Существительное — это изменяемое (т.е. имеющее формы словоизменения. — В.Л.) слово, которое обозначает

живое существо, предмет, качество, абстрактное понятие или нечто вообразимое’.

Здесь употребление сослагательного наклонения отвечает его (наклонения) природе как наклонения “нефактического”, поскольку в приведенных дефинициях не имеется в виду какой-либо конкретный факт осуществления (неосуществления) действия, названного глаголом придаточного предложения (как-то, факт высказывания, факт проявления определенного отношения, факт обозначения).

И в связи с этим особенно показательны словарные дефиниции в виде аналогов придаточных предложений относительного подчинения: *bahrā — jo kān se na sune yā kam sune* (РНК, 900) ‘глухой — [тот], который не слышит или плохо слышит’, *upasanhār — kiṣī pustak ke ant kā vah adhyāy jis mē uskā sārānś yā pariṇām sankṣep mē batlāyā gayā ho* (РНК, 173) ‘резюме — тот раздел заключительной части какой-либо книги, в котором кратко изложены ее суть или выводы’, *vidhvā — vah strī jiskā pati mar cukā ho* (РНК, 1173) ‘вдова — та женщина, чей муж умер’, *sākṣar — jo paṛhnā-likhnā jāntā ho* (РНК, 1309) ‘грамотный — [такой], который умеет читать и писать’, *mahādvīp — pṛthvī kā vah baṛā bhāg jis mē kāi deś hō ...* (ВНК, 1781) ‘континент — та огромная часть Земли, на которой находится ряд государств ...’, *muddāleh — jispar dāvā kiya gayā ho* (ВНК, 1068) ‘ответчик — [тот], кому учинен иск’.

Итак, специфика сослагательного наклонения в самом общем виде усматривается в том, что при его употреблении действие упоминается безотносительно к факту его реализации (нереализации), вне какой-либо связи с констатацией факта реализации (нереализации). Его лучше было бы назвать потенциально-предположительным наклонением или, если прибегнуть к латинскому термину, суппозитивом. Последнее название встало бы в один ряд с такими названиями как *индикатив*, *императив* и (применительно к аналитиче-

ским формам будущего времени в наиболее характерной для них семантической функции, если не ко всей системе будущего времени) и *гипотетив*⁷. Условному наклонению нашлось бы место в этом ряду под названием *контрфактический суппозитив*.

Отмеченной спецификой сослагательного наклонения объясняется сопоставимость его простой формы (настояще-будущего времени), выступающей в придаточном предложении при изъяснительном типе связи частей сложноподчиненного предложения, с глагольной формой, представляющей действие в наиболее обобщенном виде, т.е. с инфинитивом:

(а) *strī kā pahlā dharma yah hai ki vah rasō ke kām mē catur ho* (P. M-4, 103) ‘Первая обязанность женщины состоит в том, чтобы она была искусной в приготовлении пищи’ — *unkā to dharma hai apne puruṣ kī sevā kaṁnā* (P. PP, 358) ‘Их обязанность — служить своему мужу’;

(б) *hamārā kartavya hai ki ham unḥē sumārga par lāyē, un ke jīvan ko sudhārē...* (P. S, 217) ‘Наш долг — направить их по верному пути, улучшить их жизнь ...’ — *kṛṣṇa mahāpuruṣ avaśya the, aur unkī pūjā kaṁnā hamārā kartavya hai* (P. PD, 7-8) ‘Кришна, безусловно, был великим человеком, и поклоняться ему — наш долг’;

(в) *unḥō ne ek sabhā sthāpit kī hai, jis kā ekmātra uddeśya yah hai ki is prathā ko uṭhā diyā jāe* (S. SS, 138) ‘Он организовал общество, единственная цель которого состоит в том, чтобы покончить с этим обычаем’ — *unkā vāstavik uddeśya hai, kāngres mē apnī śakti baṛhānā!* (Y. D, 85) ‘Их действительная цель — усилить свое влияние в Конгрессе!’;

(г) *ab hamē cāhiye ki ajīt kā lālan-pālan hośiyārī se karē* (P. D, 4) ‘Теперь нам надлежит пестовать Аджита’ — *hamē apnī laṛāī apne purāne śatru se laṛnī cāhiye...* (Y. D, 239) ‘Нам надлежит сражаться со своим давним врагом...’;

⁷ О гипотетиве как отдельном наклонении говорится в книге Б. А. Захарьина [33, с. 108].

(д) *icchā hai ki āp ko bhī sāth le jāū* (VV, 107) ‘[У меня] есть желание взять и вас с собой’ — *merī to jāne kī icchā nahī hai bhāī! sir mē zor kā dard hai* (P. GJ, 168) ‘У меня, братец, нет желания идти! Сильно болит голова’;

(е) *jagdīs ko sāhas na hotā thā ki vah mamtā kī bhāh pakar kar use kamre se bāhar nikāl de* (AP, 24) ‘Джагдишу не хватало решимости взять Мамту за руку и удалить из комнаты’ — *daftar mē āne kā use sāhas nahī hotā thā ...* (P. M-4, 208) ‘Идти в контору ему не хватало решимости...’;

(ж) *...aur merā man ho rahā thā ki māī lauṅkar rāysan calā jāū* (PL, 135) ‘... а меня подмывало вернуться назад в Райсан’ — *merā lāhaur kī taraf ghūmne jāne ko man thā* (PL, 150) ‘Мне хотелось проехаться в сторону Лахора’;

(з) *dekhī hū, agar bālī mujhe mil jāy to māī usse kahūgī ki vah mujhe dariyā se ek machlī pakar de* (PL, 144) ‘Вот если мне повстречается Бали, то я скажу ему, чтобы он на реке выловил для меня рыбу’ — *unhō ne ek karmacārī ko mākrofon haṭāne ko kahā* (KC. G, 99) ‘Он попросил одного из слушающих отставить микрофон’⁸.

При изъяснительном типе связи частей сложноподчиненного предложения простая форма (настояще-будущее время) сослагательного наклонения накладывает в силу присущего ей перспективно-потенциального значения отпечаток на семантику опорного слова главного предложения таким образом, что:

а) слова, обозначающие акты выражения мысли или формы ее внешнего проявления, воспринимаются в значении

⁸ Инфинитив (см. вторые примеры каждой из пар) предстает в качестве герундиального без послелога [(а), (б), (в)] или с послелогом — “генитивным” [(д), (е)] либо направительным ко [(ж), (з)] — или в качестве герундивного (г). Настояще-будущее время сослагательного наклонения (см. первые примеры каждой из пар) выглядит в сопоставлении с инфинитивом как инфинитив, характеризующийся личесловными формами. С принятием во внимание всего разнообразия конкретных семантических функций этой формы напрашивается аналогия с французским *subjonctif*, считающимся в одной из трактовок личным инфинитивом [17, с. 204].

слов, указывающих на акты волеизъявления, например: *bal-rāj, narottam aur dākṭar vasu se ka h ā ki ve avaśya āyē* (UA. K, 61) ‘[Я] сказал Балраджу, Нароттаму и доктору Васу, чтобы они обязательно пришли’; *...vah ka h r a h e hai ki ham log kānpur śahar mē rahē calkar* (BV, 76) ‘...он предлагает нам переехать в Канпур’ (≅ букв. ‘...он говорит, чтобы мы переехали в Канпур’); *us ne jagat ko ek patra li kh v ā y ā ki chuṭṭī lekar jāy ...* (UA. P, 69) ‘Она [прибегнув к чьему-то содействию] написала Джагату в письме, чтобы он, получив отпуск, приехал...’ (в таких предложениях глагол *kahnā* ‘говорить’ в зависимости от контекста может выступать в значении ‘просить’, ‘велеть’, ‘предлагать’, ‘советовать’ и т.п.; сочетание *patra likhvānā* букв. ‘писать [не собственноручно, а с помощью кого-то грамотного] письмо’ приобрело в приведенном примере значение ‘попросить или распорядиться в написанном [не собственноручно, а с чьей-то помощью] письме’);

б) слова, указывающие на мыслительную деятельность человека, приближаются семантически к словам, обозначающим желание, намерение, например: *merā vi c ā r hai ki āp ye rupaye apne hī pās rakkhē* (S. TY, 180) ‘Я думаю (букв. моя мысль есть), что вам лучше оставить эти деньги у себя’ (≅ ‘Я хочу, чтобы вы оставили эти деньги у себя’); *so c r a h ā h ũ cār-chaḥ dīn ke lie kalkattā hī ghūm āū* (BV, 339) ‘Подумываю (ср. *socnā* ‘думать’) на несколько дней съездить в Калькутту’; *so c rahā h ũ ki unhī ke yahā ho āē calkar* (BV, 207) ‘Думаю, что нам надо его навестить’ (≅ ‘Желаю, чтобы мы его навестили’);

в) многозначное слово *kām* выступает в значении ‘задача’, ‘долг’, ‘обязанность’, например: *us samay nissandeh hamārā kām yah hai, ki ham apnī sārī śakti, sārī pratibhā aur sārī vidyā ghar kī unnati ke lie samarpaṇ kar dē* (S. TY, 248) ‘В такое время наша задача, несомненно, состоит в том, чтобы все свои силы, весь свой талант и все знания отдать на благо семьи’.

Кстати сказать, фразеологические единицы типа *jī mē ānā* букв. ‘приходить в душу’, *dil karnā* (где *dil* ‘сердце’ в качестве субъектной составляющей при глаголе-сказуемом *karnā* ‘делать’) воспринимаются как указывающие на значение желания именно благодаря использованию простой формы сослагательного наклонения, помещенной в придаточной части, например: *...rahmān ke jī mē kāī bār āyā ki vah fazal ko ghar se bāhar nikāl de* (К. А, 150) ‘... у Рахмана не раз появилось желание выгнать Фазала из дома’. Точно так же обстоит дело с такой фразеологической единицей, как *tāk mē rahnā (baiḥnā)* ‘выждать (удобный) случай’: *do ek vid-yārthī is tāk mē rahne lage ki unhē bhī aisā dṛṣya dekhne kā saubhāgya prāpta ho* (К. К, 30) ‘Несколько студентов стали дожидаться удобного случая тоже сподобиться увидеть такое зрелище’.

Повелительное наклонение “нефактическое”, как и сослагательное) служит средством выражения побуждения, обращенного к участнику (участникам) речевой ситуации, отличному (отличным) от говорящего лица (говорящих лиц). Оно характеризуется следующими особенностями: а) передает значение второго лица; б) соотносит действие с планом будущего времени (непосредственно следующего за моментом речи или отдаленного от момента речи); в) допускает опущение местоимения, имеющего в качестве субъектной составляющей предложения значение второго лица; г) используется в неразрывной связи с повелительной интонацией, специфической для побудительных предложений (в тексте такие предложения относятся к кругу предложений, воспроизводящих прямую речь).

Повелительное наклонение включает в себя шесть форм: 1) форму на -∅ (т.е. форму, равную основе глагола), соотносящуюся с местоимением *tū* ‘ты’; 2) форму на -o, соотносящуюся с местоимением *tum* ‘вы’ (при обращении как к одному лицу, так и ко множеству лиц), ‘ты’; 3) форму на -iye, соотносящуюся с местоимением *āp* ‘вы’, ‘Вы’; 4) форму

на *-iyegā*, соотносящуюся с местоимением *āp* ‘вы’, ‘Вы’; 5) форму на *-iyō*, соотносящуюся с местоимениями *tū* ‘ты’ и *tum* ‘вы’, ‘ты’; 6) форму на *-nā*, соотносящуюся преимущественно с местоимением *tum* ‘вы’, ‘ты’, но также обнаруживающую способность соотноситься с *tū* ‘ты’ и *āp* ‘вы’, ‘Вы’.

В качестве субъектных составляющих (проще сказать, подлежащих) предложений, содержащих формы повелительного наклонения, отмеченные местоимения выступают в форме прямого падежа, например: *tū apne rāste jā!* (U. SK, 95) ‘Ты ступай своей дорогой!’; *tum pahle bhūtar calo!* (Y. D, 283) ‘Вы сперва войдите!’; *acchā, āp khud apnī fīs batāie* (P. Gd, 63) ‘Ну ладно, вы сами извольте назвать сумму своего вознаграждения’; *kal bhī āp subah āiegā...* (BG. S, 76) ‘Вы и завтра приходите, пожалуйста, утром...’; *sac tū batāiyo* ‘Скажи правду’ [115, с. 253]; *aur hā, kal tak tum un fahristō ko mere pās zarūr lānā* (BC, 35) ‘И вот еще что. К завтрашнему дню вы обязательно представьте мне эти списки’.

Существует трактовка форм на *-iye*, *-iyegā* и *-iyō* как вежливых форм повелительного наклонения [3, с. 77, 93; 24, с. 307-309]. Однако она оправдана применительно к современному хинди только для двух из них (на *-iye* и на *-iyegā*), соотносящихся с местоимением *āp*, и никак не подходит для формы на *-iyō*. Считать же эти три формы оптативом (желательным наклонением), отличным от императива (такой точки зрения придерживается М. Гатцлафф-Хельзиг [86, с. 89-90]) нет оснований потому, что их использованием в первичной функции (функции различения) имплицитно адресованность волеизъявления⁹.

⁹ Относительно происхождения или истоков этих форм были высказаны разные соображения [47, с. 133-134]. Не лишена оснований точка зрения, согласно которой они ведут начало от совмещения прежнего синтетического пассива с прежним оптативом, так что «с позиций содержательных реконструкций формы хинди-урду типа современных *likH-i(y)-e* “пишите!” или *pi-ji-(y)-e* “выпейте!” должны толковаться приблизительно как “да будет написано!” и “да будет выпито!”» [33, с. 111-112]. Такое толкование, разумеется, не отвечает тому, что в совре-

На фоне того, что форма на *-iye* и форма на *-iyegā* соотносятся с местоимением *āp*, а форма на *-o* и форма на *-nā* — с местоимением *tum* (для формы на *-nā* такое соотнесение является преобладающим), дает о себе знать противопоставление иного рода: форма на *-iyegā* и форма на *-nā* противопоставляются форме на *-iye* и форме на *-o* как формы, относящиеся к осуществлению действия к будущему, отдаленному от момента речи (в терминах индийской грамматической традиции это есть оппозиция *parokṣa vidhi* букв. ‘заглазное предписание’ ~ *pratyakṣa vidhi* букв. ‘приглазное предписание’).

Отмеченную дифференциацию четырех упомянутых форм наглядно иллюстрируют следующие примеры, где эти формы представлены на синтагматической оси: *āp mere khaccar le jāiye, kal tak vāpas bhej dījīyegā* (КС. Т, 57) ‘Вы забирайте моих мулов, но верните их, пожалуйста, не позднее завтрашнего дня’; *pahle tum merī bātē sun lo, phir mujhse kuch kahnā!* (U. SK, 57) ‘Сперва вы выслушайте меня, а уж потом что-либо мне говорите!’. Для формы на *-o* и формы на *-iyo* признак “дистанция во времени”, присущий форме на *-iyegā* и форме на *-nā*, иррелевантен. Впрочем, и упомянутая оппозиция (формы на *-iyegā* и *-nā* ~ формы на *-iye* и *-o*) не является устойчивой. В частности, форма на *-nā* находит применение при выражении настойчивого побуждения к немедленному осуществлению действия, например: *sahsā gokul ne pukārā – mānī, ek gilās ṭhaṇḍā pānī to lānā, baṛī pyās lagī hai* (Р. М-1, 209) ‘Мани, принеси стакан холодной воды. Очень хочется пить», — воскликнул вдруг Гокуль’. Камтапрасад Гуру связывает возможность снятия упомянутой оппозиции с формой на *-iyegā* (эту форму он относит не только к *parokṣa vidhi*, но и к *pratyakṣa vidhi*) [92, с. 287].

В пользу того, чтобы форма на *-nā* рассматривалась как грамматический омоним инфинитива, а не как инфинитив в функции повелительного наклонения, говорит то об-

менном хинди субъектная составляющая соответствующих предложений предстает в прямопадежной форме.

стоятельство, что данная форма занимает свою нишу в системе намечающихся противопоставлений, затрагивающих формы, выражающие значение побуждения к осуществлению действия: по одной линии противопоставления она так относится к форме на *-o* (отчасти и к форме, равной основе глагола), как форма на *-iyegā* относится к форме на *-iye* (налицо “пропорция” $-nā : -o = -iyegā : -iye$); по другой линии она так относится к форме на *-iyegā*, как форма на *-o* относится к форме на *-iye* (налицо “пропорция” $-nā : -iyegā = -o : -iye$). Столь же существенны для такой трактовки формы на *-nā* следующие моменты: а) она вытесняет форму на *-iyo*, уже ставшую архаичной; б) ее употребление в качестве финитной глагольной формы фактически исчерпывается ее императивной функцией; в) она сочетается с прямопадежной формой местоимения — субъектной составляющей побудительного предложения¹⁰; г) при выражении запрещения она, как и другие формы, несущие значение побуждения, принимает частицу *mat* (а не только *na* или *nahī*), сферой применения которой являются исключительно побудительные предложения (*mat*, таким образом, является не просто отрицательной частицей, а частицей запретительной, или прохибитивной).

Системный подход к решению проблемы категории наклонения языка хинди представлен Б.А. Захарьиным в одной из монографий [33]. Система наклонений, базирующихся на синтетических финитных формах глагола, раскрывается им на основе противопоставления соответствующих форм по двум различительным признакам: 1) гипотетичность; 2) реальность [33, с. 108]¹¹. Из идентифицированных им наклонений изъывительное наклонение, или индикатив,

¹⁰ Вне императивной функции форма на *-nā* с прямопадежной формой местоимений, сигнализирующих о субъекте соответствующего действия, не сочетается.

¹¹ Возможность обойтись для идентификации наклонений только двумя различительными признаками связана у Б.А. Захарьиной с отказом видеть в императиве самостоятельное наклонение, равноположенное с другими наклонениями.

характеризуется минусом по признаку “гипотетичность” и плюсом по признаку “реальность”, желательное наклонение, или оптатив, — плюсом по первому признаку и минусом по второму, условное наклонение, или кондиционалис, — минусом по обоим признакам, предположительное наклонение, или гипотетив, — плюсом по обоим признакам.

Примечательно, что гипотетив охарактеризован по признаку “реальность” плюсом, а его отличие от другого наклонения, характеризующегося плюсом по признаку “гипотетичность”, — от оптатива, видится в том, что для него “мысленно предполагается осуществимость события”, тогда как для оптатива “не исключается и его несовершенство”, что придает оптативу характер “чисто теоретического конструкта” [33, с. 115]. Мы же формы, охватываемые этим гипотетивом (синтетическое будущее время с лице-родо-числовыми показателями и аспектуально маркированные аналитические формы, состоящие из причастия и синтетического будущего времени от глагола *honā*, играющего роль вспомогательного), склонны относить к изъявительно-му наклонению в качестве форм (в рамках этого наклонения) неочевидного действия¹².

Минус, выставленный индикативу и кондиционалису по признаку “гипотетичность”, говорит об их “фактичности” в нашем понимании, изложенном выше.

Из того положения, что каждое из наклонений имеет свою доминанту семантического содержания, вытекает обоснованность использования семантического критерия применительно к случаям, когда выделение какого-то из наклонений оказывается связанным с решением проблемы грамматической омонимии.

В частности, выделение условного наклонения в хинди основывается на признании того, что причисляемые к этому

¹² Эта точка зрения отражена в наших монографиях [47, с. 18-26; 45, с. 123-124, 145-149].

наклонению формы (одна из них — простая, или синтетическая, восходящая к имперфективному причастию; три — аналитические, образованные путем сочетания причастия — имперфективного, перфективного, процессивного — с простой формой от глагола *honā* ‘быть’, выступающего в роли вспомогательного) омонимичны формам, которые в плане изъявительной модальности несут значение неоднократности (обычности, повторяемости) осуществления действия в прошлом.

Таким образом, в финитной форме типа *boltā* (ср. *bolnā* ‘говорить’) фиксируются как омонимы простая форма условного наклонения и прошедшее неоднократное время (имперфект регулярной повторяемости, итеративный имперфект): *yadi tum dekh saktī to tumhē aisā dr̥ṣya dikhāi detā ki tum mūr̥chit ho jāī* (S. TY, 99) ‘Если бы ты могла видеть, то тебе представилось бы такое зрелище, что ты лишилась бы чувств’, *mere sthān koī aur hotā to vah bhī yahī kartā* (S. K, 90) ‘Будь кто-либо другой на моем месте, он сделал бы то же самое’, *piknik kuch der tak aur calī, kintu bādālō kī tahē-kī-tahē ek dūsre par car̥hī ā rahī thī* (PL, 119) ‘Пикник продолжался бы еще некоторое время, но тучи угрожающе надвигались друг на друга’ — *yadi kabhī vah mujhe darpaṇ ke sāmne dekh leī, to jhīrakne lagī ...* (P. M-7, 82) ‘Если она заставляла меня перед зеркалом, то принималась браниться ...’, *donō striyō mē mel-milāp barhne lagā. subhadrā jab gangā nahāne jāī to suman ko sāth le leī* (P. S, 38) ‘Дружба между обеими женщинами стала укрепляться. Когда Субхадра отправлялась для омовения в Ганге, она брала с собой Суман’, *kisān bār-bār zor lagātā aur bār-bār jhūjhlākar bailō ko mār̥tā, lekin gārī utarne kā nām na leī* (P. Ss, 110) ‘Крестьянин раз за разом напрягал свои силы, раз за разом колотил быков, однако телега никак не вылезала [из грязи на дне потока]’.

В финитной форме типа *boltā hotā* фиксируется омонимия имперфектива условного наклонения и прошедшего неоднократного имперфективного времени изъявительного наклонения: *rājā colī pahintā hotā to bhej detā* (VV, 187) ‘Ес-

ли бы раджа носил лифчик, то прислал бы [его]', *ye sab gun mujh mē hote to māi bhī tumhārī tarah ... pres mē prūfrīdar kā kām kartā hotā* (JP. A, 82) 'Если бы я обладал всеми этими достоинствами, то и я подобно вам... выполнял бы в типографии работу корректора', *māi itnā aiś kā bandā nahī hū varnā āj bheṛō ke gallā carātā hotā* (P. PP, 346) 'Я не такой уж раб страстей. Иначе пас бы я ныне отары' — *subhadrā koī kām kartī hotī to suman svayam use karne lagtī* (P. S, 38) '[Когда] Субхадра что-либо делала, Суман сама принималась делать то же самое', *din-bhar kāryālay kā kām kar sāyamkāl kī cāy vah ghar par pītī aur phir dāktar balvantsinh, jo iskī kisī niścit sthān par pratīkṣā kartā hotā, ke sāth kisī klab, sinemā athavā yū hī ghūmne calī jātī* (G, 266) 'Проработав весь день в конторе, она пила вечерний чай дома, а потом вместе с доктором Бальвантсинхом, который уже дожидался ее в определенном месте, отправлялась в какой-нибудь клуб, кино или просто погулять', *savere jab unkī ākhē khulī to śraddhā unke snān ke lie pānī tapātī hotī* 'Когда он рано утром просыпался, Шраддха обычно грела ему воду для омовения' [24, с. 278].

В финитной форме типа *bolā hotā* фиксируется омонимия перфектива условного наклонения и прошедшего не-однократного перфективного времени изъявительного наклонения: *agar dhyān se dekhā hotā to matlab na pūchte* (S. K, 70) 'Если бы [вы] внимательно посмотрели, то сами бы догадались', *agar yahī bātē kisī dūsre manuṣya ne kī hotī to vah avaśya uskī zabān pakaṛ letā. lekin apne cācā se vah bahut dabtā thā* (P. S, 213) 'Если бы это высказал кто-либо другой, то он, конечно же, не дал бы ему больше говорить, но перед своим дядей он робел' — *phir jo larke bilkul kore nikalte, athavā jin kā kām adhurā hotā athavā jinhō ne begār ṭālī hotī, unkī jo gat bantī uskī kalpanā kī jā saktī hai* (UA. K, 216) 'Можно себе представить, каковой становилась участь тех мальчиков, которые или оказывались совсем бестолковыми, или не довели работу до конца, или не проявили усердия'.

В финитной форме типа *bol rahā hotā* фиксируется омонимия процессива условного наклонения и прошедшего неоднократного процессивного времени изъявительного наклонения: *belā kī umr bārah sāl se zyādā nahī thī jab vah cauthī mẽ parhtī thī. apne ghar par hotī to āj vah pācvī jamāt mẽ paḥ rahī hotī* (КС. Н, 46) ‘Беле было не более двенадцати лет, когда она училась в четвертом классе. Будь она у себя дома, она теперь училась бы в пятом классе’, *mujh ko tum ko sardī lag rahī hotī to kyā sāth na le ā pātī?* (VV. 316) ‘Если бы мы с тобой зябли, то разве мы не захватили бы с собой [толстую ткань]?’ , *ve yahā hote to zarūr ham ko sahāyā de rahe hote* ‘Если бы они были здесь, то, конечно, помогали бы нам’ [24, с. 329] — *is samay māthur yā to apne kāryālay mẽ mukadmā taiyār kar rahā hotā athavā kisī pustak ke adhyayan mẽ lagā hotā* (G, 266) ‘В это время Матхур в своем офисе или готовился к судебному процессу, или был поглощен чтением какой-нибудь книги’, *jab vah akhroḥ ke per ke nīce baiṭhā huā jūtiyā banā rahā hotā to uskā bholā aur pavitra cehrā kisī devtā jaisā lagtā* (КС. S, 135) ‘Когда он, сидя под ореховым деревом, тачал туфли, его простое и просветленное лицо казалось божьим’, *ham log uske yahā pahūcte to uske kamre se sitār kī āvāz ā rahī hotī ...* (PL, 131) ‘Когда мы приходили к ней, из ее комнаты доносились звуки ситара...’¹³.

Омонимия форм, связанная с различием значения контрфактичности и значения неоднократности осуществления действия в прошлом, даёт о себе знать и тогда, когда такие формы (в частности, простая форма условного наклонения и прошедшее неоднократное время изъявительного наклонения) оказываются рядоположенными, что иллюстрируется следующими примерами (форма условного наклонения выделена прямым шрифтом, форма изъявительного на-

¹³ Существует взгляд на упомянутые формы изъявительного наклонения как на варианты форм прошедшего времени, отличающиеся тем, что в них опущен заключительный вспомогательный компонент в виде *thā* (*the, thī, thī*) от глагола *honā* ‘быть’ [24, с. 274, 277, 280; 115, с. 185, 187, 204].

клонения — курсивом в разрядку): *pahle devatā thā, phir ghar kā ādmī, ant mẽ ghar kā dās ho gayā. roṭiyō mẽ bhī bādḥā par gaī. apamān hone lagā. agar ghar ke log bhūkhō marte aur sāth hī use bhī marnā partā, to use zarā bhī śikāyat na hotī. lekin jab vah de k h t ā, aur log mūchō par tāv de rahe hai, keval māi hī dūdh kī makkhī banā diyā gayā hū, to uske antastal se ek lambī, thaṇḍī āh nikal ātī* (P. GJ, 150) ‘Сначала [Харидхан] был [в доме] божеством, потом стал равноправным членом семьи и наконец превратился в домашнего раба. Даже в хлебе ему стали отказывать, посыпались оскорбления. Если бы его домашние умирали с голоду и ему тоже приходилось бы умирать вместе с ними, то он нисколько бы не роптал, но когда он видел, что другие чуть ли не лопаются от самодовольства, а ему самому отведена роль мухи, барахтающейся в молоке, то из глубин его души вырывался тяжелый вздох’; *kabhī-kabhī unke prem ke apavyay aur atyācār se vaśībḥūt hokar vah s o c t ā, kāś, vah śišu hotā...* (BG. S, 415) ‘Время от времени ему, подавленному мотовством и тиранией их любви, приходила в голову мысль: о, если бы он был младенцем...’; *rāt mẽ karī sardī jel ke bane do kambalō mẽ se uske śarīr ko chedne lag tī, vah sōth kī gāṭh kī tarah s i k u r t ā j ā t ā. us samay nīd na āne par man soce binā na r a h t ā ki us se to kahī acchā hotā vah kisī ko mār kar phāsi pā jātā yā cungī par pakre jāte samay apne bam ko phēk dūsrō ke sāth svayam bhī mar jātā* (Y. D, 34) ‘Ночью все его тело пронизывал сквозь два тюремных одеяла жуткий холод. Он весь съеживался. И тогда он, будучи не в силах заснуть, не мог избавиться от посещавшей его навязчивой мысли, что было бы намного лучше, если бы ему была уготована виселица за убийство какого-нибудь человека или если бы он вместе с другими сам погиб, бросив бомбу во время своего задержания на таможенном пункте’.

Встречаются, однако, случаи, когда по тексту трудно определить, какой из двух грамматических омонимов имелся в виду автором (или, иначе говоря, в каком из двух зна-

чений была употреблена финитная форма, восходящая к имперфективному причастию: в значении контрфактичности или в значении плана изъявительной модальности): *isī daftar mē māi subah tārō kī chāṅv mē ātā aur rāt tārō kī chāṅv mē lauṭtā. bīc mē do-dhāi ghaṅṭe kī chuṭṭī hotī, lekin vah bhī aisī ki na to daftar mē rah sakū aur na ghar jā sakū. agar ghar jātā to śām kī hāzirī mē der ho jātī aur agar daftar hī rahtā to bhūkhō martā. isī lie to māi roṭī bhī daftar hī le jāne lagā thā* (B, 15-16)

‘В это самое учреждение я бывало являлся на рассвете и возвращался [домой] на закате. На середину рабочего дня приходился перерыв на два — два с половиной часа, но ведь он был такой, что и в учреждении не останешься, и домой не пойдешь. Если бы я уходил домой, то случилось бы опаздывать к началу вечерней работы, а если бы оставался в учреждении, то умирал бы от голода. Вот поэтому стал я брать с собой в учреждение провизию’. Естественным кажется и такой перевод: ‘Если я уходил..., то случилось опаздывать..., а если оставался..., то умирал...’.

Пересечение наклонений в сфере семантики на парадигматической оси

Из того положения, что наклонения отличаются друг от друга инвариантным семантическим содержанием и при этом каждое из них имеет свою доминанту семантического содержания, отнюдь не вытекает, что в своем функционировании они не могут обнаруживать линий схождения. Эти линии прослеживаются в парах наклонений.

1. Наклонения изъявительное и условное

1. Обычность, повторяемость осуществления действия отнюдь не значит, что данное действие осуществляется всегда, что в каком-то конкретном случае оно не может остаться нереализованным. Поэтому в фактичности (в собственном смысле этого слова) неоднократных событий или явлений может в определенных условиях контекста проглядывать контрфактичность единичных событий или явлений. Показателен пример: *uskā zyādā samay duḥkhī logō kī sevā mē guzartā thā. gāṅ mē koī bīmār hotā, sulakkhī pahūc jātī* (S. SS, 201) 'Много времени она (Сулаккхи) проводила в уходе за несчастными. Если в деревне кто-нибудь болел, то [к больному] приходила Сулаккхи'. Здесь при бессоюзном соединении предложений, передающих условно-следственную связь явлений, говорится об обычных, повторяющихся событиях, относимых к прошлому. Однако если иметь в виду отдельный случай, то действия можно представить себе не-

осуществленными, чему соответствовал бы такой перевод: ‘Если бы в деревне кто-нибудь болел (или ‘заболел’. — В.Л.), то [к больному] пришла бы Сулаккхи’. Так обнаруживается точка соприкосновения двух наклонений языка хинди при существующей омонимии их форм.

2. Возможны случаи замещения условного наклонения наклонением изъявительным в аподозисе условного периода.

Обычным, в частности, является использование формы прошедшего общего времени глагола *saknā* ‘мочь’, предваряемого в составе предикативного словосочетания деепричастием-основой автосемантического глагола, например: *rupayā paidā karne kī or yadi ve dhyān dete to bahut kuch kar sakte the* (Y. D, 25) ‘Если бы он уделял внимание приобретению денег, то многое мог бы сделать’, *us din ravivār thā, aur agar vah cāhtā to abhī leṭā rah saktā thā* (BV, 351) ‘Было воскресенье, и если бы он хотел, то мог бы еще полежать’, *agar sacmuc ke bhūt hote to havelī mẽ āne se pahle hī hamẽ mār sakte the* (S. K, 95) ‘Если бы это были настоящие демоны, то они могли бы нас убить до нашего прихода в особняк’, *māĩ cāhtā to ant samay tumse mil saktā thā, magar isse kyā fāydā!* (U. SK, 21) ‘Если бы я хотел, то мог бы встретиться с тобой в [свой] смертный час. Но какой в этом прок!’, *vah hamešā yah soctī thī ki yadi ḍāktar itnā ālsī aur lāparvāh na hotā to apnī योगyatā ke bal par kāfī camak saktā thā* (PL, 114) ‘Она всегда полагала, что если бы доктор не был таким ленивым и беспечным, то он мог бы блистать благодаря своим способностям’. Оно объясняется тем, что указанием на возможность в прошлом (на существовавшую возможность) может имплицироваться нереализованность действия, названного соответствующим автосемантическим глаголом. Нечто похожее можно наблюдать и в русском языке: *Он мог услышать вещи для себя довольно неприятные, если б неравно Груиницкий отгадал истину* (М. Лермонтов).

Роль условного наклонения присуща в аподозисе также простому прошедшему времени (простому имперфекту)

глагола *honā* ‘быть’, ‘становиться’ (эта форма образована от супплетивной основы *th-* присоединением к ней родочисловых флексий): *tum yadi din-rāt ek na kar detī to hem kā bacnā sarvathā asambhav thā* (S. TY, 8) ‘Если бы ты не бодрствовала днем и ночью, то спасение Хема было бы абсолютно невозможным’, *agar vah mere sāth na hote to yah kāmyābī muṣkil thī* (S. N, 120) ‘Если бы они не были заодно со мной, то было бы трудно добиться такого успеха (букв. этот успех трудный был)’; *ḍākṭarō aur vaidyō ke pās jāne kā sāmārthya kahā aur sāmārthya bhī hotā, to rupaye kharc kar dene ke sivā aur natījā hī kyā thā* (P. GJ, 29) ‘Откуда было взяться силам, чтобы пойти к врачу или лекарю? И даже если бы он был в силах, то все это обернулось бы лишь пустой тратой денег (букв. кроме расходования денег другой результат какой был?)’, *kisī nirāśrit aur nirdhan bālak ko pālā hotā to bāt aur thī, kintu vah to ek avivāhitā mā kā putra hai. uskī mā jīvit hai, uskā pitā jīvit hai* (AP, 114) ‘Вот если бы [Кришнадалал] выросли какого-нибудь беззащитного и лишенного средств ребенка, тогда другое дело (букв. другое дело было), но он (Ману. — В.Л.) — сын незамужней женщины (букв. матери). Его мать жива, его отец жив’ [ср. пример, содержащий в аподозисе простую форму условного наклонения глагола *honā*: ...*lekin vah byāh ho gayā hotā to bare bhāgya kī bāt hotī* (H. G, 104) ‘...но было бы отрадно, если бы этот брак был заключен’ (букв. ‘... но если бы этот брак состоялся, то большой судьбы дело было бы’)], *bhāī sāhab, āp aruṇ ko ḍākṭar ko dikhā jāte to acchā thā* (UA. P, 32) ‘Было бы хорошо, брат, если бы вы показали Аруна доктору’ [ср. пример с простой формой условного наклонения того же глагола: *us vakt vah agar uske sāth calā jātā to kitnā acchā hotā!* (BG. S, 397) ‘Как было бы хорошо, если бы тогда он отправился вместе с ней’], *inke lie āg nahī, bhūcal ātā to thīk thā* (N. D, 132) ‘Для него пожар — это сущий пустяк. Вот если бы и землетрясение произошло, то было бы то, что надо’ [ср. пример с простой формой условного наклонения того же

глагола: *in donō kā jo āpas mē vivāh ho jātā to thīk hotā* ‘Если бы они поженились, то было бы хорошо’ [25, с. 277]], *tū mere yahā calī ātī to kyā harj thā, māi to terā paṛosī hū* (S. SS, 38) ‘Если бы ты пошла ко мне, то что за беда (букв. какой вред был)? Ведь я твой сосед’.

Выступая в качестве глагола-связки или глагола бытия глагол *honā*, как показывают приведенные примеры, тяготеет к сочетанию с таким именем прилагательным или существительным, которое включает в себе значение оценки (модальной, эмоциональной, этической, логической). Оценка, содержащаяся в аподозисе четырех последних примеров, относится к содержанию протазиса непосредственно.

Способность замещать условное наклонение в аподозисе обнаруживается у предпрошедшего времени изъявительного наклонения, например: *ham log dauṛkar pakaṛ na lete to jān hī de dī thī* (P. M-4, 144) ‘Если бы мы, подбежав, не схватили [его], то [он] расстался бы с жизнью (букв. отдал жизнь)’.

Вот еще два частных случая: 1) простая форма прошедшего времени изъявительного наклонения от глагола *honā* замещает форму условного наклонения в элементарных предложениях, вводимых противительными союзами *anyathā, nahī to* ‘иначе’, ‘в противном случае’: *avaśyamev āp hī kī sattā mere śarīr mē ā gayī thī. anyathā yah vijay asambhav thī* (S. SS, 25) ‘Несомненно, в мое тело вселилась ваша сила. Иначе такая победа была бы невозможна (букв. невозможной была)’, *rameś bābu ko yah viśvās ho rahā thā ki āj merā sitārā buland hai. nahī to ramā ko lagātār tīn māt denā āsān na thā* (P. G, 47) ‘Рамеш-бабу был склонен верить в то, что сегодня ему необычайно везет; иначе было бы нелегко (букв. легко не было) объявить мат Раманатху три раза подряд’; 2) та же форма выступает в протазисе нереального условного периода как служебный элемент конструкции должествования: *māi to yah socī hū ki yadi paramātmā ko uṭhānā hī thā to yō hī uṭhā letā. tarāpne aur tarpāne ke liye yah rog kyō*

diyā? (UA. P, 25) ‘Я полагаю, что если бы Богу нужно было забрать [его] к себе, то он просто так бы и сделал. Почему же он ниспослал эту болезнь, чтобы [он] мучился и мучил других?’, *tujhe marnā hī thā to ghar pahūckar martā* (P. M-7, 150) ‘Если бы тебе было суждено умереть, то ты бы умер, добравшись до дома’ [115, с. 236].

2. Наклонения условное и сослагательное

1. Простая форма (настояще-будущее время) сослагательного наклонения и простая форма условного наклонения употребительны в вопросительных риторических предложениях, отрицающих (если при глаголе нет отрицательной частицы) возможность или необходимость (также долженствование) осуществления соответствующего действия.

Семантически наиболее прозрачны примеры, в которых в качестве субъекта соответствующего действия предстает (мыслится) говорящее лицо (субъект речи). Ниже попарно приводятся примеры с формой сослагательного наклонения и формой условного наклонения:

sunnī kī maut mē kyā kuch kam gaurav hai? māī āsū bahākar us gaurav kā anādar kaise karū?! (P. GJ, 114) ‘Разве в смерти Сунни (Суниты. — В.Л.) меньше величия? Как я могу своими слезами бросить тень на это величие?!’ — māī baccā mujhe dekhkar rone lagā. bilakhte hue bacce ko kaise pakar kar tum tak lāī (S. B, 59) ‘О мать! Завидев меня, ребенок стал плакать. Разве могла я схватить и привести к тебе рыдающего ребенка?!’;

ab mujhe yah avasar milā hai, ise kyō choṛū? (P. SS, 34) ‘Теперь мне представилась эта возможность. Зачем же мне упускать ее?!’ — lekin māī ne apne niścīt path ko na choṛā. sevā ke is suavasār ko kyōkar hāth se jāne detā? (P. PP, 149) ‘Но я не свернул с избранного мною пути. Да и зачем мне нужно

было упускать этот благоприятный случай служения [крестьянам]?!’;

āp is tarah kyō āe yahā? agar bhaiyā ne dekh liyā to gazab ho jāegā. — jāntā hū saritā lekin kyā karū. tumhē dekhe binā rah nahī saktā... (S. K, 104) ‘— Зачем вы явились сюда? Увидит брат, то быть беде. — Я знаю, Сарита, но что мне делать?! Я не могу не видеть тебя...’ — *ākhīr majbūr hokar aspatāl pahūcā āyā, aur kyā kartā?* (P. N, 113) ‘В конце концов я был вынужден доставить [Мансараму] в больницу. Что мне оставалось делать?’;

to kyā cup baiṭhā rahū? tu calā jāyegā to merā kyā hogā? [115, с. 138] ‘Неужто я буду сидеть молча?! Что будет со мной, когда ты уйдешь? — *vah nahī ātā, to kyā māi zabardastī uṭhā lātā ?* (P. N, 112) ‘Сам он не идет. Уж не самой ли мне следовало его тащить?’

В предложениях с вопросительным наречием *kyō* ‘почему’ и отрицательной частицей *na* ‘не’ подчеркивается беспочвенность потенциально существующего сомнения относительно возможности или целесообразности осуществления соответствующего действия: *kyō na usī ojhe ke pās calū?* (P. PP, 37) ‘Почему бы мне не пойти к этому знахарю?! — *māi is per ko kyō na śictī?* [92, с. 464] ‘Это почему же мне не стоило поить влагой это дерево?’

Во всех приведенных выше примерах налицо совпадение говорящего лица, т.е. субъекта речи, с субъектом модальной оценки. Существенное же различие между предложениями с формой сослагательного наклонения, с одной стороны, и предложениями с формой условного наклонения, — с другой, видится в том, что при высказывании первых имеется в виду ситуация в настоящем (с перспективой на будущее), а при высказывании вторых — ситуация плана прошедшего времени. Форма сослагательного наклонения (см. первые примеры каждой пары) несет здесь перспективно-потенциальное значение с отсчетом презентно-футуральной перспективы от

момента речи. Вытекает ли из последнего утверждения то, что и форма условного наклонения (см. вторые примеры в парах) характеризуется здесь перспективно-потенциальным значением с тем лишь отличием, что презентно-футуральная перспектива отсчитывается от момента в прошлом? Положительный ответ на данный вопрос представляется опрометчивым. Дело в том, что презентно-футуральная перспектива с отсчетом от момента в прошлом “прорисовывается” формой сослагательного наклонения, когда последняя оказывается в предложении, помещенном в контекст повествования о прошлом, например: *yahã das baj gaye. merĩ ākhẽ nĩd se jhapak rahĩ thĩ; magar bistar kaise lagãũ? kũvar jo thahrã* (P. GJ, 121) ‘Пробило десять. От желанья спать у меня слипались веки. Но не мне же стелить (букв. ...как я стелил бы) постель! Недаром же [я] заделался принцем’. У формы же условного наклонения приведенных примеров доминирует значение, вытекающее из основной семантической функции этого наклонения — выражать контрфактичность. Оно “заглушает” то значение, которое проступает как перспективно-потенциальное.

Не менее типичны случаи, когда субъект речи (таковым может быть автор повествования, рассказчик, собеседник и т.п.) не выступает в качестве субъекта действия, названного глаголом вопросительного риторического предложения. При этом в одних случаях субъект речи совпадает с субъектом модальной оценки, в других — не совпадает.

Такое совпадение иллюстрируют примеры как с формой условного наклонения (а), так и с формой сослагательного наклонения (б):

(а) *larĩ barĩ ho gã thĩ. ākhir kab tak kvãrĩ rahtĩ ... byãh ho gayã* (S. B, 328) ‘Девушка подросла. Доколе же ей было оставаться не замужем?... Свадьба состоялась’, — *thorĩ hĩ dũr calkar hãph uthe. magar mard to the hĩ, yah kaise kahte ki bhãĩ zarã aur dhĩre calo* (P. P, 17) ‘Пройдя немного, он стал задыхаться. Но недаром он был мужчиной. Разве мог он сказать (≡ Не мог же он сказать): «Брат, иди, пожалуйста, помедлен-

hee!»), *khetō kī jaisī sevā honī cāhie, vah usse na ho pātī. phir acchī fasal kahā se ātī! kuch ṛṇ bhī ho gayā thā* (P. GJ, 28-29) ‘Он не мог обеспечить нужный уход за полями. Откуда тогда было взяться хорошему урожаю?! А тут еще появилась задолженность’, *in śabdō mē kaṛvā satya thā. gangī kyā javāb detī; kintu usne vah badbūdār pānī pīne ko na diyā* (P. GJ, 143) ‘В этих словах мужа была горькая правда. Что могла ответить Ганги?! Но пить эту вонючую воду она [ему] не дала’, *vah samay rone kā nahī, dil mazbūt karke khatre kā sāmna karne kā thā. lekin samjhātā kaun?* (P. K, 90) ‘Было не время плакать. Нужно было с отвагой в сердце встретить опасность. Но кто мог объяснить [это ей]?’ (букв. ‘Но кто объяснил бы?’);

(б) *nīc mātā-pitā kī laṛkī hai, acchī kahā se ban jāy!* (P. Gd, 143) ‘[Она] дочь ничтожных родителей. Где уж там сделаться ей хорошей!’, *apne pās hone kī khuṣī ādhī ho gāī! māī bhī fel ho gayā hotā, to bhāī sāhab ko itnā duḥkh na hotā; lekin vidhi kī bāt kaun ṭāle* (P. GJ, 96) ‘Радость от того, что я сдал экзамены, уменьшилась наполовину. Если бы я тоже провалился, то мой почтенный брат не горевал бы так. Но кто ослушается воли божьей?’, *natījā yah huā kī ragghū ne śikāyat karnā hī chor diyā. kiske sāmne roye? bāp hī nahī, sārā gāv uskā duṣman thā* (P. GJ, 13) ‘В результате Раггху перестал жаловаться. Да и кому мог излить он душу? Не только отец, но и вся деревня была настроена против него’.

Как и при идентичности субъекта речи и субъекта действия, здесь тоже форма условного наклонения связывает соответствующее действие с планом прошедшего времени. Однако, как показывают примеры, и форма сослагательного наклонения также находит применение в контексте повествования о прошлых событиях, фиксируя определенный момент прошлого (а не момент речи) в качестве точки отсчета временной перспективы, которая определяется семантикой самой формы.

Следует заметить, что при повествовании о прошлых событиях с указанными формами (в большей мере с формой

условного наклонения) сближается функционально прошедшее общее время изъявительного наклонения (причем не только от глагола *saknā* ‘мочь’), например: *heḍmāstar sāhab aise larke ko kaise choṛ sakte the* (P. N, 93) ‘Разве директор школы мог расстаться с таким мальчиком?’, *rānī kī ākhō par to baccā hone ke samay paṭṭī bādh dī gaī thī. kul kī rīti jo ṭhahrī. use tālā bhī kaise jā saktā thā* (S. B, 293) ‘Глаза у рани во время появления ребенка на свет были завязаны. Таков уж родовой обычай. Как же можно было его нарушить?!’, *tab vah cillā-cillākar rone lagā. magar vahṅ uskā ronā kaun suntā thā* (P. J, 4) ‘Тогда он расхныкался. Но кто там слышал его плач?’. Поэтому думается, что в том контексте, в котором выше приведено предложение *lekin vidhi kī bāt kaun tāle* (P. GJ, 96) ‘Но кто ослушается воли божьей?’, форму сослагательного наклонения (*tāle*) могли бы замещать *tāltā* (форма условного наклонения), *ṭāl saktā thā*, *ṭāltā thā*, семантически различаясь лишь в нюансах. Так мы обнаруживаем “точку соприкосновения” форм трех наклонений: условного, сослагательного и изъявительного, — каковой в контексте повествования о прошлом оказывается вопросительное риторическое предложение, содержащее идею отрицания возможности или необходимости (также долженствования) осуществления действия при условии совпадения субъекта речи, не мыслимого в качестве субъекта соответствующего действия, с субъектом модальной оценки.

Предложения, отражающие несовпадение субъекта речи с субъектом модальной оценки, являются достоянием несобственно-прямой речи. Роль субъекта модальной оценки приписывается субъекту описываемой (или, что то же самое, предметной) ситуации, который кратко может быть назван протагонистом¹⁴. Модальная (точнее, темпорально-

¹⁴ В коллективной монографии “Теория функциональной грамматики” авторы используют словосочетание “субъект предметной ситуации” (равно как и “субъект модальной оценки”) [64, с. 123, 144 и др]. Термин “протагонист” мы на-

модальная) диспозиция протагониста получает отражение в форме сослагательного наклонения с ее перспективно-потенциальным значением при том, что о нем самом говорится (с позиции субъекта речи) в третьем лице.

Наиболее показательны примеры, где в авторском контексте содержатся прямые указания на душевное состояние протагониста: *nimiṣ bhar ke lie vāsantī asamanjas kī daśā mẽ kharī rahī. kyā vah us veṣyā ke pairō mẽ jā gire* (U.A. K., 51) ‘На какое-то мгновение Васанти остановилась в замешательстве. Как? Ей пасть в ноги этой распутницы?!’, *hīrāsīnh lāj se garā jāne lagā. vah kaise batāe ki rupaye kī bāt bilkul nahī hai* (J. S., 117) ‘Хирасинха пронзило чувство стыда. Как он скажет, что дело совсем не в деньгах?!’, *amīnā kā dil kacōṭ rahā thā. gāv ke bacce apne-apne bāp ke sāth jā rahe hāī. hāmīd kā bāp amīnā ke sivā aur kaun hai. use kaise akele mele jāne de. us bhīrbhār mẽ baccā kahī kho jāy to kyā ho* (P. GJ., 36) ‘На сердце у Амины было тревожно. Ведь все детишки деревни идут со своими отцами. А кто как не она, Амина, замещает Хамиду отца? Как же она может отпустить его на ярмарку одного?! Потеряется ребенок в толпе, что тогда?’, *ḍāyri khole vah der tak soctī rahī — ākhir kyō likhe vah apnī apamān-gāthā. apne apamān aur jahālat ko kyō vah kāgaz ke pannō par utāre. nahī; aisā vah nahī kar saktī* (H. G., 101) ‘Она глубоко задумалась, склонившись над открытым дневником. А на что ей сдалось живописать историю своего унижения? Зачем поверять тайну своего унижения и своей неосмотрительности листкам бумаги? Нет, она не может пойти на это’.

Такого рода указания (см.: *asamanjas kī daśā mẽ kharī rahī* ‘остановилась в замешательстве’, *lāj se garā jāne lagā* ‘пронзило чувство стыда’, *dil kacōṭ rahā thā* ‘на сердце было тревожно’, *der tak soctī rahī* ‘глубоко задумалась’) служат знаком некоторой отстраненности субъекта речи (автора

ходим в монографии М.К. Сабанеевой. Протагонист определяется ею как субъект сообщаемого факта [60, с. 44].

повествования) от мира мыслей и чувств протагониста. А вот примеры, где такая отстраненность остается невыраженной: *ab āj vah kis sāhas se apnī strī ke sāmne jāye. hārā thakā vah darvāze par pahūcā aur apnī lāṭhī dīvāl se ṭikā dī* (Н. К., 66) ‘Как сегодня может он отважиться предстать перед своей женой? Весь измотанный, он подошел к двери и прислонил к стене свою трость’, *pati kā koī smṛti-cihna vah ab apne ghar mẽ nahī rakhnā cāhtī. jiskā antaḥkaraṇ ṣok aur nirāśā se vidīrna ho gayā hai aur pati ke sivā vah kis par krodh utāre? kaun uskā apnā hai? vah kis se apnī vyathā kahe* (P. GJ, 64) ‘Она теперь не хочет хранить в своем доме что-либо из того, что напоминало бы ей о муже. На ком, как не на муже, может сорвать зло та, чья душа истерзана печалью и отчаянием? Кто для нее свой? Кому ей поведать свои горести?’, *yah sab do do paise ke khilaune hāī. hāmid ke pās kul tīn paise hāī. itne mahāge khilaune vah kaise le?* (P. GJ, 41) ‘Каждая из этих игрушек стоит две пайсы. А у Хамида всего три пайсы. Как же он может взять такие дорогие игрушки?!’

2. При соотнесении действия (действий) с планом будущего или (реже) настоящего времени простая форма условного наклонения может приобретать оптативное значение, например: — *agar kisī cīz kī zarūrat ho to batā dījegā vakīl sāhab. — agar ek pyālā kāfī mil jātī to barā acchā rahtā. — abhī lātā hū āp ārām kījīe* (S. K., 30) ‘— Если, господин адвокат, вам что-либо нужно, то скажите. — Я бы не отказался от чашечки кофе’ (букв. ‘Если бы досталась одна чашка кофе, то было бы очень хорошо’). — Сейчас принесу. А вы отдыхайте’, *rājā ne lāl uṭhā liyā aur rānī ko dīyā. rānī us khūbsūrat lāl ko dekhkar bahut khuś huī aur bolī, “agar is lāl kī joṛī kā dūsrā lāl hotā to māī kān ke kuṇḍal banvātī”* (S. B., 338) ‘Раджа поднял рубин и отдал его рани. Увидев красивый рубин, рани несказанно обрадовалась и сказала: «Если бы для пары был другой такой рубин, то я велела бы изготовить для себя серьги», *brāhmaṇ ne vicār kīyā, yadi kisī tarah is*

nartakī ke darpaṇ mē māi apnā mūh dekh pātā. ākhir, ātur gangdattajī, vivekhīn ho, dabe-pāv nartakī ke piche jā khare hue aur corō kī tarah unhō ne darpaṇ mē jhākā (U. SK, 76) ‘Брахман [Гангдатта-джи] подумал: «Вот если бы мне удалось увидеть свое лицо в зеркале этой танцовщицы!» В конце концов, он, сгорая от нетерпения, теряя голову, на цыпочках приблизился сзади к танцовщице и украдкой глянул в зеркало’.

Тем самым она переносится в сферу, в которой уже функционирует, представляя в перспективно-потенциальном значении, простая форма (настояще-будущее время) сослагательного наклонения, например: *mahārāj kī ājñā mil jāy to māi bhī yuddha mē apne lakṣyavedh kī parīkṣā bairiyō par karū* (VV, 258) ‘Если бы махараджа позволил, то и я в сражении проверила бы на врагах свою меткость’, — *āp se milnā cāhtī hū ...agar āp samay nikāl sakē to — āp ājñā kījie* (S.K. 75) ‘— Хочу с вами встретиться... Если бы вы смогли выкроить время! — Я весь внимание’ (из разговора по телефону), *kyā hī acchā ho yadi jīvan aise hī caltā rahe!* (AP, 131) ‘Как было бы здорово, если бы жизнь и дальше шла своим чередом!’ (кстати, заметим, что в русском переводе этих примеров с формой сослагательного наклонения можно было бы вместо сослагательного (условно-сослагательного) наклонения использовать будущее простое время изъявительного наклонения: *позволит, проверю, сможете выкроить, будет, пойдет*).

Здесь между условным наклонением и наклонением сослагательным остается различие в оттенках. Прибегая к простой форме условного наклонения, характеризующегося в своей основной семантической функции значением контрфактичности, говорящий как бы подчеркивает, что он не вправе рассчитывать на то, что соответствующее действие будет осуществлено.

Отмеченный здесь узус использования простой формы условного наклонения следует отличать от тех случаев, когда эта форма (как и другие формы этого наклонения) употребляется, чтобы сигнализировать о таком желательном

действии, осуществление которого (в прошлом или настоящем) мыслится противопоставляемым действительному ходу событий, т.е. отличать от случаев, представленных такими примерами: *kāś, vah ākar mūjhe bādhkar andar dāl dete. ma-gar vah miṭṭī kī mūrti ke samān baiṭhe rahe* (S. N, 138) ‘О, если бы он втолкнул меня в комнату, связав перед этим. Но он продолжал сидеть неподвижно, как изваяние’, *bevaḳūf, tumhē āne kī itnī kyā jaldī thī? nadī ke pār hī rah jāte* (K.C. P, 53) ‘Глупец, зачем ты так спешил прибыть сюда? Оставался бы за рекой’. В этих примерах форма условного наклонения с формой сослагательного наклонения семантически не сближается.

3. Простая форма условного наклонения и простая форма (настояще-будущее время) сослагательного наклонения равным образом употребительны в придаточных предложениях, вводимых составными союзами: *iske pahle ki (iske pūrva ki), isse pahle ki (isse pūrva ki)* ‘прежде чем’, ‘до того как’, при обозначении соответствующим глаголом такого действия, потенциальная реализация которого, приходящаяся на момент прошлого, опережается осуществлением другого действия (последнее обозначается глаголом главного предложения).

Примеры с формой условного наклонения: *dūsre din iske pahle ki use hoś ātā, uskī muattalī kā ādeś pahūcā* (U.A. B, 157) ‘На другой день, прежде чем к нему вернулось сознание, было получено распоряжение об его увольнении’, *isse pahle ki ve rukmiṇī devī ko rokṭe rukmiṇī devī tezī se daurṭī hū nīkal gaī* (S. K, 45) ‘Прежде чем они спохватились, чтобы остановить Рукмини Деви, она выбежала вон’, *isse pahle ki sinh sābhaltā uske rivālvar vāle hāth par kisī ne zor se hatthī māri ...* (S. K, 20) ‘Прежде чем Синх овладел собой, по его руке, державшей револьвер, кто-то сильно ударил рукояткой...’, *isse pahle ki gangāprasād kuch kahtā, ek ādmī ne kahā, “sabhā to hogī hī; hamē sarkār ke hukm kī parvāh nahī hai!”*

(BV, 503) ‘Прежде чем Гангапрасад что-либо вымолвил, один [из присутствующих] воскликнул: «А митинг все равно будет. Власти нам не указ!»’.

Примеры с формой сослагательного наклонения: *aur uske pahle ki janatā kuch samjhe svāmījī pulisvālō ke sāth paṇḍāl ke bāhar kharī pulis kī gārī mẽ savār hokar jā cuke the* (UA, B, 163) ‘И прежде чем люди что-либо сообразили, свами-джи сел вместе с полицейскими в машину, стоявшую у павильона, и укатил’, *kānṣṭeblō ne apne daṇḍe sābhāle; magar uske pahle ki ve kisī par hāth calāyē, sabhī log hurre ho gaye!* (P. M-7, 71) ‘Полицейские взялись за дубинки, но прежде чем они замахнулись на кого-либо, все бросились бежать врассыпную’, *kintu usse pahle ki aur kuch prakṛaṭ ho jāe, usne apne āpko sābhāl liyā...* (AP, 128) ‘Но прежде чем что-либо еще стало явным, он взял себя в руки...’, *iske pahle ki jvālā-prasād yā rādhelāl kuch kahē, bhīkhū ne baṛhkar miṭhāī kī ḍaliyā sāmne rakh dī* (BV, 191) ‘Прежде чем Джвалапрасад или Радхелал успели что-либо сказать, подскочил Бхикху и поставил перед ними корзину со сладостями’.

Показательны также примеры, где в середине (вслед за первой частью сложного целого) помещается наречный аналог союза: *jvālāprasād kuch kahte, isse pahle hī vidyā bol uṭhī...* (BV, 714) ‘Прежде чем Джвалапрасад успел что-либо сказать, Видья выпалила ...’ (букв. ‘Джвалапрасад что-либо сказал бы, ранее этого Видья выпалила...’) — *urmilā koī javāb de ki uske pahle hī unhō ne kahā...* (H. G, 37) ‘Прежде чем Урмила успела дать ответ, он сказал...’.

Во всех примерах, подобных приведенным выше, форма условного наклонения и форма сослагательного наклонения представляются взаимозаменяемыми. В них признак неосуществления или, наоборот, осуществления в дальнейшем соответствующего действия остается не выраженным. Примечательно здесь то, что предложения с формой условного наклонения не содержат пресуппозиции неосуществления действия в дальнейшем.

В контексте же повествования о настоящем с футуральной перспективой развертывания событий применение находит только простая форма сослагательного наклонения: *iske pahile ki mai āp ko giraftār karū, mai kuch aur tahkīkāt karnā cāhtā hū* (К. К., 9) ‘Прежде чем арестовать вас, я хочу провести дополнительное расследование’, *is se pūrva ki yah āg sāre deś aur sansār bhasma kar de use bujhāyā jānā cāhiye* ‘Прежде чем этот огонь испепелит все страны и мир [в целом], его нужно погасить’ [25, с. 273].

Для полноты картины надо отметить возможность использования союза *jab tak* на месте *iske pahle ki* и др. в придаточном предложении, содержащем форму сослагательного наклонения: *jab tak mehtā kuch bolē, vah havā ho gayī* (P. Gd, 83) ‘Прежде чем Мехта успел что-либо сказать, ее и след простыл’, *jab tak lākhī dūsrā tīr calāve, ninnī ne arne ke mastak ke bīcōbīc kā niśānā lekar tīr chor diyā* (VV, 192) ‘Прежде чем Лакхи выпустила вторую стрелу, Нинни выстрелила из лука, прицелившись точно в голову буйвола’, *jab tak mahārāj kī ājñā se vah apnī or se dvār kholne kā yatna kare, tab tak fīrozī ko usī kothrī mẽ us chure kā patā mil gayā* (U. S, 89) ‘Прежде чем она по велению махараджи предприняла попытку открыть дверь изнутри, Фирози обнаружила спрятанный в этом же помещении тот кинжал’.

4. Параллелизм в использовании простой формы условного наклонения и простой формы сослагательного наклонения наблюдается в вводимых союзом *ki* (изредка *jo*) ‘что’ придаточных предложениях, когда в главных предложениях сложноподчиненных предложений говорится о несоблюдении условия, мыслимого в качестве необходимого для реализации указанного в придаточных предложениях следствия. В наиболее типичных случаях главное предложение несет информацию о недостаточной степени качества (*vah aisā andhā nahī ki...* ‘Он не настолько слеп, чтобы...’), о недостаточной мере проявления фактора, необходимого для реализации следствия (*us mẽ itnā sāhas nahī ki...* ‘В нем нет такой отваги, чтобы...’), об отсутствии такого фактора (*uskī śakti na thī ki...* ‘У него не было сил, чтобы...’).

Приводимые ниже примеры распределены по четырем рубрикам на основании учета, во-первых, того, форма какого наклонения помещена в придаточном предложении — сослагательного (1) или условного (2), и, во-вторых, того, с каким временным планом соотнесено содержание главного предложения — с планом прошедшего (а) или планом настоящего (или будущего) (б):

1а) *is samay jis hisse mẽ gārī jā rahī thī vah hissā kaccā thā. lekin itnā kaccā nahī thā ki yātrā karnevālō ko koī pareśānī ho* (S. K, 54) ‘Тот участок дороги, по которой в это время ехал автомобиль, был без покрытия, но не настолько он был плох, чтобы ездоками овладело беспокойство’, *abhī aise būrhe nahī ho gaye ki koī kām na kar sakē* (P. SS, 48) ‘[Он] еще не настолько состарился (букв. не стал таким старым), чтобы быть не в состоянии выполнить какую-нибудь работу’, *...aur us mẽ itnī śakti bhī na thī ki uṭhkar mūh-hāth dho dāle* (P. N, 107) ‘...а у него не было сил даже для того, чтобы встать и умыться’, *kisī mẽ bhī sāhas na thā ki us sannāte ko toṛe* (P. M-4, 124) ‘И никто не решался нарушить это безмолвие’ (букв. ‘Ни у кого не было решимости, что нарушил бы это безмолвие’);

(1б) *māi aisī anārī nahī hū ki kisī ke jhāse mẽ ā jāī* (P. Gd, 191) ‘Я не настолько наивна, чтобы попасться кому-либо на удочку’, *vah itne svārthāndh nahī hāi ki is avasar par kuch bal khāne ko taiyār na ho jāyē* (P. GJ, 77) ‘Он не столь алчен, чтобы по этому случаю не смириться с убытком’, *jamnā kī itnī majāl nahī ki mujh se pūchē binā calī jāe* (S. SS, 82) ‘Джамна не посмеет уехать без моего ведома’ (букв. ‘У Джамны нет такой смелости, чтобы, не спросившись у меня, уехала’), *māi mahātmā gādhī nahī hū, jo apne aniṣṭa karne vāle ko bhī mitra mānū* (G, 179) ‘Я не Махатма Ганди, чтобы принимать за друга даже своего недоброжелателя’;

(2а) *parantu māi aisā mūrkhā nahī thā ki ruk jātā* (K.C. K, 143) ‘Но я был не настолько глуп, чтобы остановиться (букв. что остановился бы)’, *...parantu itne kacce bhī nahī the*

ki rahasya na samajh jāte (Y. DB, 353) ‘...но [он] не был и таким простаком, чтоб не понять секрета’, *un mē itnī himmat na thī ki sac bāt kah dete* (UA. B, 43) ‘У него не хватало решимости сказать правду’ (букв. ‘У него не было такой решимости, что сказал бы правду’), *...jo itnī ūcī na thī ki use koī phalāṅ na saktā* (КС. Н, 86) ‘...которая (стена. — В.Л.) не была столь высокой, чтоб ее нельзя было перепрыгнуть’;

(2б) *hā, māi itnī bemurauvat nahī hū ki khannā ko āpne pās āte dekhkar dutkār detī* (P. Gd, 172) ‘Я, разумеется, не столь жестока, чтоб гнать Кханну, увидев его приближающимся ко мне’, *ham ko kul-paratisthā itnī pyārī nahī hai mahārāj, ki uske pīche ek jīv kī hatyā kar dālte* (P. Gd, 128) ‘Нам, почтенный, честь рода не столь дорога, чтоб ради нее мы губили живое существо’, *tum patthar nahī ho ki mere āsuō se na rasījte* (P. S, 261) ‘Ты ведь не камень, чтобы не расчувствоваться (букв. что не расчувствовался бы) от моих слез’, *keval gulābo ammā us gāy kī pakṣapātīnī — aur pracāṇḍa. binā unke prāṇ nikāle kyā majāl jo koī gaumātā ko ghar se bāhar nikāl detā* (U. SK, 7) ‘Только матушка Гулабо заступает за эту корову, причем истово. Кто посмел бы ценою жизни самой матушки Гулабо выгнать корову из дома?!’ (букв. ‘...какая смелость, что кто-либо выгнал бы корову-мать из дома?!’).

В связи с интерпретацией приведенных выше примеров напрашивается ряд соображений.

1) В предложениях рубрики (1б) в качестве точки отсчета презентно-футуральной перспективы развертывания действия, обозначенного глаголом в форме сослагательного наклонения, фиксируется момент речи, в предложениях рубрики (1а) — момент прошлого.

2) Форма условного наклонения примеров рубрики (2а) противостоит форме сослагательного наклонения рубрики (1б) как форма прошедшего (точнее, послепрошедшего) времени форме настояще-будущего времени в плане одной и той же модальности (предположительность выражаемого следствия).

3) При соотнесении содержания главного предложения с планом прошедшего времени [см. примеры рубрик (1a) и (2a)] оппозиция в плане модальности между формой условного наклонения и формой сослагательного наклонения нейтрализуется.

4) В предложениях рубрики (2б) форма условного наклонения несет значение контрфактичности (в них налицо пресуппозиции “я не гоню”, “мы не губим / не губили живое существо”, “ты расчувствовался”, “никто не выгоняет / не выгонял”).

В приведенных примерах представлена лишь одна из разновидностей сложноподчиненных предложений, где использование формы сослагательного или условного наклонения в придаточном связано с выражаемым (с помощью отрицательной частицы или в виде риторического вопроса) в главном предложении отрицанием. Есть и другие такого рода разновидности, демонстрирующие отмеченный выше параллелизм в использовании форм обоих наклонений при выделении тех же рубрик (практически первых трех).

Во-первых, это изъяснительные предложения, в главной части (главном предложении) которых прямо отрицается проявление, бытие, существование того, что составляет семантическое ядро придаточного предложения:

(1a) *kisī se yah na hotā thā ki uskī kuch madad kar de* (UA. B, 247) ‘Никто не оказывал ей никакой помощи’ (букв. ‘Ни от кого не было того, что оказал бы ей помощь’);

(1б) *burhāū din-bhar makkhī mārā karte hāi, itnā bhī nahī hotā ki zarā jhārū hī lagā dē* (P. GJ, 128) ‘Старик целый день гоняет мух. Нет, чтобы взять метлу и подмести’, *aisā to ham log kabhī nahī karte ki kisī kā ehsān bhūl jāyā* (P. K, 82) ‘Мы никогда не забываем оказанную нам кем бы то ни было любовь’ (букв. ‘... не делаем никогда такого, что забыли бы...’);

(2a) *hā, yah to na huā ki kalāsiyā uṭhākar bhar lāte* (P. GJ, 144) ‘Это верно. Нет (букв. это не стало), чтобы им взять кувшин и, наполнив его водой, принести’.

Во-вторых, это сложноподчиненные предложения, придаточное предложение которых вводится относительным местоимением, выполняющим заместительную функцию по отношению к тому слову главного предложения, с референтом которого связано выражение отрицания:

(1a) *koī ākh aisī na thī jo āsuō se lāl na ho* (P. M-7, 56) ‘Не было ни одного такого глаза, который не был бы красным от слез’;

(1б) *ghar mē koī aisī vastu nahī hai, jise bekar rupaye jamā ho sakē* (К. К, 131) ‘В доме нет такой вещи, от продажи которой могли бы скопиться деньги’;

(2a) *...unke sāmne koī dūsrā aisā vyakti na thā, jise ve mere sthān par rakhte* (К. К, 80) ‘...у него не было другого такого человека, которого он поставил бы на мое место’, *par afsos hai ki āj taimūrī khāndān kī ek beṭī bhī yahā aisī na niklī jo apnī hurmat bigārne vāle par hāth uṭhātī* (P. PP, 365) ‘Но жаль, что сегодня здесь не оказалось ни одной такой девушки из рода Тимура, которая подняла бы руку на своего обидчика’, *koī aisā dīn na jātā jab manne ek-na-ek bār apne atīt ko smaraṇ na kartā* (BG. S, 140) ‘Не проходило и дня, когда Маннэ хоть бы раз не вспомнил о своем прошлом’.

В изъяснительных предложениях и предложениях с местоименно-относительной связью частей отмеченных разновидностей используются и аналитические формы сослагательного наклонения: *yah bāt nahī ki un mē mat-bhed na hotā ho* (P. M-4, 297) ‘Нельзя сказать, что у них не бывало разногласий (возможен и такой перевод: ‘Не то, чтобы у них не бывало разногласий’); *hotā ho* — имперфектив сослагательного наклонения от глагола *honā* ‘быть’, ‘становиться’), *javār kā koī aisā ādmī na thā jo un do bhāiyō ko aur unkī tākat aur bahādurī na jāntā ho* (BG. G, 15) ‘Во всем округе не было человека, который бы не знал этих двух братьев, их силы и отваги’ (*jāntā ho* — имперфектив сослагательного наклонения от глагола *jānnā* ‘знать’), *koī aisā mitra na thā jisse usne baṛh-baṛhkar bātē na kī hō* (P. G, 37) ‘Не было такого друга, перед которым он бы не похвастался’ (*kī hō* — перфектив сослагательного наклонения от глагола *karnā* ‘делать’ в

составе фразеологизма), *par aisī ek mahilā bhī na thī jis kī nigāh kaṭār yā talvār kī tarāf gaī ho* (P. PP, 362) ‘Но [там] не было ни одной такой женщины, чей взгляд упал бы на кинжал или меч’ (*gaī ho* — перфектив сослагательного наклонения от глагола *jānā* ‘идти’).

5. Параллелизм в использовании простой формы условного наклонения и простой формы сослагательного наклонения наблюдается в придаточной части (придаточном предложении) изъяннительных предложений, в главной части (главном предложении) которых опорный лексический компонент относится к лексико-семантической группе желания, стремления (глагол *cāhnā* ‘хотеть’, ‘желать’, существительное *icchā* ‘желание’, фразеологизмы, содержащие в своем составе слово *man* ‘душа’, *jī* ‘душа’, *dil* ‘сердце’ и др.).

Учет различия в соотношении наклонения придаточной части и временного плана содержания главной части позволяет выделить те же рубрики, что и указанные выше в предыдущем пункте (4). Примеры:

(1a) *māi cāhtā thā ki kisī samay milkar tum se aur vistār se bāt karū* (MR, 495) ‘Я хотел как-нибудь встретиться с тобой и обстоятельнее поговорить’, *ve keval yah cāhte the ki trivenī ākhō se ojhal na ho* (S. N, 193) ‘Он лишь хотел, чтобы Тривени не скрылась из виду’, *bas byās ke sāth-sāth mor kāṭ rahī thī aur merā man ho rahā thā ki māi lauṭkar rāysan calā jāū* (PL, 135) ‘Автобус катился по извилистой дороге вдоль берега Биаса, а меня подмывало вернуться назад в Райсан’, *darśī kī icchā thī ki vah halke se jhūmar kharīd le* (B, 30) ‘У Дарши было желание купить легкие подвески’, *candā kā man cāh rahā thā, khannā kuch bāt kare* (Y. D, 224) ‘Чанде хотелось, чтобы Кханна что-нибудь сказал’;

(1б) *ab to māi yahī cāhī hū ki uskī zindagī acchī tarah kaṭ jāe* (MR, 309) ‘Теперь я хочу, чтобы жизнь у нее наладилась’, *vāstav mē kampanī ke adhikārī bhī cāhte hai ki vah man-trī banī rahe* (G, 190) ‘На самом деле и должностные лица компании желают, чтобы она оставалась секретарем’, *icchā*

hai ki āp ko bhī sāth le jāū (VV, 107) ‘[У меня] есть желание взять и вас с собой [на охоту]’;

(2а) *ham to yah cāhte the ki hamē unke un sāthiyō aur mitrō kā patā lagtā, jinke vicār rājvidhrohātmak hai* (К. К, 62) ‘Мы хотели, чтобы нам стало известно о тех его друзьях и товарищах, которые замышляют мятеж’, *māī cāhtī thī ki mere jāne se pahle šuklā kā dhyān surjūt kī taraf se haṭ jātā* (MR, 309) ‘Я хотела, чтобы до моего отъезда у Шуклы пропал интерес к Сурджиту’, *merā to man thā ki ghar se calne se pahle hī ek-ek pyālī pī lete...* (PL, 146) ‘Мне ведь хотелось, чтобы мы перед уходом из дома выпили по чашечке чая...’, *merī baṛī icchā thī ki āj thorā ghūm āī* (S. TY, 197) ‘У меня было большое желание прогуляться (букв. что прогулялась бы) сегоднѣ’, *uske dil mē ek tīvra icchā hoī ki uṛkar un coṭiyō par jā pahūctī* (P. PP, 114) ‘Ее сердцем владело одно страстное желание — полететь к тем вершинам’ (букв. ‘В ее сердце было одно страстное желание, что [она], полетев, добралась бы до тех вершин’);

(2б) *to kyā tum cāhtī ho ki māī vahā mar jātā?* (S. SS, 219) ‘Так ты хотела бы (букв. хочешь), чтобы я и погиб там [на поле минувшего сражения]’, *...lekin lalcāī huī ākhō se khīlaunō ko dekh rahā hai. aur cāhtā hai ki zarā der ke lie unhē hāth mē le saktā* (P. GJ, 41) ‘...но [Хамид] жадными глазами смотрит на игрушки. Ему хочется подержать их в руках’ (букв. ‘И хочет, чтобы мог хоть не надолго взять их в руки’).

Одни из приведенных примеров отражают ситуацию, в которой субъект желания совпадает с субъектом действия, названного глаголом придаточной части (придаточного предложения)¹⁵, другие — ситуацию, где такого рода совпадения нет. При другом основании деления примеров выделяются такие из них, которые отражают совпадение субъекта речи (говорящего лица) с субъектом желания, и такие,

¹⁵ В русском переводе таких примеров обычно используется инфинитив.

которые отражают ситуацию, в которой субъект речи и субъект желания — это разные лица.

Так, если обращаться к таким приведенным выше четырём примерам, как (MR, 495), (B, 30), (G, 190) и (MR, 309), то станет ясным, что в рамках первого деления примерам (MR, 495) и (B, 30) противостоят примеры (MR, 309) и (G, 190), а в рамках второго деления примерам (MR, 495) и (MR, 309) противостоят примеры (B, 30) и (G, 190).

В приведенных выше примерах рубрик (1a) и (2a) главная часть сложноподчиненных предложений сообщает (в плане повествования о прошлом) о факте наличия того или иного желания, определяющего душевное состояние лица. Однако в главной части может содержаться сообщение о появлении, возникновении желания¹⁶. В таких случаях придаточной части (придаточному предложению) свойственна форма сослагательного наклонения глагола: *uskī icchā huī ki vah turant šivir mē rahūce* (JP. I, 101) ‘У него появилось желание немедленно прибыть (букв. чтобы он немедленно прибыл) в лагерь’, *sac, merā man huā ki har ek ko apne sīne se lagā lū* (H. G, 67) ‘И вправду мне захотелось каждого прижать (букв. чтобы прижала) к своей груди’, *...rahmān ke jī mē kāī bār āyā ki vah fazal ko ghar se bāhar nikāl de* (КС. А, 150) ‘...у Рахмана не раз появлялось желание прогнать (букв. чтобы он прогнал) Фазала из дома’, *ragghū ne kunjī utārī aur cāhā ki sandūk khole ki muliyā ne uskā hāth pakar liyā...* (P. GJ, 19-20) ‘Рагху снял ключ [с крючка] и хотел было (букв. захотел или вознамерился) открыть (букв. чтобы открыл) шкатулку, как Мулия схватила его за руку...’. Такого рода примеры пополняют круг примеров рубрики (1a).

Приведенные здесь примеры отличает та особенность, что они отражают совпадение субъекта желания с субъек-

¹⁶ Показательно в связи с этим прошедшее аористическое время глагола главной части, наделенное нарративной функцией.

том действия, названного глаголом придаточной части. Однако возможно описание и такой ситуации, в которой субъект желания в качестве субъекта действия не предстает: *māṇik ne cāhā ve machliyā durgā uske mārfat hī* бесе... (UB, S, 137) ‘Маник хотел, чтобы эту рыбу Дурга продавала при его же посредничестве...’.

Подводимыми под рубрику (1a) предложениями, которые сообщают о факте наличия желания, не имплицируются ни реализованность желательного действия (т.е. действия, названного в придаточном предложении глаголом, принявшим форму сослагательного наклонения), ни его нереализованность. Реализованность / нереализованность действия раскрывается, когда это сочтено нужным, последующим контекстом. В этом плане помещенной ниже первой паре примеров противостоит вторая пара примеров:

bas byās ke sāth-sāth mor kāṭ rahī thī aur merā man ho rahā thā ki māi lauṭkar rāysan calā jāības jab kullū pahūckar rukī to māi ne ... rāysan ke lie pahli vāpasī bas pakar lī. bas ne pandrah-bīs mināṭ mẽ hī mujhe rāysan ke bāzār mẽ utār diyā (PL, 135) ‘Автобус катился по извилистой дороге вдоль берега Биаса, а меня подмывало вернуться назад в Райсан... ..Когда автобус остановился в Куллу, мне... удалось сесть на первый же обратный автобус на Райсан. Через какие-нибудь пятнадцать-двадцать минут я ступил из автобуса на базарную площадь Райсана’, *rahmān kā jī cāhtā thā ki vah khāṭ ke nīce se jūtā uṭhā le... ..kisī ardhacetan bhāv se usne apne jūte uṭhāye ...* (B, 125) ‘Рахману хотелось достать туфли из-под кровати... ..В полузабытьи он достал свои туфли...’;

māi cāhtī thī ki kuch dinō ke lie maisūr jākar bharatnāṭyam kī trening le lū, magar harbans mujhe jāne kī ijāzat hī nahī detā (MR, 76) ‘Я хотела отправиться на несколько дней в Майсур и заняться там освоением [танца] бхаратнатьям, но Харбанс не разрешает мне ехать’, *purī cāhtā thā ki takht par baiṭhe vyakti se ākh milne se pahle hī lauṭ jāye parantu thiṭhak kar rah gayā* (Y. DB, 12) ‘Пури хотел удалиться, пре-

жде чем встретиться взглядом с сидящим на тахте человеком, но застыл на месте’.

В подводимых под рубрику (1а) предложениях, в которых сообщается о появлении, возникновении желания, имеются в виду, как правило, такие желательные действия, которые (если глагол не имеет при себе отрицания) остаются нереализованными: *merā man huā ki ek bār zor se hās dū. magar mujhe lagā ki merī hāsī bahut akelī aur khokhlī hogī* (MR, 195) ‘Я готов был расхохотаться, но сообразил, что мой смех будет совсем неуместным и бестактным’, *pārvatī ke man mẽ āyā ki sainḍil utār kar tarātar unke mūh par jaḍ de. par vah man masos kar rah gāī* (Н. К, 49) ‘У Парвати появилось желание снять с ноги сандалию и ею отлупить их по лицу, но она сдержалась’. См. также выше пример (Р. GJ, 19-20).

В рассмотренном здесь случае параллелизма в использовании форм двух разных наклонений форма условного наклонения в силу присущего ей значения контрфактивности в основном сохраняет противопоставленность в модальном отношении форме сослагательного наклонения. Наиболее отчетливо это видно на примере предложений, в которых факт наличия желания соотнесен с планом настоящего времени [рубрики (1б) и (2б)]. Снятие указанной противопоставленности может касаться лишь предложений, подводимых под рубрику (2а), особенно тех из них, которые фиксируют несовпадение субъекта речи с субъектом желания. См., в частности, выше (с. 87) пример (Р. PP, 114).

В рассмотренных примерах появление формы сослагательного наклонения, равно как и формы условного наклонения, предопределяется семантикой опорного лексического компонента главной части (главного предложения) сложноподчиненного предложения. Это предопределение не нарушается отрицательной частицей при глаголе главной части: *vah nahī cāhte the ki us sankrāmak rog ke sainetoriyam mẽ naval jākar rahe...* (BV, 614) ‘Он не хотел, чтобы Наваль поехал лечиться в этот санаторий для инфекционных боль-

ных...’, *māi nahĩ cāhtī ki vahā koī bhī mere bāre mẽ kuch jāne yā bāt kare* (PL, 159) ‘Я не хочу, чтобы там кто-либо обо мне что-то знал или судачил’, *aisī daśā mẽ mādho kī mā kā man na hotā ki vah apnī biṭiyā kī jis yād mẽ tarap rahī thī usī mẽ mādho ko bhī tarpāī* (S. B, 46) ‘При таких обстоятельствах матери не хотелось терзать душу своего сына Мадхо теми воспоминаниями о своей дочери, которыми терзалась она сама’.

6. Простая форма условного наклонения и простая форма сослагательного наклонения используются в придаточной части (придаточном предложении) изъяснительных предложений, когда помещенное в главной части (главном предложении) опорное слово указывает на необходимость (долженствование), целесообразность, уместность соответствующего действия. Показательны, в частности, такие опорные слова, как *cāhiye (cāhie)* ‘нужно’, ‘надо’, ‘следует’ (<‘желательно’, ср. *cāhnā* ‘хотеть’, ‘желать’), *kartavya* ‘долг’, ‘обязанность’, *āvaśyak* ‘необходимый’, ‘обязательный’, *zarūrī* ‘необходимый’, ‘обязательный’, *zarūrat* ‘необходимость’, *ucit* ‘надлежащий’, ‘подходящий’.

Здесь функциональное схождение названных форм исчерпывается, собственно говоря, параллелизмом в их использовании, обходясь без снятия оппозиции между ними в модальном отношении.

Форма условного наклонения несет значение контрфактивности (сигнализируется нереализованность действия, если соответствующий глагол не имеет при себе отрицания), соотносенной с планом прошедшего времени: *inhē cāhie thā ki dekhkar tarkārī karhāv mẽ ḍāltī. ṭokrī uṭhākar karhāv mẽ ḍāl dī!* (P. GJ, 75) ‘Ей нужно было внимательно класть (букв. чтобы клала) овощи на сковороду. А она возьми и вывали все разом из корзинки!’, *honā yah cāhie thā ki mantrimaṇḍal kī baiṭhak mahātmājī ke nivās-sthān par hotī...* (G, 114) ‘Надо было, чтобы заседание кабинета состоялось в резиденции

Махатмы...’, *āpkā kartavya thā ki āp dillī jākar paṇḍit javāharlālī ke ghar par dharnā de dete...* (G, 8) ‘Вы должны были (букв. Ваш долг был) по приезде в Дели устроить (букв. чтобы Вы устроили) пикет у дома Джавахарлала [Неру]...’, *nirdhan thā, islie āvaśyak thā ki mai dhan ke abhāv ko apne prem aur bhakti se pūrā kartā. māine iske viparit usse nirdaytā kā vyavahār kiyā* (P. S, 163) ‘[Я] был беден. Поэтому мне следовало возместить (букв. необходимо было, чтобы я возместил) недостаток средств своей любовью и преданностью. Но я, напротив, обошелся с ней жестоко’, *ucit to yah thā ki paccīs sāl kā sāhacarya ab ek gahrī mānasik aur ātmik anurūptā kā rūp dhāraṇ kar letā... lekin lālā jī kā vaṇik-hṛday har ek padārtha ko vāñijya kī tarāzū se taultā thā* (P. M-4, 316) ‘Их совместная жизнь на протяжении двадцати пяти лет должна была теперь перерасти (букв. надлежащим было то, чтобы... переросла) в прочную духовную гармонию... Но торгашеское сердце купца ко всему подходило со своей торгашеской меркой’.

Для формы сослагательного наклонения сема “контрфактичность” оказывается иррелевантной, или же (в плане прошедшего времени) форма сослагательного наклонения оставляет эту сему невыраженной: *ab hamē cāhiye ki ajīt kā lālan-pālan hośiyārī se karē* (P. D, 4) ‘Теперь нам надлежит пестовать (букв. нужно, чтобы заботливо лелеяли) Аджита’, *musibat ke samay patnī kā kartavya hai ki pati ke sāth rahe* (G, 322) ‘В пору невзгод долг жены — оставаться (букв. чтобы оставалась) рядом с мужем’, *phir vah dākṭar bhī to thā, uskā kartavya thā ki vah kumārī kī dekh-rekh kare* (AP, 51) ‘Но все же он был доктором и посему обязан был присматривать (букв. его долг был, чтобы он присматривал) за Кумари’, *yah zarūrī hai ki vah brāhmaṇ ho ...* (P. PD, 91) ‘Необходимо, чтобы он был брахманом...’, *lekin sāmājīk samādhān ke lie yah āvaśyak thā ki samūcā gāv teknāth ko nirdoṣ mān le* (N. D, 166) ‘Но для общественного спокойствия было необходимо, чтобы вся деревня признала Текнатха невиновным’, *hamē*

iskī zarūrat hai ki us kṣetra mẽ ham ghaṭnāō ko prabhāvit kar sakē [115, с. 219] ‘...необходимо (букв. нам есть необходимость того), чтобы в этой области мы могли влиять на события’, *us avasar par ucit yahī thā ki māi jān būjh kar hārtā jāū aur sāhab ko kḥuś karne ke liye jitā dū. māi jān būjh kar pāc sau rupaye hār gayā* (CA, 90) ‘По этому случаю мне надлежало сознательно проигрывать и поддаваться в игре господину к его радости (букв. надлежащим было то, чтобы я проигрывал и поддавался). Я нарочно проиграл пятьсот рупий’.

Осложнение содержания главной части отрицанием или оттенком сомнения, граничащим с отрицанием, не нарушает семантической связи, устанавливаемой между опорным словом главного предложения как носителем определенного лексического значения и формой наклонения глагола придаточного предложения: *merā tikaṭ jogindar nagar kā thā, magar yah zarūrī to nahī thā ki māi is tikaṭ se jogindar nagar tak jāū hī* (PL, 129) ‘Билет у меня был до Джогиндарнагара, но ведь не было необходимости (букв. необходимо не было) в том, чтобы я так и ехал по этому билету до самого Джогиндарнагара’, *kyā yah zarūrī thā ki dyūī lag jāne se mazdūrō kā vetan ghaṭā diyā jāy?* (P. Gd, 291) ‘Неужели была необходимость в том, чтобы от введения пошлыны у рабочих была урезана зарплата?’, *chuṭṭiyō mẽ ghar jāne se pahle kyā yah zarūrī hai ki larḳiyā fādar elmaṇḍ kā sarman sunē?* (PL, 92) ‘Неужели перед тем, как разъехаться по домам на каникулы, девушки должны выслушивать (букв. необходимо, чтобы девушки выслушивали) проповедь отца Альмонда?’

7. Предложениям предыдущего пункта (п. 6) близки в отношении семантической нагрузки сопоставляемых форм наклонений сложноподчиненные предложения, в главной части которых роль опорного слова по отношению к придаточной части выполняют такие слова оценочно-характеризующего значения, как *acchā* ‘хороший’, *behtar* ‘лучший’, ‘лучше’, *uttam* ‘наилучший’, будучи членами компаратив-

ной конструкции, наделяющей придаточную часть статусом сравниваемого "объекта".

Примеры с формой условного наклонения в придаточной части: *isse to kahĩ acchā thā ki kisī dūsṛī jagah bhāg calte* (P. Gd, 135) 'Гораздо лучше было бы нам убежать в какое-нибудь другое место' (= 'Было бы гораздо лучше, если бы мы убежали в какое-нибудь другое место'; букв. 'Было гораздо лучше того, что [мы] убежали бы в какое-нибудь другое место'), *isse to acchā thā, kambakht mar hī jātī* (Y. D, 181) 'Уж лучше бы несчастная умерла' (букв. 'Было лучше того, несчастная умерла бы'), *isse to yahī behtar thā ki yah tajvīz peś hī na kī jātī* (P. S, 271) 'Было бы лучше, если (букв. Именно это было лучше того, что) бы это предложение не выдвигалось'.

Примеры с формой сослагательного наклонения в придаточном предложении: *isse to yahī acchā hai ki ham apnī pustak paṛhē* (S. N, 42) 'Уж лучше я буду читать свою книгу' (букв. 'Лучше того есть именно то, чтобы мы читали свою книгу'), *isse kahĩ acchā hai ki ek gavarnar rahe...* (P. Gd, 95) 'Гораздо лучше, чтобы оставался губернатор...', *isse to kahĩ uttam yahī hai ki đūb marū* (P. S, 227) 'Уж лучше я утоплюсь!' (букв. 'Куда лучше того есть именно то, чтобы я утопился').

В приведенных выше сложноподчиненных предложениях придаточное предложение занимает позицию, аналогичную позиции подлежащего. Те из них, которые содержат в придаточном предложении форму условного наклонения, близки по смыслу сложноподчиненным предложениям, представляющим собой ирреальную форму условного периода (не случайно, что в переводе их на русский язык можно прибегать к конструкции типа "было бы лучше, если бы..."). Мало того, глагол *honā*, выполняющий связочную функцию при опорном слове оценочно-характеризующего значения (включенном или не включенном в компаративную конструкцию), встречается и в форме условного наклонения (а не в форме простого прошедшего времени изъявительного наклонения, зафиксированной выше): *isse kaī lākh gunā acchā h o t ā ki āsānī se jīnā le jā sakte, utnā hī le jāte* (P. G, 27) 'Было бы во сто крат (букв. в сто тысяч раз) лучше, если (букв. что) [вы] унесли бы столько, сколько легко могли бы унести', *bahut hī acchā h o t ā ki tum is praśna ko mujh se pūchne ke badle apne hī hṛday se pūch leñ* (P. M-7, 94) 'Было бы очень хорошо, если (букв. что) вы вместо того, чтобы спрашивать

у меня, спросили бы у своего сердца', *acchā h o t ā ki nityābābū ke ve sandūk jalkar rākh ho jate, jis mẽ kabālā aur rehan-makfūlā ke dastāvez, kāšt-kārī kāgazāt, byāj par lagāye rupayō ke haiṇḍnoṇ ādi rakhe hāi* ... (N. D, 132) 'Было бы здорово, если (букв. что) обратились бы в пепел те шкатулки [богача по имени] Нитьябабу, в которых хранятся расписки по закладным и по залогу, документы о землепользовании, записи о суммах, ссуженных под проценты...?'

Смысловая близость сложноподчиненных предложений разного строения оттеняется в данном случае и тем обстоятельством, что, как было показано выше (с. 69-70), простое прошедшее время (простой имперфект) изъявительного наклонения глагола *honā* используется в "обусловленной" части ирреальной формы условного периода.

8. Простая форма условного наклонения и простая форма сослагательного наклонения используются в придаточной части изъяснительных предложений, когда опорный компонент, содержащийся в главной части, оказывается представленным каким-либо из таких слов, как, в частности, глагол *saknā* 'мочь', предваряемый деепричастием-основой глагола *honā* 'быть', 'становиться', *tumkin* 'возможный', 'вероятный', *sambhav* 'возможный', 'вероятный', *asambhav* 'невозможный', *gairmumkin* 'невозможный', *yogyā* 'подходящий', 'достойный', *lāyaḥ* 'подходящий', 'достойный', 'способный', *asahya* 'невыносимый' (из них первые пять предопределяют выражение эпистемической возможности).

Об этом свидетельствуют следующие пары примеров:

(а) *yah kaise ho saktā thā ki barī vārdāt ho jāti aur ammā ko khabar na hoti* (P. GJ, 81) 'Как могло статься, чтобы произошло нечто из ряда вон выходящее, а мать ничего бы и не знала?!' — *ho saktā hai ki māi galtī par hoī* 'Возможно, что я ошибаюсь' [25, с. 260];

(б) *...aur yah sambhav thā ki samay bītne par jaise jaise yauvan kā mad maddhim partā jātā, atṛpta vāsnā kī yah tīvra kasak bhī sadaiv ke lie dab jāti* (KC. S, 5) '...и возможно (букв. было возможно / возможным), что с течением времени по мере того, как остывал бы пыл молодости, эта острая боль неудовлетворенного желания тоже исчезла бы навсегда' —

bahut sambhav hai ki nikaṭ bhaviṣya mē uskā tabādilā kahī aur ho jāy (BV, 469) ‘...вероятно, что в ближайшем будущем его переведут на новое место’;

(в) *kyā yah mumkin na thā ki tum mere hukm ko pairō tale kucal detī?* (P. PP, 364) ‘Разве вы не могли нарушить мой приказ?!’ (букв. ‘Разве не было возможным, чтобы вы растоптали мой приказ?!’) — *mumkin hai ki tum use pasand bhī na karo* ‘Возможно, что она тебе и не понравилась бы’ [25, с. 260];

(г) *aisī daśā mē yah asambhav thā ki rāṣṭrabhāṣā kī or logō kā dhyān na jātā* (KV, 16) ‘При таких обстоятельствах вопрос о национальном языке не мог не привлечь к себе внимания людей’ (букв. ‘При таких обстоятельствах было невозможно, чтобы внимание людей не обратилось бы к национальному языку’) — *...yah asambhav hai ki pakarṇe vāle na āyē* [115, с. 221] ‘...не может быть такого, чтоб не пришли ловцы’;

(д) *vah is yogya thī ki kisī bare ghar kī svāminī bantī* (P. S, 232) ‘Она была достойна того, чтобы стать госпожой в большом доме’ — *tum jaisī naṭkhaṭ laṛkiyā usī yogya hāī ki unhē khūb rītā jāy* (KC. K, 45) ‘Такие проказницы, как ты, заслуживают того, чтобы их хорошенько поколотили’.

Форма условного наклонения (см. первые примеры пар) сохраняет значение контрфактивности, причем выражаемая контрфактивность связывается с планом прошедшего времени. Форма же сослагательного наклонения характеризуется перспективно-потенциальным значением, причем точка отсчета презентно-футуральной перспективы развертывания действия обычно мыслится отнесенной к настоящему времени [см. в добавление ко вторым примерам вышеприведенных пар следующий пример: *mere lie yah asahya hai ki mere sāmne koī vyakti ātma-hatyā kar jāe* (S. SS, 99) ‘Я не могу вынести, чтобы кто-либо покончил с собой предо мной’], но может также мыслиться отнесенной к прошлому, например: *is kāraṇ kyā yah sambhav na thā ki tahsīldār sāhab ke paścāt thānedār sāhab ā dhamakē?* (KC, S, 15) ‘Поэтому

разве после господина тахсилдара не мог нагрязнуть господин тханедар?» (букв. ‘Поэтому разве не было возможным, чтобы после господина тахсилдара нагрязнул господин тханедар?’), *aur kyā bātē vāstav mē is lāyak thī ki un par baiṭhkar... uḍ goyā jāye* [115, с. 219] ‘И какие слова были на самом деле подходящи для того, чтобы, приняв их близко к сердцу, ... так убиваться’.

9. Параллелизм в использовании простой формы условного наклонения и простой формы сослагательного наклонения имеет место в вводимых относительным словом придаточных предложениях, которые определяют находящееся в главном предложении имя по целевому или следственному признаку, например: *use is vakt sirf ek matrū hī aisā ādmī dikhā detā thā, jiskī god mē sir ḍālkar vah zarā śānti kā anubhav kartā* (BG. G, 107) ‘В это время только Матру казался ему таким человеком, склонив голову на грудь которого, он ощутил бы покой’ — *hamē apne darbār ke lie ek kavi kī zarūrat hai, jo sacmuc kavī ho* (S. N, 1) ‘Нам при дворе нужен поэт, который на самом деле был бы [настоящим] поэтом’, *ek din āve jab tum sab sone-cāḍī se bharpūr ho jāo aur apne mandir ko jaise kā taisā banvā lo* (VV, 12) ‘Да наступит день, когда вы все будете иметь много золота и серебра и восстановите свой храм таким, каким он был прежде’, *sunni ko vah aise ghar mē byāhnā cāhtī thī, jahā vah rānī bankar rahe* (P. GJ, 105) ‘Суниту она хотела выдать замуж в такой дом, где Сунита стала бы госпожой’. Думается, что в данном случае форму условного наклонения все же отличает значение контрфактичности (см. первый пример).

3. Наклонения условное и повелительное

Условное наклонение может быть использовано для передачи значения, близкого тому значению, которое является категориальным для наклонения повелительного. Субъектом соответствующего действия (действия, выраженного глаголом, принявшим форму условного наклонения) мыслится адресат сообщения. Говорящий обращается к адресату в расчете на то, что еще не осуществившееся желательное действие все же будет адресатом реализовано.

Обычна в таком употреблении простая форма условного наклонения: *tum zarā māī, bābūjī ko samjhāte. ve baṛī jaldī macāye hue hāī* (BG. G, 99) ‘Ты бы урезонил мать и отца. А то они порют горячку’, *gāy ko chorkar zarā ghumāphirā to lāte!* (Н. К, 4) ‘[Ты] бы отпустил корову бродить на воле!’, *tanik samjhā dete rāvat ko. kyō sab se laṛāī kiyā karte hāī* (P. Gd, 277) ‘[Вы] бы вразумили молодца. Почему он постоянно со всеми на ножах.’ Встречается также и перфектив условного наклонения, например: *tū ne dhotī pahin lī hotī? agar kahī bābū sāhab hī ā jāē tab... ve acche ādmī nahī* (VA, 161) ‘Ты бы надела дхоти. А то, если появится господин... Ведь он нехороший человек’. Показательно участие модально-побудительных частиц *zarā*, *tanik* (≈ ‘пожалуйста’).

Здесь налицо употребление условного наклонения в переносном значении. Употребляя глагольную форму, которой присуще контрфактическое значение, говорящий как бы дает знать, что сам он не вправе видеть действие осуществленным и все связанное с выполнением действия оставляет на усмотрении адресата. Передается если не самое вежливое, то самое некатегорическое побуждение.

В отмеченной семантической функции условное наклонение сближается не только с повелительным, но и с сослагательным наклонением, чей семантический потенциал охватывает функцию выражения волеизъявления.

4. Наклонения сослагательное и повелительное

1. В пределах семантического потенциала сослагательного наклонения находится способность выражать вежливую просьбу. В этом случае в качестве подлежащего (субъектной составляющей) побудительного предложения выступает местоимение *āp* ‘вы’, ‘Вы’, что обуславливает принятие используемой простой формой сослагательного наклонения флексии третьего лица множественного числа: *khudā ke liye āp merā pīchā karnā choṛ dē* (КС. К, 43) ‘Ради Бога, перестаньте, пожалуйста, меня преследовать’, *is acānak āgaman ke lie āp mujhe kṣamā karē !* (U. SK, 10) ‘Извините меня, пожалуйста, за этот внезапный визит!’, *āj rises ke bād mere āfis mẽ āp ā jāyē ...* (Н. G, 95) ‘Сегодня после перемены зайдите, пожалуйста, в мой офис...’, *pitājī, māi is samay vivāh nahī kar saktī. āp mujhe zor na dē* (Н. G, 106) ‘Отец, я не могу в это время выходить замуж. Не принуждайте меня, пожалуйста’, *mahārāj! āp mere rājā hāi. āp mere samukh sir na jhukāyē* (S. TY, 281) ‘Махараджа! Вы мой повелитель. Не склоняйте предо мной свою голову’.

Вежливая просьба может проявляться по-разному: мольба, упрощивание, приглашение и др. Но в строго грамматическом отношении такие оттенки не находят специальных средств выражения.

Рассмотренный случай вовлечения простой формы сослагательного наклонения в сферу выражения волеизъявления, обращенного на адресата, оттеняется тем обстоятельством, что с принятием флексии второго лица множественного числа (флексии *-o*) она оказывается омонимичной форме повелительного наклонения, которая соотносится с местоимением *tum* ‘вы’ (‘ты’).

Из форм повелительного наклонения с местоимением *āp* регулярно (в отличие от формы на *-nā*) соотносятся форма на *-iye (-ie)* и форма на *-iyegā (-iegā)*: *āp mere khaccar le jāiye...* (КС. Т, 37) ‘Вы забирайте моих мулов...’, *jījī! āp jāiye*

nahĩ, āp se mujhe bahut bātē karnĩ hāĩ (JS, 180) ‘Сестрица, вы не уходите, пожалуйста. Мне нужно о многом с вами поговорить’, *āp māmā se kah dījīegā ki āp kī bhī yahĩ rāy hai* (N. N, 141) ‘Вы, пожалуйста, скажите дяде, что у вас такое же мнение’, *āp yah kām mat kījīegā* (K. K, 67) ‘Вы не извольте браться за это дело.’ Но если наличие местоимения *āp* в предложениях, содержащих форму сослагательного наклонения, строго отвечает норме, то появление данного местоимения совсем не обязательно в предложениях с указанными формами повелительного наклонения: *is samay mere ūpar kṛpā kījīe. māĩ kal svayam upasthit hūgā* (P. SS, 60) ‘Сейчас, пожалуйста, окажите мне милость. Завтра же я сам явлюсь’, *saugandh mat khāīye* (VV, 196) ‘Пожалуйста, не клянитесь’, *kṣamā kījīegā, māĩ yahĩ is samay ā gaĩ* (Y. D, 87) ‘Извините меня, пожалуйста, за то, что я пришла сюда в такое время’, *ise kathā na samajhīegā, saccĩ ghaṭnā hai* (P. SS, 43) ‘Не думайте, пожалуйста, что это выдумка. Так было на самом деле’. Форма сослагательного наклонения, в отличие от форм повелительного наклонения, не сочетается с прохитивной частицей *mat* ‘не’.

2. Выше говорилось о функционировании сослагательного наклонения (его простой формы, или настоящего будущего времени) в “семантическом пространстве” повелительного наклонения. Однако на синхронном срезе современного хинди у формы повелительного наклонения на *-īye (-ie)* изредка проявляется способность выступать во внешнеимперативной функции в качестве семантического эквивалента простой формы сослагательного наклонения, например: *agar āp aise ek sīge kā nām batā dījīe to māĩ umr bhar āp kī gulāmī karĩ* (P. Ss, 95) ‘Если вы назовете хоть один такой департамент, то я стану вашим рабом на всю жизнь’ [ср. пример с формой сослагательного наклонения: *devtā to kyā, agar āp mujhe ādmĩ hĩ samajh lē to māĩ apne ko barā saubhāgyaśālī samjhūgā* (BV,

299) ‘Какое уж тут божество?! Если вы сочтете меня просто человеком, я буду считать себя счастливым’]. То же самое можно наблюдать и на материале языка урду: *jis daulat se āp ko koī fāyda nahī, use kuḍ na gharībō mē taqsīm kar dījiye* (P. V, 144) ‘Почему бы вам не поделить среди бедняков то богатство, от которого вам нет никакой пользы?’¹⁷.

Отмеченная способность обнаруживается и у формы на *-nā*, например: *agar phir kabhī mujhe pītā dekhnā to mūh mē kālikh lagā denā* (P. PP, 277) ‘Плюньте [мне] в лицо (букв. вымажьте лицо сажей), если когда-либо снова увидите меня пьющим’ [ср. пример с формой сослагательного наклонения: *agar ucit samjho to batā denā!* (S. K, 31) ‘Сообщите, если сочтете нужным’].

Для предложений, выражающих при посредстве повелительного наклонения побуждение, вполне естественной является принадлежность к прямой речи: *ek seth ne kahā — “merā sandūk uḥhākar ghar le cal. māi tujhe do āne dūgā”* (S. SS, 157) ‘Один сетх сказал [ему]: «Возьми мой ящик и отнеси домой. Я дам тебе две аны»,’ *tum pahle bhītar calo!* — *dṛrhtā se rājārām ne gusalkhāne kī rāh rok kar kahā* (Y. D, 283) ‘«Вы прежде войдите [в комнату]», — сурово проговорил Раджарам, преградив [ей] путь в ванную’, *māi cāy kam hī pītī hū, āp lījiye!* — *candā ne uttar diyā* (Y. D, 192) ‘«Сама я мало пью чая. Вы угощайтесь», — сказала Чанда в ответ’, *lālā saudāgarmal andar āye, aur āte hī bole, «kṣamā kījiegā. māi ek śikāyat lekar āyā hū»* (S. TY, 26), ‘Вошел купец Саудагармал и сразу же проговорил: «Извините, пожалуйста. Я пришел с жалобой», “*chūnā mat use”, idhar kī striyō ne āturī se kahā* (N. N, 86) ‘«Не прикасайтесь к нему!» — взволнованно воскликнули находившиеся здесь женщины’.

С повелительным наклонением таких предложений, не ассимилированных авторским контекстом, соотносится

¹⁷ Использование формы на *-iye (-ie)* во внешнеимперативной функции шире представлено в произведениях XIX века. Подробнее об этом см. в нашей монографии [47, с. 139-140].

по смыслу в косвенной речи, оформляемой, как правило, в виде придаточного предложения, простая форма сослагательного наклонения: *use batlā diyā gayā ki vah hamārā sāmān bāngo ke deś mẽ pahūcā de* (S. A, 103) ‘Ему было сказано, чтобы он доставил наш багаж в страну [владельца по имени] Банго’, *balrāj, narottam aur dāktār vasu se kahā ki ve avaśya āyē* (UA, K, 61) ‘[Я] сказал Балраджу, Нароттаму и доктору Васу, чтобы они обязательно пришли’, *mukhya adhiṣṭhātā ne hukm diyā ki larke nirdiṣṭa samay se ādh ghañṭā pahle ā jāyē* (P. M-4, 5) ‘Директор приказал, чтобы мальчики пришли на полчаса раньше указанного времени’. Вот почему одной из ступеней (одним из шагов) преобразования прямой речи в косвенную является (применительно к рассмотренному случаю функционирования наклонений) замена повелительного наклонения простой формой сослагательного наклонения (сама эта замена детерминируется переменной в грамматическом значении лица: второе лицо → третье лицо в соответствующем фрагменте текста / высказывания).

Однако в хинди часть высказывания, содержащая форму повелительного наклонения, может присоединяться к предшествующей части высказывания (авторским словам) при помощи изъяснительного союза *ki* ‘что’ (‘чтобы’), обнаруживая тем самым одну из внешних черт придаточного предложения, например: *indra ne rāj Kumār kā gānā sunā to ājñā dī ki is gāyak ko sabhā mẽ lekar āo, ise mai mūh-māṅgā inām dūṅgā* (S. B. 331) ‘Когда Индра услышал пение принца, он распорядился (букв. отдал распоряжение, что): «Живо приведите этого певца на совет. В награду я ему дам то, что он пожелает», ...*mujh ko yah tajvīz sūjhī hai ki āp kuch din ke lie musalmān ban jāie* (G, 79) ‘...на ум мне пришла идея (букв. это предложение пришло мне на ум, что): «Вы на некоторое время станьте мусульманином», *jāte vakt srīmatī ko kah gayā ki dekho āśutoṣ ko dhamkānā mat. pyār se sārī bātē pūchnā...* (J. S, 58) ‘Уходя, я сказал супруге (букв. сказал, что): «Смотри, не стражай Ашутоша. Расспрашивай его обо всем ласко-

во...»', *yah jānkar tum kyā karoge. bas itnī vārning kāfī hai ki tum rāmgarh na jānā, agar gae to apnī maut ke zimmedār tum hī hoge* (S. K, 25) 'А что вы сделаете, узнав это? Я просто предостерегаю вас от поездки в Рамгарх' (букв. '...предостережение достаточным является, что вы в Рамгарх не езжайте'). Если же поедете, то сами будете виноваты в своей смерти', *udhar caprāsī ko bhī hukm huā ki logō ko yahā se haṭāo* (K. K, 113) 'Затем и посыльному было приказано удалить оттуда людей' (букв. '... и посыльному поступил приказ, что людей отсюда удали'). Получившая такой вид прямая речь на письме не выделяется особыми знаками препинания, обычно используемыми для выделения прямой речи. Отсутствие особых знаков препинания может, на наш взгляд, косвенно свидетельствовать в отдельных случаях о том, что соответствующий фрагмент не выделяется из речи повествователя и интонационно. Применительно к таким случаям можно (и нужно) говорить о наличии повелительного наклонения в составе речи, которую именуют полупрямой.

5. Наклонения повелительное и изъявительное

Форма на *-iyegā (-iegā)* повелительного наклонения употребляется в современном хинди не только для выражения побуждения. Соотносясь с местоимением *āp* 'вы', 'Вы', она может также выступать в качестве вежливой формы будущего времени изъявительного наклонения, что "имеет место тогда, когда при выражении вопроса или утверждения хотят подчеркнуть особое почтение к собеседнику или к лицу, о котором идет речь" [24, с. 309].

Внеимперативное использование этой формы иллюстрируют следующие примеры: — ... *āp ne mujhe sadā ke liye mol le liyā. — rakhiye tah kar. cār din mē bhūl jāiyegā, phir aise mūh pher lījiyegā, jaise kabhī kī pahcān na rahī ho...* (N. N, 82-83) '—...Теперь я вам вечно обязан. — Ах, оставьте. Не

пройдет и четырех дней, как [вы все] забудете, а потом станете отворачиваться, словно мы и не были знакомы...’, *jab tak yah savāl pūrā na kījīyegā, dvār se na haṭūgā* (P. Ss, 72) ‘Пока [вы] не выполните мою просьбу, [я] не отойду от двери’, *kātik kī subah kī dhūp āp bardāšt na kar sakīegā* (PL, 43) ‘Вы же не сможете перенести утреннее солнце месяца катик’, *savitā ne pūchā — “āp apne citra hamē dikhāiyegā?”* (Y. P, 20) ‘«Вы покажете мне свои картины?» — спросила Савита’, *kal kis tren se jāiyegā?* (К. К, 60) ‘Каким поездом [вы] завтра поедете?’, *dekhiye, māi ne kitnī mehnat kī hai! mujhe inām nahī dījīegā?* (J. S, 25) ‘Смотрите, как я потрудились! И [вы] меня не вознаградите (букв. мне награду не дадите)?’ Однако за “футуральной индикативностью” вопроса может быть скрыта просьба: *sāf-sāf kah dū na? burā to na māniyegā?* (P. N, 159) ‘Сказать [вам] все начистоту? А вы не обидитесь?’ (здесь ‘А [вы] не обидитесь?’ ≡ ‘Только не обижайтесь’).

Когда говорящий ждет от собеседника подтверждения своей мысли об осуществлении соответствующего действия в будущем, в вопросительном предложении за формой на *-iyegā (-iegā)* следует отрицательная частица *na*, например: *ek sāhab ne pūchā — kahīe kis din caliyegā? paṇḍitī kuch anyamanaska the. bole — kahā? vah vyakti bolā — kāngres mē, caliyegā na?* (К. К, 93) ‘«Скажите, пожалуйста, когда вы поедете?» — поинтересовался один из господ. «Куда?» — спросил пандит, застигнутый врасплох. «На заседание Конгресса. Ведь вы поедете, да?» — промолвил господин’.

6. Наклонения сослагательное и изъявительное

В функционировании сослагательного и изъявительного наклонений имеется несколько линий схождения или сближения.

1. Формы обоих наклонений используются при выражении проблематической (вероятностной) оценки достоверности сообщения, ориентированного на описание ситуации, характеризуемой признаком фактичности (в смысле не-контрфактичности). В качестве показателей данной оценки выступают вводно-модальные слова и модальные фразы. Ниже приводятся примеры с вводно-модальным словом *śāyad* ‘должно быть’, ‘наверное’, ‘вероятно’, ‘возможно’ в предложениях с сослагательным наклонением (а) и с изъявительным наклонением (б):

(а) ... *śāyad yah kaṣṭa āpke lie bhalā siddha ho* (AP, 113) ‘...возможно, это беспокойство станет для вас благом’, *phir socā, śāyad yah bhī bhram ho* (P. J, 47) ‘Потом [я] подумал: «Возможно, [мне] опять мерещится», *śāyad ab tak uskā vivāh ho sukā ho* (AP, 20) ‘Наверное, он уже женился’, *śāyad yah poṭlī bhī ḍākū choṛ gae hō* (BC, 80) ‘Вероятно, и этот сверток бросили здесь грабители’, *śāyad ye mere ūpar na hās rahī hō* (VV, 321) ‘Может быть, они смеются не надо мной’;

(б) ... *āj kā dhāvā śāyad saphal na hogā* (S. A, 43) ‘...сегодняшняя вылазка, наверное, успешной не будет’, ... *śāyad māi bilkul galat hū...* (PL, 120) ‘...возможно, я заблуждаюсь...’, *āp śāyad madhu kī sagāī kar sukī hai* (AP, 114) ‘Вы, вероятно, уже осуществили помолвку Мадху?’, *phir māi ne socā ki śāyad mujhe bhram ho gayā hai* (P. J, 46) ‘Потом я подумал: «Возможно, мне померещилось», *āp ko śāyad merī bāt par viśvās nahī ho rahā hai* (AP, 115) ‘Вы, вероятно, не верите моим словам’.

Наличие вводно-модального слова является непременным условием передачи значения вероятности предло-

жением с глаголом в форме изъявительного наклонения. Однако предложение с формой сослагательного наклонения может при выражении данного значения обойтись без вводно-модального слова, например: *calū, dekḥū, koī khabar āi ho!* (Y. A, 104) ‘Пойду гляну: может быть, пришла весточка’.

Вышеприведенным предложениям (с формами обоих наклонений: сослагательного и изъявительного) противостоят предложения, где модальное значение вероятности накладывается на значение контрфактичности, передаваемое условным наклонением: *...lekin vah merī jagah hokar bhī śāyad amīr hī rahtā; kyōki vah prakṛti se hī vilāsī aur aiśvarya-priya thā* (P. GJ, 116) ‘...но он, окажись на моем месте, так, вероятно, и оставался бы аристократом, потому что по своей природе он был склонным к развлечением и верховенству’, *...yadi umr kī majbūrī na hotī, to śāyad māi dūsarī śādī karne mē na hicaktā* (PL, 126) ‘...если бы не тяготел надо мной возраст, то я, наверное, без колебаний женился бы во второй раз’, *pahle mālum ho jātā to śāyad māi tum se pyār na kartī* (S. K, 86) ‘Если бы [об этом] стало известно раньше, то я, возможно, не любила бы тебя’.

Таким образом, в семантическом пространстве, ограниченном зоной проблематической оценки достоверности сообщаемого, сослагательное и изъявительное наклонения совмещаются в своем противопоставлении наклонению условному: вероятность фактичности противопоставляется вероятности контрфактичности.

2. Общим для сослагательного и изъявительного наклонений является участие в выражении мнимой ситуации, выдвигаемой в качестве аналога реальной ситуации для образной интерпретации последней. Различаются три случая.

2.1. Формы обоих наклонений используются в придаточных предложениях при выражении нереального (в другой терминологии — недостоверного) сравнения. В качестве

средства подчинения выступают союзы *māno*, *mānō*, *jaise*, *goyā* ‘будто’, ‘как будто’, ‘словно’.

Примеры с формами сослагательного наклонения: *kaī mahīnō se usne use baṛī bahū ke lie khālī kar diyā thā aur khud ek choṭī-sī koṭhrī mẽ rahne lagī thī, jaise koī bhikhārin* ho (P. GJ, 87) ‘Несколько месяцев тому назад она (Пхулмати. — В.Л.) освободила ее (свою комнату. — В.Л.) для старшей невестки, а сама стала жить в крохотной каморке, словно была нищенкой’, *rudra kā murjhāyā huā pīlā cehrā khil uṭhā, jaise bujhte hue dīpak mẽ tel paṛ jāy* (P. DB, 30) ‘Осунувшееся бледное лицо Рудры озарилось радостью, как будто в гаснущий светильник попало масло’, *vahā ek bhayānak sannātā-sā nazar āyā, jaise ghar udās* ho, *rotā* ho (U. SK, 17) ‘...там (у двери жилища Лала) [меня] поразило ужасное безмолвие, будто сам дом горевал, убивался’, *merī bāt sunkar vah is tarah caūkā māno pāv ke nīce sāp* paṛ gayā ho (U. SK, 60) ‘Услышав мои слова, он встрепенулся так, как будто ему под ноги попала змея’, ...*aur lākhī ne dūsri or mūh pherkar ancāl mūh par rakh liyā, māno ṭhaṇḍ se apnī rakṣā kar rahī* ho (VV, 317) ‘...а Лакхи, отвернувшись в сторону, закрыла лицо покрывалом, словно она защищалась от холода’, *mere prati unkā bhāv aisā hai, jaise māī unkī sagī choṭī bahan* hoḥ (H. G, 69) ‘Ко мне она испытывает такие чувства, как будто я ее родная младшая сестра’.

Примеры с формами изъявительного наклонения: *yah laūḍā to is dhiṭhāī se javāb de rahā hai, mānō ghar usī kā hai...* (P. GJ, 71) ‘Этот парень отвечает так дерзко, будто именно ему принадлежит дом...’ (букв. ‘...будто дом именно его есть...’), *mandir kā vah sunahrā kalaś dekhkar vah is tarah dauṛā mānō ek chalāg mẽ uske ūpar jā pahūcegā* (P. GJ, 154) ‘Завидев золотой купол храма, он бросился бежать так, словно был готов взобраться на него одним махом’, *tum is tarah merī or nihārtī ho, māno kuch dekhṭī hī nahī* ho (U. SK, 20) ‘Ты так глядишь на меня, как будто ничего не видишь’, *rāt-din hisāb-kitāb, nafā-nuṣsān, mandī-tezī ke sivāy aur koī zikr*

hī nahī hotā, goyā khudā ke bande na hue is daulat ke bande hue (P. PP, 285) ‘Круглые сутки речь шла только о расчетах, о прибылях и убытках, о рыночной конъюнктуре, словно они родились не слугами Бога, а рабами этого богатства’, ...*aur karīmuddīn apne hāthō ko bagalō mē dāle hue is tarah sikur gayā jaise un dinō kī kalpnā-mātra se use jārā lagnā šurū ho gayā hai* (PL, 97) ‘...и Каримуддин, заложив руки под мышки, съезился так, будто от одного воспоминания о тех днях его начал одолевать холод’, *dulārī to is tarah niścint hokar baiṭhī thī, mānō koī melā dekhne jā rahī hai* (P. GJ, 135) ‘Дулари сидела безучастно (во время шумных приготовлений в доме к дальней поездке. — В.Л.), словно ехать ей предстояло всего лишь для того, чтобы глянуть на ярмарку’, *āte hī aise ullās se gale mile jaise māī gadhā na thā, unkā sagā bhāī yā bāp thā* (KC. G, 85) ‘Подойдя, [он] с таким жаром заключил [меня] в свои объятия, словно я был не ослом, а его родным братом или отцом’.

Данный случай функциональной общности сослагательного и изъявительного наклонений отчетливо проявляется, когда они, следуя друг за другом, совмещаются в одном контексте, например: *vah bahut royā, us purāne jūte ke liye, māno vah jūtā uskī sārī ākāṅṣāō kā kendra thā aur uske cale jāne se uskī sārī āśāē aur abhilāṣāē miṭṭī mē mil gaī hō* (KC. A, 155-156) ‘Он горько плакал из-за этих старых ботинок, будто они представляли собой единственный предмет его желаний и с их исчезновением все его надежды и чаяния развеялись, как дым’ (ср.: *thā* — форма изъявительного наклонения, *mil gaī hō* — форма сослагательного наклонения).

Придаточное предложение, отображающее ситуацию-аналог, может подвергаться сепаратизации, что на письме отражается в написании полного вирама (или тире — *nirdeśak*) в конце главного предложения. Сепаратизация распространяется на придаточные предложения как с формой сослагательного наклонения (а), так и с формой изъявительного наклонения (б):

(a) *rāt bhar vah jūte ke liye rotā rahā. māno uskī priyā usse viyukta ho gaī ho* (КС. А, 155) ‘Всю ночь он проплакал из-за своих ботинок. Будто с ним рассталась любимая’, *santoṣ kī ākhē band ho gaī. jaise is ek vākya se uskā sārā kaṣṭa, sārī becaīnī dūr ho gaī ho* (UA. В, 176) ‘Сантош закрыла глаза. Словно одно это предложение положило конец всем ее мучениям и тревогам’;

(б) *rāmū kī āvāz sunkar sītā bilkul nahī caūkī. jaise rāmū kī āvāz uske kānō tak pahūcī hī na thī* (S. К, 44) ‘Услышав голос [слуги по имени] Раму, Сита и бровью не повела. Будто его голос не достиг ее ушей’, *...aur vah jo mere gale se li- paṭkar prasanna hoī thī, āj mere sāmne kharī bhī na rah sakī. jaise mujh se koī vastu chipānā cāhtī hai, aur jaise māī use us vastu ke chipāne kā avasar de rahā hū* (P. GJ, 104) ‘...и та, которая с радостью обнимала меня за шею, теперь не могла позволить себе даже стоять передо мною. Словно она хотела скрыть от меня какую-то вещь и словно я представлял ей благоприятную возможность эту вещь скрывать’.

При сепаратизации придаточного предложения соответствующий подчинительный союз (*māno, manō, jaise, goyā*) претерпевает функциональный сдвиг в сторону приобретения им качества частицы.

Сослагательное наклонение не может быть использовано для выражения реального (в другой терминологии — достоверного) сравнения. С изъяснительным же наклонением придаточного предложения, вводимого, в частности, союзом *jaise*, достигается выражение и реального сравнения, например: *...aur phuṭ-phuṭ kar rotī, jaise larķī sasurāl jāte samay rotī hai* (S. SS, 42) ‘...и плакала навзрыд, как плачет девушка, отправляясь в дом свекра’, *lekin zainū ne mere svabhāv kī durbaltā ko pā liyā thā, jaise sanṅaṭ ke samay jānvar apne saha-j-jān se apne bil ko pā lete hāī* (В, 64) ‘Но Зайну обнаружил слабость в моем характере, как во время опасности животные инстинктивно находят свою нору’.

2.2. Формы обоих наклонений используются в изъяснительных придаточных предложениях, если о мнимом характере описываемых ими (придаточными предложениями) ситуаций сигнализирует в силу своей лексической семантики (“казаться”: *lagnā, dikhnā, jān paṛnā, mālūm honā, pratīṭ honā* и др.) опорный по отношению к ним компонент, наличествующий в главных предложениях¹⁸. В качестве средства подчинения выступают союзы *māno, mānō, jaise* и союз *ki* ‘что’.

Примеры с формами сослагательного наклонения: *dar-vāze par dastak sunāyī dī aur mā̃ ko lagā, māno kisī ne use jhakhhor diyā ho* (В, 46) ‘Раздался стук в дверь, и матери показалось, будто кто-то толкнул ее’, *uske mūh se khūn bahne lagā. aisā dikhṭā thā, jaise uskā koī dāṭ tūṭ gayā ho* (В, 73) ‘Из его рта потекла кровь. Казалось, будто у него сломался зуб’, *unhē bāzār mē jāte dekhkar aisā pratīṭ hotā thā, jaise kauḍ mē do rāj-hans jā rahe hō* (S. P, 42) ‘При виде их идущими на базар казалось, как будто среди ворон шествуют два лебедя’, *jagdīs ko aisā lagā, māno garm-garm lāvā uske śarīr par bah rahā ho* (AP, 17) ‘Джагдишу показалось, будто по его телу течет горячая лава’.

Примеры с формами изъяснительного наклонения: *aisā mālūm hotā thā ki use banāte samay bhagvān is duvidhā mē paṛ gayā thā ki use puruṣ banāe athavā strī* (КС. G, 107) ‘Казалось, что в то время, когда Бог сотворял ее, ему пришлось ломать голову над вопросом, сотворить ли ее мужчиной или женщиной’, *karuṇāśankar ko lagā ki jaise urmilā ne sare-bāzār unke mūh par kālikh pot dī hai* (Н. G, 131) ‘Карунашанкару показалось, будто Урмила опозорила его публично’, *aisā pratīṭ hotā thā, jaise uske hṛday mē krodh kī agni dhadhak rahī hai* (S. TŪ, 133) ‘Казалось, будто в ее сердце пылает огонь гнева’, *dekho māī āp se tum par ā gayā hū. na jāne kyō aisā lag rahā hai jaise ham janma-janmāntar se paricit hai* (S. K, 80) ‘Гляди-

¹⁸ Можно сказать, что главное предложение заключает в себе предикат пропозициональной установки или, короче говоря, пропозициональный предикат.

ка, я [в общении с тобой] перешел от “вы” на “ты”. Почему-то кажется, будто мы знаем друг друга с самого рождения’.

При этом с союзным подчинением соотносительно бессоюзное соединение предложений:

(а) ...*use lagā, vah varṣō bād āi ho* (Н. G, 108) ‘...ей показалось, [что] она пришла [в школу] спустя много лет’, *ākhō se bahkar āsū kī būdē uske kapolō par ḍhulak rahī thī. lagtā thā barf kā ḍalā tāp se galtā jā rahā ho* (Н. K, 91) ‘...по ее щекам из глаз катились слезы. Казалось, [будто] комок снега тает от тепла’;

(б) *phir bhī thaṇḍ kam na huī. aisā jān partā thā, sārā rakta jam gayā hai, dhamniyō mē rakta kī jagah him bah rahā hai* (P. GJ, 161) ‘Однако теплее не стало. Казалось, [будто] вся кровь остудилась и в жилах вместо крови течет студеной вода’.

2.3. Формы как сослагательного (а), так и изъявительного (б) наклонения выступают в синтаксически независимых простых предложениях, образно отражающих реальную ситуацию:

(а) *jagḍīś ke kandhō par māno pankh lag gae hō ...* (AP, 84) ‘За плечами Джагдиша словно выросли крылья...’, *aṭal ne khare hokar usko praṇām kiyā. baijū ne jaise dekhā hī na ho* (VV, 428) ‘Атал, поднявшись, приветствовал его (Байджу. — В.Л.) поклоном. Байджу будто не заметил этого’;

(б) *jagatsinh ke hṛday par jaise kiśī ne ghūsā mār diyā* (S. TY, 225) ‘Словно кто-то нанес Джагатсинху кулаком удар по сердцу’, *mātā ke sneh mē ḍūbe hue śabda abhī tak mānō ākāś mē gūj rahe the* (P. GJ, 155) ‘Слова матери, проникнутые любовью, будто все еще звучали в воздухе (букв. на небе)’.

В этих предложениях такие слова, как *māno*, *mānō*, *jaise*, выступают уже не как союзы, а как модальные частицы.

3. Выше (с. 52-53) было показано, что сослагательное наклонение используется в составе дефиниций, занимая ме-

сто в придаточном предложении относительного подчинения, или в дефинициях (словарных) — аналогах такого придаточного предложения. Однако подобное использование не чуждо и изъявительному наклонению: *jis ke sambandh mẽ kuch kahā jātā hai, vah uddeṣya kahlātā hai* (D, 115) ‘То, о чем говорится, называется подлежащим’ [ср. помещенный выше (с. 52) пример (D. 261) с формой сослагательного наклонения], *mahādeś (dvīp) — pṛthvī ke sthal bhāg ke pāc bare vibhāgō mẽ se koī ek, jis mẽ anek deś hote hāi* (PHK, 1012) ‘континент — какой-то один из пяти огромных участков суши Земли, на котором размещается ряд государств’ [ср. помещенный выше (с. 63) пример (ВНК, 1781) с формой сослагательного наклонения], *muvakkil — vah jo apne kām ke lie vakīl niyukta kartā hai* (PHK, 1046) ‘клиент — тот, кто для своего дела назначает адвоката’ [ср. помещенный выше (с. 53) пример с сослагательным наклонением: *muddāleh — jis par dāvā kiyā gayā ho* (ВНК, 1068) ‘ответчик — [тот], кому учинен иск’].

А вот пары примеров, в каждой из которых первый пример содержит форму сослагательного наклонения, второй — форму изъявительного наклонения:

jis vākya mẽ ek hī kriyāpad ho, use saral vākya kahte hāi (D, 261) ‘Предложение, в котором имеется лишь один финитный глагол, называют простым предложением’ ~ *jis vākya mẽ ek uddeṣya aur ek vidhey rahtā hai use sādharmaṇ vākya kahte hāi* (KG, 509) ‘Предложение, в котором имеется одно подлежащее и одно сказуемое, называют простым предложением’;

vidhey — vākya kā vah anś jo kisī ke sambandh mẽ kahā gayā ho (ВНК, 1290) ‘сказуемое — та часть предложения, которая высказана о чем-то или о ком-то’ ~ *vidhey — vyākaraṇ mẽ vah śabda yā vākya jis ke dvārā kisī ke sambandh mẽ kuch kahā jātā hai* (PHK, 1175) ‘сказуемое — в грамматике то слово или предложение, посредством которого нечто говорится о чем-то или о ком-то’;

rājtantra — *vah śāsan-praṇālī jis mẽ rājya kā sārā pra-bandh keval rājā ke hāth mẽ ho; aur jiske prabandh karne mẽ prajā yā uske pratinidhiyō kā koī sthān na ho* (PHK, 1090) ‘монархия — форма правления, при которой вся государственная власть сосредоточена исключительно в руках монарха, а народу или его представителям в управлении государством места нет’ ~ *gaṇ-tantra* — *vah śāsan-praṇālī jismẽ janatā hī apne pratinidhi aur pradhān śāsak cuntī hai* (PHK, 323) ‘республика — форма правления, при которой именно народ избирает своих представителей и верховных правителей’;

jis bail ke sīḡ māthe ke ūpar kuch ṭerhe hokar āge kī or jhuke hue hō, use ‘jhaugā’ kahte hai (KJ, 119) ‘Вола, у которого рога изогнуты надо лбом вперед и вниз, называют джхаунга’ ~ *jis bail ke sīḡ mẽrhō ke sīḡō kī bhāti mure hue hote hai, use ‘mērhāsingī’ kahte hai* (KJ, 120) ‘Вола, у которого рога изогнуты так, как рога у баранов, называют мерхасинги (букв. баранорогий. — В.Л.)’;

jis āśrit vākya kā prayog pradhān vākya kī kisī sanjñā arthāt karitā, karma athavā pūrak ādi kī jagah mẽ āve use sanjñā vākya kahte hai (S. HV, 136) ‘То придаточное предложение, которое употребляется на месте какого-либо имени существительного главного предложения, то есть на месте субъекта, прямого дополнения или именной части сказуемого и т.п., называют придаточным предложением существительным’ ~ *mukhya upavākya kī kisī sanjñā yā sanjñā-vākyaṅś ke badle jo upavākya ātā hai use sanjñā-upavākya kahte hai* (KG, 524) ‘То придаточное предложение, которое выступает вместо какого-либо имени существительного или именного словосочетания главного предложения, называют придаточным предложением существительным’.

Дефиниции и формулировки, где относительное подчинение сопряжено с использованием сослагательного наклонения, обладают большей отвлеченностью от всех возможных случаев проявления сообщаемой ситуации. В них семантическая роль сослагательного наклонения близка той

роли, которую оно играет в условных придаточных предложениях. Так, в семантике первого примера последней пары едва ли наблюдался бы заметный сдвиг в значении, если бы относительное подчинение было замещено союзным с условным союзом: *agar āśrit vākyā kā prayog... āve, to use...* ‘Если придаточное предложение употребляется..., то его...’.

В формулировках и дефинициях, содержащих изъявительное наклонение, на первый план выступает пресуппозиция фактичности сообщаемой ситуации. Стоит заметить, что в словарных толкованиях значения прилагательных это наклонение, как правило, не используется, уступая место наклонению сослагательному. На наш взгляд, такое толкование, как *bahrā — jo kān se nahī̃ suntā hai* (с изъявительным наклонением), в отличие от *bahrā — jo kān se na sune yā kam sune* (РНК, 900) ‘глухой — [тот], который не слышит или плохо слышит’, могло бы в ущерб отвлеченности породить иллюзию, что имеется в виду какое-то конкретное лицо, обладающее названным качеством.

4. В независимых предложениях простая форма сослагательного наклонения может использоваться для выражения намерения или готовности говорящего осуществить действие, например: *calo koī aur jūtā hī̃ kharīd lū̃...* (КС. А, 154) ‘Куплю-ка я другие ботинки...’, *maī abhī̃ sāikil par ek davā le āū̃* (Y. D, 246) ‘Я сейчас сгоняю на велосипеде за лекарством’, *calū̃, dekhū̃, koī khabar āī ho!* (Y. A, 104) ‘Пойду гляну: может быть, пришла весточка’. В тексте соответствующие предложения, отличающиеся грамматически (глагольной флексией) выраженным значением первого лица (субъект действия совпадает с говорящим), являются, как правило, достоянием прямой речи: *poṭā bolā, ‘maī rasse ko tān lū̃. abhī̃ khel śurū hotā hai’* (VV, 140) ‘«Я натяну канат. Уже пора начаться представлению», — сказал Пота’.

Сходную семантическую функцию — участие в выражении решимости говорящего осуществить действие (пре-

имущественно в ближайшем будущем) — оказывается способным выполнять настоящее общее время изъявительного наклонения: *nahĩ, āj māi tumhẽ kahĩ nahĩ jāne dũgĩ; bistar thĩk kar detĩ hũ, ārām karo!* (N. D, 18) ‘Нет, сегодня я тебя никуда не пущу. Приготовлю [тебе] постель. Пока отдохни!’, ...*isko yahĩ pakre rahnā, māi ātĩ hũ. āũ tab tak chornā nahĩ* (J. S, 23-24) ‘... держите ее тут же. Я сейчас вернусь. Пока не вернусь, не отпускайте’, “*baĩho, māi jhãt se tumhāre lie cāy banāti hũ*”, *mis pāl sahsā vyasta hokar ũthne lagĩ* (PL, 137) ‘«Сядьте, я мигом приготовлю вам чай», — встрепенувшись, мисс Пал стала подниматься [с постели]», *kuch tĩkhe svar mẽ usne kahā* — “*dām kī vyavasthā māi karũgĩ. kal rajjũ ko bhejkar dāk̃tar varmā ko bulvāti hũ. phĩs jo lēge, vah dũgĩ*” (H. G, 7) ‘«Об оплате я сама позабочусь. Завтра отправлю [слугу по имени] Раджджу за доктором Вармой. Сколько он потребует [за визит], столько и дам», — раздраженным тоном ответила она’.

Степень близости семантических функций двух форм видна из сопоставления двух нижеследующих примеров, извлеченных из одного и того же отрывка текста: *gaurā ne kharĩ hote hue kahā, “āpke lie cāy lāũ — cāy to piẽge na?”* (A. ND, 173) ‘«А принесу-ка я вам чай. Ведь вы не откажетесь от чая, да?» — сказала Гаура, поднимаясь’ ~ *gaurā ne phurtĩ se kahā, “māi cāy lāti hũ”, aur bhĩtar calĩ gayĩ* (A. ND, 174) ‘«Я несу чай», — живо откликнулась Гаура и ушла внутрь дома’.

Отмеченная форма изъявительного наклонения (настоящее общее время) приведенных здесь примеров характеризуется в темпоральном плане переносным значением — значением будущего времени, а значение решимости осуществить действие, исходящей от говорящего (первого лица), лишь сопутствует переносному употреблению данной формы.

В переносном значении такого же рода выступает и настоящее актуальное время, когда эту форму принимает глагол в связи с обозначением им намеченного (запланированного) действия, например: ...*somvār ko māi bābũ ke sāth bhuvāli jā rahā hũ* (BV, 615) ‘...в понедельник я уезжаю с от-

цом в Бхували'. Здесь выражаемое глагольной формой модальное значение запланированности действия говорящим тоже близко значению, передаваемому простой формой сослагательного наклонения.

Переносное употребление обеих упомянутых форм изъявительного наклонения высвечивается в следующем примере, где воспроизведен диалог в гостинице между ее постояльцем и девушкой-регистратором: ... *āpko dene ke lie yah baig chor gāi hai*. — *sinh ne thaṇḍī sās lekar kahā — lāie baig mujhe de dījīe*. — *māi baire ke hāth mẽ pahūcāe detī hū*. — *dhanyavād, māi kamre mẽ hī jā rahā hū* (S. K, 22) ' — ... она оставила эту сумку для вас. — Синх, переведя дух, сказал: — Так принесите и отдайте сумку мне. — Сейчас распоряжусь, чтобы принес коридорный. — Спасибо. Я направляюсь как раз в свой номер'.

5. Простая форма сослагательного наклонения (в первом лице множественного числа) легко используется для выражения призыва к совместному осуществлению действия, например: "*calo pahle bāzār mẽ calkar tumhārā sāmān kharīd lē*", *māi ne kahā* (PL, 156) '«Давайте сперва пойдем на базар и сделаем для вас покупки», — сказал я', *calo, zarā pārk ghūm āyē* (VA, 159) 'Давайте ради прогулки пройдемся по парку'. В такой же семантической функции может оказаться настоящее время изъявительного наклонения: "*din kharāb hone kī kyā bāt hai*", *māi ne kahā*. "*pahle calkar bāzār se sāmān kharīd lete hāi...*" (PL, 156) '«О том, что потерян день, не может быть и речи, — сказал я. — Сперва пойдем и купим все, что нужно...»', "*pahle ghar calkar ek-ek pyālī cāy rīte hāi*", *mis Pāl bolī* (PL, 146) '«Сначала давайте пойдем домой и выпьем по чашечке чая», — сказала мисс Пал'. Здесь тоже налицо переносное в темпоральном плане значение формы изъявительного наклонения.

6. Простая форма сослагательного наклонения используется для эмоционально-экспрессивной актуализации факта прошлого или настоящего: *par is man mārne kā yah phal! gārhe pariśram ke rupaye luṭ jāyē!* (P. PP, 35) ‘И таковы плоды этого воздержания! Украсть деньги, заработанные в поте лица!’, *mujh se hī kām lē aur mujhe hī dhokhā dē* (CA, 29) ‘Прибегнуть к моей помощи, а потом надуть меня!’, *donō sāle hakkā-bakkā ho gaye. jis ādmī ne kabhī zabān nahī kholī, hameśā gulāmō kī tarah hāth bādhe hāzir rahā, vah āj ekāek itnā ātmābhīmānī ho jāy, yah unko caūkā dene ke liye kāfī thā* (P. GJ, 151-152) ‘Оба шурина остолбенели. Тот, кто никогда и рта не открывал, всегда проявлял рабскую покорность, сегодня вдруг оказался таким самолюбивым. Этого хватило, чтобы поразить их’, *bolo bahan, yah mard hai! jorū ghar se nīkal jāy aur ṭukur ṭukur mūh tāktā rah jāy! iske hāth mē cūṛiyā hotī to acchā thā* (H. K, 25) ‘Скажи на милость, сестрица, что это за мужик?! [От него] уходит жена, а он только пялит глаза! Ему впору носить браслеты’.

Здесь налицо темпорально-модальная транспозиция формы: форма “нефактичного” наклонения, отличающаяся перспективно-потенциальным значением, помещается в контекст описания реальной ситуации и тем самым она вклинивается в зону функционирования “фактичного” наклонения, каковым является наклонение изъявительное. Именно в столкновении названной формы с контекстом, для нее вроде бы неподходящим, дает о себе знать эмоционально-экспрессивный настрой высказывания, объясняемый недоумением или изумлением по поводу реализации глагольного (т.е. выраженного глаголом) действия, которая представляется говорящему не вытекающей из наличных условий.

7. В современном хинди простая форма сослагательного наклонения может оказаться употребленной при сообщении о быстро сменявших друг друга, повторявшихся в

прошлом действиях: *māi parā-parā soc rahā thā ki is prem-patra kā kyā karū? ek dil kare ki isko phār dū aur iske tukre nahar mē phēk dū, phir socū, oh! māi kitnā kathor hū* (НК. 1961. V, 26) ‘Лежа, я все думал о том, как мне обойтись с этим любовным письмом. То у меня появится желание порвать его и выбросить клочки в водный поток, то вдруг подумаю: «О боже! Какой я жестокий»’. Таким образом, она функционирует в семантической зоне, отведенной изъявительному наклонению. Передаваемое ею значение близко тому значению, для выражения которого в русском языке допускается использование будущего (или в другой терминологии — настоящее-будущего) совершенного времени в контексте повествования о прошлом.

8. Простую форму сослагательного наклонения отличает способность выполнять семантическую функцию афористического настоящего времени (в пословицах, поговорках, изречениях): *cor ko cor hī rahcāne* ‘Уж вор-то распознаёт вора’ (ср. “Рыбак рыбака видит издалека”), *khisiyānī billī khambā* посе ‘Пристыженная кошка на столбе зло срывает (букв. царапает столб)’, *bhāv na jāne rāv* ‘Базарная цена для всех одна’ (букв. ‘Цена не признает раджу’), *raḥe fārsī besē tel* ‘Читает на фарси, а продает масло’ (говорится о человеке, не реализующем свои способности), *par ke dhan par cor gove* ‘Вор зарится на чужое добро (букв. плачет по чужому добру)’. В таких примерах простая форма (настояще-будущее время) сослагательного наклонения сохраняет за собой ту семантическую функцию, которой, по всей видимости, располагал прежний презент индикатива, к которому данная форма современного хинди генетически восходит¹⁹.

¹⁹ Общие сведения о генезисе сослагательного наклонения современного хинди изложены в одной из наших предыдущих монографий [47, с. 30-35]. Некоторые аспекты этого генезиса освещены в одной из наших статей [50, с. 48-57].

Эта функция присуща в хинди и настоящему общему времени изъявительного наклонения: *būḍ būḍ mē tālāb bhār jāṭā hai* ‘Водоем наполняется по капле’ (≅ ‘Большое складывается из малого’), *bātō se peṭ nahī̃ bhartā* ‘Словами сыт не будешь’ (букв. ‘Словами живот не наполняется’), *muft ke bail kā dāt nahī̃ dekhā jāṭā* ‘Дареному коню (букв. дармовому волу) в зубы не смотрят’, *sikne mūh ko sab cūmte hai* ‘Масляный рот все целуют’, *hāth ko hāth rahicāntā hai* ‘[Дающую] руку узнаёт [берущая] рука’ (ср. “Долг платежом красен”).

Бивербальные конструкции как средство выражения модальности в хинди

При том, что центральное место среди языковых средств, передающих модальные значения, занимают формы наклонений, в языке хинди значительная роль в выражении модальности принадлежит бивербальным конструкциям, различающимся составом входящих в них компонентов. В качестве первого компонента данных конструкций выступает инфинитивная форма (в частности, деепричастие-основа, причастие, инфинитив) автосемантического глагола, входящего в пропозитивную основу содержания высказывания. Вторым компонентом — это изменяемый по парадигме какой-то один из глаголов ограниченного круга. К бивербальным конструкциям можно условно отнести конструкцию, где вторым компонентом, сочетающийся с инфинитивом автосемантического глагола, представлен имеющим глагольное происхождение предикативным наречием *cāhiye (cāhie)* ‘нужно’, ‘надо’, ‘следует’, ‘желательно’ (< *cāhnā* ‘хотеть’, ‘желать’), которое может сопровождаться глаголом *honā* ‘быть’, ‘становиться’ в форме простого прошедшего времени.

Бивербальные конструкции, которые мы имеем здесь в виду, призваны отражать тот один из трех аспектов модальности, который понимается как отношение между субъектом предметной ситуации (в частности, субъектом действия) и его признаком (в частности, действием) в плане возможности, необходимости, желательности¹.

¹ О трех аспектах модальности и, в частности, о данном аспекте подробнее говорилось выше (с. 16-18).

В литературе по грамматике хинди, в частности в работах З.М. Дымшица и О.Г. Ульциферова, некоторые из них толкуются как экспоненты категории способа действия [24, с. 349 и сл.; 68, с. 256 и сл.; 115, с. 257 и сл.]. Кроме того, они попадают в поле зрения исследователей и по ходу того, как излагаются сведения о составном глагольном сказуемом [25, с. 159 и сл.], отмечаются случаи синтагматически связанного употребления разных нефинитных форм [45, с. 51-53, 56, 60-61, 89-90], анализируются “предложения с аспектуально и модально детерминированными предикативными центрами” [48, с. 62-90]. Их круг довольно четко очерчен О.Г. Ульциферовым в одной из статей [65]. Степень формализации второго компонента у них неодинакова и поэтому видится различие между ними в расположении на шкале “постсинтаксические конструкции — преморфологические конструкции — аналитические конструкции” [65, с. 141; 68, с. 167].

Важно отметить, что каждая из бивербальных конструкций является составной частью конструкции предложения, специфику которой определяют также форма имени субъекта и / или объекта действия, названного автосемантическим глаголом, и такой существенный момент, как согласование / несогласование глагольного компонента с соответствующим именным компонентом.

Итак, в бивербальных конструкциях языка хинди находят выражение в качестве определяющих модальность диктума такие категории, как возможность, необходимость, желательность.

Возможность

Под возможностью разумеется такая связь “между субъектом предметной ситуации и его признаком, при которой существует обусловленность ситуации детерминирующими факторами (объективными или субъективными), допускающими различный исход потенциальной ситуации — ее реализацию или нереализацию” [64, с. 126]. В коллективной монографии “Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность” (Л., 1990), откуда нами почерпнута приведенная дефиниция, семантическое членение поля возможности проводится с привлечением четырех парных дифференциальных признаков: внутренний / внешний, актуальный / узуальный, деонтический / недеонтический, приобретенный / неприобретенный [64, с. 131]¹. В основу же членения положен первый из названных признаков, по которому разнятся внутренняя возможность (“фактор, обуславливающий связь субъекта и признака, находится в самом субъекте, представляя собой его внутренние характеристики”), подразделяемая на приобретенную и неприобретенную, и внешняя возможность (существование связи между субъектом и признаком “обусловлено факторами, находящимися вне самого субъекта, например внешними обстоятельствами постоянного или временного характера, социальными законами, законами природы”), подразделяемая на деонтическую и недеонтическую [64, с. 131-132]². Релевантность второго из отмечен-

¹ Автором соответствующего раздела книги является Е.И. Беляева, чьи взгляды по затронутому вопросу и другим вопросам, касающимся модальности, были ранее отражены на материале русского и английского языков в индивидуальной монографии [6, с. 6-52]. Описанию ситуации возможности на материале русского языка посвящена обстоятельная статья С.Н. Цейтлина [70].

² В русском языке применительно к выражению разных видов возможности показательны следующие модальные модификаторы: *уметь* — для приобре-

ных признаков проявляется в пределах как внутренней, так и внешней возможности.

Факторами, обуславливающими приобретенную возможность, являются умение, навыки, знания субъекта. Неприобретенная возможность детерминируется внутренне присущими субъекту качествами, свойствами его характера, умственными способностями, его психическим или физическим состоянием.

Факторами, обуславливающими деонтическую возможность, являются разного рода социальные нормы (юридические, служебные, этические и др.), а также установки, вытекающие из ситуаций волеизъявления. Недеонтическая возможность, как разновидность внешней возможности, детерминируется стечением внешних обстоятельств несоциального характера или объективными законами бытия, укоренившимся положением вещей и тем самым предстает или в качестве ситуативно обусловленной возможности, или в качестве объективной возможности.

Язык хинди отличается многообразием бивербальных конструкций, выражающих значение возможности.

1. Конструкция «деепричастие-основа + глагол *saknā* ‘мочь’»

Данная конструкция ³ доминирует среди бивербальных конструкций, призванных передавать значение возможности: отличаясь частотой употребления, она оказывается способной выражать содержание всех типовых ситуа-

тенной возможности; *в силах, в состоянии, способен* — для неприобретенной возможности; *можно, иметь право* — для деонтической возможности; *иметь возможность* — для недеонтической возможности, — тогда как модификатор *мочь* подходит для всех четырех названных видов возможности [6, с. 133].

³ З.М. Дымшицем и О.Г. Ульциферовым она отнесена к средствам выражения потенциального способа действия [24, с. 350-351; 68, с. 262; 115, с. 268-270].

ций возможности, раскрываемых на основе учета перечисленных выше бинарных признаков.

Опираясь на содержательную сторону этих признаков, мы при обращении к языковому материалу, иллюстрирующему функционирование конструкции, сочли целесообразным принять за основу (т.е. в качестве первого шага) семантического членения поля возможности отграничение деонтической возможности от возможности, таковой не являющейся, т.е. от возможности, которую принято именовать (в рамках модальности, входящей в диктум) алетической.

Итак, данной конструкцией выражается:

(1) Деонтическая возможность:

(1.1) обусловленная нормами социального характера — “*lekin fādar*”, *mis vuḍ ne kahā*, “*yah to kānvenṭ skūl kā niyam hai ki koī bhī fīcar chuṭṭiyō mē apne kharce par hostal mē rah saktī hai*” (PL, 106) ‘«Но отец, — молвила мисс Вуд, — ведь правило монастырской школы таково, что любая преподавательница может во время каникул жить за свой счет в общежитии»’, *mujhe to kampanī ke niyamō kā pālan karnā hai, jisne is kampārṭmenṭ ko yūropiyans aur englo-iṇḍiyans ke lie surakṣit kiyā hai; is kampārṭmenṭ mē hindustānī safar nahī kar sakte* (BV, 435) ‘Я должен следовать правилам, установленным компанией, которая отвела это купе европейцам и англоиндийцам. Ехать в этом купе индийцы не имеют права’, *vah aikṭ yah thā ki gavarnar kī ājñā se kisī bhī vyakti ko kaid kiyā jā saktā thā ...* (G, 130) ‘Согласно этому акту любого человека по распоряжению губернатора можно было заключить в тюрьму...’, *musalmān hokar rangīnkhā aisā hargiz nahī kar saktā* (U. S, 66) ‘Будучи мусульманином, Рангин Хан не может так поступить’;

(1.2) обусловленная установками, вытекающими из ситуаций волеизъявления, — *tum jā sakte ho. mujhe kisī cīz kī zarūrat hogī to tumhē bulā lūgā* (S. K, 17) ‘Ты можешь идти. Если мне понадобится, я тебя позову’, *māī apne beṭe ko to andar bulā saktā hū? uskī madad se āp ko kuch batā sakūgā*

(BC, 88) ‘А можно мне позвать сюда своего сына? С его помощью я смогу вам сообщить кое-что’, “*māi ā saktī hū*”, *us ne dahhlīz ke pās rukkar kahā ...* (MR, 418) ‘«Могу я войти?» — спросила она, задержавшись на пороге...’, *jin rupayō ko tum apnā samajhī ho, vah tumhāre nahī hāi, hamāre hāi. tum hamārī anumati ke binā unmē se kuch nahī kharc kar saktī* (P. GJ, 83) ‘Деньги, которые ты считаешь своими, на самом деле не твои, а наши. И без нашего согласия ты не вправе их расходовать’.

(2) Алетическая возможность:

(2.1) внешняя —

(2.1.1) ситуативно обусловленная — *...aisī sthiti mē niśānā cūk saktā hai* (S. K, 71) ‘...в такой ситуации немудрено промахнуться’, *saritā piyāno ke sāmne baiṭhī huī thī. uskī pīṭh darvāze kī or thī. islie vah vinod ko dekh na sakī* (S. K, 97) ‘Сарита сидела за пианино, спиной к двери. Поэтому она не могла увидеть Винода’, *dukhtocan ne veṇī ko bulāyā to mālūm huā ki vah purānī phūs ke cār-chaḥ pūle de saktā hai* (N. D, 14) ‘Когда Духмочан позвал Вени, то выяснилось, что тот может дать четыре-шесть пучков лежалой соломы’, *pahle ūkh mē pānī de lo, phir anāj māṛnā. māṛāi to das din bād bhī ho saktī hai, ūkh kī sīcāi na huī to sūkh jāygi* (P. GJ, 31) ‘Прежде ороси сахарный тростник, а уж потом принимайся за обмолот зерна. С обмолотом можно и повременить дней десять, а сахарный тростник засохнет на корню, если его не оросишь’;

(2.1.2) объективная — *yahī garm bhāp cīzō ko bare zor se ghumākar dhakel bhī saktā hai* (VL. 1960. VII, 32) ‘Этот горячий пар может с огромной силой вращать и толкать вещи’, *ṭelīfon dvārā ek nagar se dūsre nagar ke vyakti se bāt kī jā saktī hai* (VL. 1960. V, 17) ‘По телефону из одного города можно разговаривать с человеком из другого города’, *lekin mā to bacce kā sarvasva hai. bālak ek miniṭ ke lie bhī uskā viyog nahī sah saktā* (P. GJ, 148) ‘Но мать — это всё для ребенка. Ребенок не может переносить даже минутную разлуку с

ней’, *akelā canā bhār nahī* phoṛ saktā ‘Одна горошина не может развалить очаг’ (поговорка; ср. *Один в поле не воин*);

(2.2) внутренняя —

(2.2.1) приобретенная — *tum gā saktī ho?* (VV, 9) ‘А ты умеешь петь?’, *aur phir is vijay par aur hāstī huī āyā ko cakī kar detī ki vah apne āp kharī* ho saktī hai (AP, 22) ‘А потом [Ранджу], смехом проявляя радость, испытываемую от этой победы, поражала няню тем, что она теперь может стоять без посторонней помощи’, *māi samajh rahī thī ṭakhnā utar gayā hai. lekin ḍākṭar ne batāyā ki coṭ ke kāraṅ sūjan ā gaī hai. sikāi karne se kāfī ārām hai. ab māi cal-phir saktī hū* (S. K, 75) ‘Я-то думала, что у меня вывих лодыжки, но врач сказал, что опухоль вызвана ушибом. Согревающий компресс принес мне облегчение. Теперь я могу передвигаться’;

(2.2.2) неприобетенная —

(2.2.2.1) обусловленная физическим состоянием субъекта — *...apnī lambī-lambī ṭāḡḡ se vah relgārī kī tarah daur saktā hai* (S. A, 85) ‘...на своих длинных ногах он (страус. — В.Л.) может бежать со скоростью поезда’, *phūlmaī kalsā liye nice utrī. pānī bharā aur ūpar jā rahī thī ki pāv phislā. sābhal na sakī. pānī mē gir parī* (P. GJ, 89) ‘Пхулмати, взяв кувшин, спустилась к реке. Она зачерпнула воды и стала подниматься вверх, как вдруг поскользнулась. Удержаться она не смогла и упала в воду’;

(2.2.2.2) обусловленная свойствами и внутренним (психическим и др.) состоянием субъекта — *umānāth itnī baṛī rakam itnī āsānī se nahī choṛ saktā. vah kapaṭ-nīti mē kuṣal hai* (P. GJ, 79) ‘Уманатх не может так легко упустить такой куш. Ведь в плутовстве он мастак’, *bhaī, merī tabīat nāsāz hai. māi ādhī rāt tak hī yahā ṭahar saktā hū* (BC, 118) ‘Мне, братец, нездоровится. Я могу задержаться здесь только до полуночи’; *nahī, ve kamīne log bāt karne se kabhī bāz ā sakte hāi?* (PL, 139) ‘Нет уж, разве способны эти подлые люди воздержаться от пересудов?’

Финитной формой второго компонента (*saknā*) бивербальной конструкции определяется финитная форма данной конструкции в целом. Из форм изъявительного наклонения данной конструкции свойственно принимать имперфективные и перфективные формы, а также простую форму будущего времени, что ниже иллюстрируется примерами, где в качестве автосемантического компонента конструкции выступают глаголы *karnā* ‘делать’ (а), *milnā* ‘встречаться’, ‘доставаться’, ‘приобретаться’ (б), *rahnā* ‘жить’, ‘оставаться’ (в):

(а) *uskī umr abhī bhī nahī hai, ab bhī vah dūsro ko apnī or ākarṣit kar saktī hai* (PL, 94) ‘Ведь ей не так уж много лет, и она все еще может привлекать к себе других’, *māi tumhē koī ārām na de sakā. tumhāre lie kuch na kar sakā* (P. GJ, 54) ‘Я не смог принести тебе счастья, ничего не смог для тебя сделать’, *becārā mekārūrū itnā ghabrā gayā thā ki vah sāvadhānī se kām kar sakegā yā nahī is mē mujhe sandeh ho rahā thā* (S. A, 69) ‘Бедняга Мекаруру пришел в такое смятение, что меня стали терзать сомнения относительно того, что сможет ли он действовать осмотрительно или нет’;

(б) *yah bijlī kā sāmān kahī bhī mil saktā hai* (BC, 130) ‘Это электрооборудование можно достать где угодно’, *bahut dhūdhne par bhī ek hī dāṇḍī mil sakī* (Y. D, 306) ‘После долгих поисков удалось найти носилки, но только одни’, *vah ek ber rāj se mil sakegā* (Y. D, 166) ‘Он сможет повидаться с Радж’;

(в) *men lāin ke ṣeṣan kā ṣeṣan māstar bhalā kabhī gāfil rah saktā hai!* (BC, 13) ‘Начальник станции на основной магистральной разве может оставаться беспечным!’, *purī rah na sakā. usne kanak ke hōṭh bhī cūm liye* (Y. VD, 179) ‘Пури не мог оставаться безучастным. Он поцеловал Канак в губы’, *miyā! āj merī tabīat nāzuk aur nāsāz hai. māi bahut der tak āp logō ke sāth nahī rah sakegā* (BC, 126) ‘Шеф! Сегодня мне что-то не по себе и нездоровится. Я не смогу долго оставаться здесь с вами’.

Рассматриваемая бивербальная конструкция выступает не только в изъявительном наклонении. Она может предста-

вать в форме сослагательного (а) и условного (б) наклонений, а также в форме повелительного наклонения (в), когда последняя функционирует в роли вежливой формы будущего времени изъявительного наклонения (см. выше, с. 104):

(а) *ham jaldī-jaldī calne lage, jisse ādherā hone se pahle hī ham gāv ko pahūc sakē* (S. A, 32) ‘Мы пошли быстро, чтобы еще до наступления темноты успеть прийти в деревню’, *abhī aise būrhe nahī ho gaye ki koī kām na kar sakē* (P. SS, 48) ‘Но [он] не настолько состарился, чтобы быть не в состоянии выполнить какую-либо работу’, *parantu jab vah apnā dharmma na samajhte hō yū na samajh sakte hō to hamārā dharmma hai ki apne ghar ke kām ko lāt dē ...* (S. TY, 248) ‘Но когда они не понимают или не могут понять, в чем состоит их долг, тогда нам надлежит отложить в сторону все домашние дела...’;

(б) *kāś, yah mere bas mē hotā ki māi us ko ās bādhā saktā aur us ke pīle cehre par āsā kī laharē dauṛā saktā* (K. T, 13) ‘О, если бы я мог приободрить ее и заставить ее бледное лицо осветиться улыбкой надежды’, *...jo itnī ūcī na thī ki use koī phalāṅ na kar saktā* (K. H, 86) ‘...которая (стена. — В.Л.) не была столь высокой, чтоб ее нельзя было перепрыгнуть’, *yadi tum jān sakte, mujh par kyā bītī? viśvās hai, avaśya kṣamā kar dete* (Y. D, 289) ‘Если бы вы могли знать, что я пережила, то, я уверена, вы наверняка простили бы меня’;

(в) *kātik kī subah kī dhūp āp bardāšt na kar sakiegā* (PL, 43) ‘Вы же не сможете перенести утреннее солнце месяца катик’.

Залоговая форма рассматриваемой конструкции определяется формой деепричастия-основы автосемантического глагола, т.е. формой первого компонента конструкции. В частности, инактивный залог конструкции маркирован формой инактивного залога деепричастия-основы.

В своей финитной форме рассматриваемая бивербальная конструкция проявляет себя как составная часть актив-

но-субъектной конструкции предложения (глагольный компонент согласуется со стоящим в форме прямого падежа именем субъекта действия, названного автосемантическим глаголом), а также как составная часть инактивно-объектной конструкции [см. выше пример (VL, 1960. V, 17) рубрики (2.1.2)] или инактивно-нейтральной конструкции предложения [см. выше пример (G, 130) рубрики (1.1)].

Упомянутые конструкции предложения отражены последовательно в следующих примерах: *ākhē band karke log tasvīrō kī numāyaś kaise dekh sakte hai?* (BC, 101) ‘Разве с закрытыми глазами люди могут осматривать выставку картин?’, *lakīr-sī bārīk cūriyā hī kalāī mē dekhī jā saktī hai* (J. S, 94-95) ‘На запястье можно видеть только тонюсенькие браслеты’, *...kokil ko pakaṛ liyā jā saktā hai* (A. ND, 145) ‘...кукушку можно поймать’.

Рассматриваемая бивербальная конструкция способна функционировать в форме инфинитива, занимающего различные позиции в предложении в соответствии со своим герундиальным статусом: *...unkā patra dillī ā saknā rāmprakāś par hī nirbhar karegā* (Y. DB, 73) ‘...возможность поступления его письма в Дели будет зависеть только от Рампракаша’, *purī ne kām mē dhyān lagā sakne ke liye apnā sir jhaṭkā ...* (Y. DB, 40) ‘Пури тряхнул головой в попытке переключиться на работу ...’, *prakāś paṛh sakne yogya na thā māno adhik bhīr ke bojh se dab gayā thā* (Y. VD, 464-465) ‘Света для чтения (т. е. для того, чтобы можно было читать. — В.Л.) недоставало, как будто он померк под гнетущим воздействием скопления людей’, *kauśalyādevī bhīr mē rāh na pā sakne ke kāraṇ praurh par jhūjhlā uṭhī ...* (Y. DB, 111) ‘Из-за невозможности протиснуться сквозь толпу Каушальядеви с упреками набросилась на солидного господина...’, *kuch samajh na sakne par bhī itnā to niścay thā ki coṭ gahrī āī hai, khūn jā rahā hai aur candā behoś hai* (Y. D, 244) ‘Даже при том, что ничего нельзя было понять, было очевидно, что рана глубока, течет кровь и Чанда лежит без сознания’.

Мало того, такой инфинитив может сопровождаться формантом *vālā* как приметой причастия особого рода — глагольного прилагательного, подверженного и субстантивному использованию: *kāngres kī nīti ke viṣay mẽ adhikār se kuch kah sakne vāle sabhī netā jelō mẽ band ho gaye the* (Y. D, 267) ‘Все руководители, способные авторитетно что-либо заявить о политике Конгресса, уже томились в тюрьмах’, *rakta ke veg se šarīr mẽ samā na sakne vālī šakti kī vyākultā anubhav hone lagī* (Y. D, 60) ‘В теле стало ощущаться клокотание энергии, готовой из-за волнения в крови выплеснуться наружу’, *sarak par moṭarō aur basō ke kāraṇ paidal cal sakne vālō ke liye jagah nahī thī isliye paidal kāfile sarak ke nīce kaccī dhartī par cal rahe the* (Y. DB, 21) ‘Для тех, кто шел пешком, из-за потока автобусов и других машин места на дороге не было. Поэтому вереницы пеших беженцев тащились внизу вдоль дороги прямо по голой земле’.

Значение отрицания вносится в семантическую структуру конструкции (а, следовательно, всего высказывания) отрицательными частицами *na* и *nahī* ‘не’. Каждая из них может выступать как перед первым, так и перед вторым компонентом конструкции. При этом в том и другом случае отрицание относится к самому модальному отношению возможности, а отнюдь не к возможности неосуществления обозначаемого автосемантическим глаголом (первым компонентом конструкции) действия, что иллюстрируется попарно приведенными примерами:

tīsre din bhī vah pulis dvārā girfāstār mazdūrō kī zamānatē dilākar unhē churāne aur āpas ke jhagre miṭāne ke jhanjhaṭ mẽ uljhā rahne ke kāraṇ dopahar se pahle apnī dukān par na lauṭ sakā (Y. D, 213) ‘Даже на третий день он не смог вернуться в свою лавку раньше полудня из-за того, что все время был в хлопотах по освобождению под залог арестованных полицией рабочих и по устранению внутренних конфликтов’ ~ *rāt adhik ho jāne ke kāraṇ lauṭ na sakī* (S. K, 58) ‘Из-за того, что стало слишком поздно, [я] не смогла вернуться’;

rājārām se aise bhācāre ke nāte kī kalpanā bhī bhajan na kar saktā thā (Y. D, 219) ‘О таких братских отношениях с Раджарамом Бхаджан даже мысли не мог допустить’ ~ *uske būrhe pitā viṣeṣ kuch kar na sakte the* (Y. D, 32) ‘Его престарелый отец ничего особенного совершить не мог’;

...lākh koṣiṣ karne par bhī vah kuch nahī samajh sakā (PL, 23) ‘...несмотря на все попытки, он ничего не мог понять’ ~ *vah samajh nahī sakī ki fādar ne ḍākṭar kā prasang kyō cher diyā hai* (PL, 106) ‘Она не могла понять, почему священник вдруг завел разговор о докторе’;

yah bāt subhāṣ bābū kah sakte hāi, parantu samājvādī aisā nahī kah sakte (Y. D, 260) ‘Это может сказать Субхашбабу, а социалисты такого сказать не могут’ ~ *pitā jī se to iske bāre mē kuch kah nahī saktī* (H. G, 86) ‘Отцу об этом я ничего не могу сказать’;

aisā hone se senā aur pulis ek sthān se dūsre sthān par na jā sakegī (Y. D, 257) ‘При таком развитии событий полиция и войска не смогут перемещаться с одного места на другое’ ~ *rājārām ko svīkār karnā paṛā ki vah uṭh na sakegī, cal na sakegī* (Y. D, 323) ‘Раджараму пришлось признать, что она не сможет подняться, не сможет идти’;

māi bahut der tak āp logō ke sāth nahī rah sakūgā (BC, 126) ‘Я не смогу долго находиться здесь с вами’ ~ *ise binā dekhe māi mar nahī sakūgā* (AP, 82) ‘...не повидав ее, я не смогу умереть [спокойно]’;

khannā ke sammukh rulāī na rok sakne kī lajjā ke kāraṇ vah marī jā rahī thī (Y. D, 189) ‘Она готова была провалиться сквозь землю, испытывая стыд от того, что перед Кханной не может подавить плач’ ~ *hṛday kā āveg sābhāl na sakne ke kāraṇ candā ke āsū bah āye the* (Y. D, 189) ‘На глазах Чанды выступили слезы, оттого что она не могла сдержать сердечный порыв’.

Показательно то, что первым примером приведенных пар, где отрицательная частица предшествует автосемантическому глаголу, чужд смысл “смог не вернуться” (*lauṅnā*

‘возвращаться’), “мог даже мысли не допустить” (*karnā* ‘делать’ в словосочетании *kalpanā karnā* ‘воображать’), “мог что-то не понять” (*samajhnā* ‘понимать’), “могут не сказать” (*kahnā* ‘говорить’), “смогут не перемещаться” (*jānā* ‘идти’, ‘ехать’), “смогу не находиться” (*rahnā* ‘оставаться’), “может не подавить” (*roknā* ‘останавливать’, ‘пресекать’).

При употреблении с инактивной формой рассматриваемой бивербальной конструкции отрицательная частица занимает место или перед конструкцией, или внутри конструкции перед *jā* — основой глагола *jānā* как приметы инактивного залога: *itnī sī bāt par us śarīf ādmī par sandeh nahī kiyā jā saktā* (S. K, 74) ‘По такому [ничтожному] поводу нельзя подозревать этого благородного человека’ ~ *vāstaviktā jhuthlāī nahī jā saktī* (S. K, 46) ‘Реальность не может быть плодом ложного представления’.

Касаясь семантического аспекта рассматриваемой конструкции, надо отметить, что ее перфективные формы (в изъявительном наклонении) сигнализируют (при условии отсутствия отрицания) о реализованной возможности: *barī kaṭhintā se ve apne pharakte hue ghūse ko khannā ke sūje hue vikṛt cehre par āghāt karne se rok sake* (Y. D, 323) ‘Ему едва удалось сдержать (“сдержал-таки”. — В.Л.) свой кулак, занесенный для удара по опухшему обезображенному лицу Кханны’, ... *āj mai tumhārī mahāntā ko samajh sakā hū aur ab vāstav mẽ kṣamā kā adhikārī hū* (Y. D, 142) ‘...сегодня я сумел распознать ваше величие и теперь воистину вправе рассчитывать на прощение’, *un mẽ se sirf mere cācā hī bhāgkar vāpas ā sake the* (S. A, 7) ‘Из них только мой дядя, путившись наутек, смог вернуться’.

Такая имперфективная форма, как прошедшее общее время, оставляет признак реализованности / нереализованности действия, названного автосемантическим глаголом конструкции, невыраженным. Лишь контекст иногда позволяет судить о том, какой в высказывании о прошлом мыслится возможность — реализованной (а) или нереализован-

ной (б), например: (а) *gaznī mē dākṭar apne dil kī bāt kah saktā thā to nāsir se. vahī uskā ātmīya thā* (Y. D, 104) ‘Если в Газни доктор и мог говорить (“говорил-таки”. — В.Л.) о своем самом сокровенном, то только с Насиром. Ведь именно Насир был ему близким другом’; (б) *agar ve log mujhe jān se mār dālnā hī cāhte hāi to us dārḥī vāle ne mujhe kyō na mārā, jabki vah isī kamre mē mujhe āsānī se mār saktā thā* (S. K, 26) ‘Уж если эти люди хотят лишиться меня жизни, то почему бородач не убил меня, когда в этой самой комнате он мог легко расправиться со мной?’

Конструкция, воплощенная в *rah saktā* (ср. *rahnā* ‘оставаться’), участвует в выражении значения невозможности неосуществления действия, когда она, имея при себе отрицательную частицу, следует за перфективным причастным оборотом, содержащим служебное слово (послелог) *binā* или *bagair* ‘без’, ‘не’, например: *...māi in donḍ kī bahādūrī kī praśansā kie binā nahī rah saktā* (G, 94) ‘...я не могу не воздать хвалу мужеству обоим’, *vah merī ciṭṭhī kā uttar diye bagair na rah sakā* ‘Он не смог не ответить на мое письмо’ [25, с. 162].

2. Конструкция «деепричастие-основа + глагол *pānā* ‘получать’»

Если глагол *saktā* используется не иначе как в роли второго компонента бивербальной конструкции, передающей значение возможности, то функционирование глагола *pānā* выходит далеко за рамки этой роли.

В качестве полнозначной лексемы глагол *pānā* характеризуется прежде всего значением “получать”, “обретать”: *unhō ne yunivarsiṭī mē bī. e. tak śikṣā pāi hai* (Y. D, 187) ‘В университете он получил образование вплоть до степени бакалавра гуманитарных наук’, *daftar mē asthāyī naukrī pāye bahut se log us se asantuṣṭ the* (Y. DB, 345) ‘Многие из полу-

чивших в офисе временную работу были этим недовольны’, *ab tumhē pā gayā hū. chorūgā nahī* (U. SK, 87) ‘Теперь я обрел тебя. Не брошу!’, *mai maītrik kī taiyārī mē hū aur vilāyat kī patrikāō mē jhākne kā adhikār pā gayā hū* (J. S, 73) ‘Я готовлюсь к поступлению в высшее учебное заведение и получил право заглядывать в журналы из метрополии’. Вот еще примеры, проливающие свет на семантический потенциал этого глагола как глагола переходного: ...*gazab kar diyā us lāude ne. aise zālim ādmī ko bhagā diyā, jise ab sarkār pā hī nahī saktī* (U. SK, 110) ‘...ну и натворил бед этот малый: дал бежать такому негодяю, которого теперь не могут поймать власти!’ (здесь глагол *pānā* представлен основой в бивербальной конструкции со вторым компонентом *saknā*), *uske yahā bhī do pistaul, bahut se kārtūs aur patra pāye gae hāi* (U. SK, 17) ‘У него в доме тоже обнаружены два пистолета, патроны, письма’, *savere ākh khulte hī us ne pāyā cāy kā pyālā sāmne rakhā hai* (UB, 137) ‘Когда он утром открыл глаза, он сразу увидел, что возле поставлена чашка чая’, *āp ne bahut duḥkh pāyā hai, rekhājī ...* (A. ND, 256) ‘Вы, Рехха-джи, испытали большое горе...’, *us hāsī mē aisā svar prakṛt ho rahā thā kī usne kisī bhed ko pā liyā ho* (H. K, 72) ‘По тому, как она смеялась, чувствовалось, что она разгадала какую-то тайну’, *yahā āp cāhe kitne varṣa rah lē, apne ko hamešā ajnabī hī pāḍge* (PL, 114) ‘Сколько бы лет вы здесь ни прожили, вы все равно постоянно будете ощущать себя чужаком’, *ādhā ghaṇṭā bād dukhmocan apne parivār kī sudh lene āe to sab ko dahṣat mē dūbā pāyā* (N. D, 130) ‘Когда через полчаса Духмочан пришел справиться о своей семье, то всех домочадцев застал охваченными ужасом’, *māī ne use jangal mē nanhī-sī phēkī huī* pāyā thā (J. S, 109) ‘Я обнаружил ее, крошку, брошенной в лесу [на произвол судьбы]’ (стоит отметить, что в трех последних примерах глагол *pānā* сочетается не только с прямым дополнением, но и с компонентом, квалифицирующим объект: *ajnabī, dūbā, phēkī huī*).

Глагол *pānā* в сочетании с предшествующим ему супинным инфинитивом приобретает значение “получать разрешение”, “получать возможность”, которое может сопровождаться или даже перекрываться семантическим оттенком “удаваться” или “успевать”, например: *vahā nau baje ke bād koī paṅhne nahī pātā...* (P. N, 94) ‘Там после девяти часов [вечера] никому не разрешается заниматься...’, *tum uskā mūh bhī nahī dekhne pāye* (P. N, 154) ‘Тебе даже не удалось увидеть его лицо’, *māi abhī kapre bhī ha utārne pāyā thā ki usne apnā dukhrā śurū kar diyā...* (P. GJ, 108) ‘Я еще не успел снять с себя одежду, как она принялась жаловаться на свою горькую судьбу...’.

Каждый из названных семантических оттенков роднит с сочетанием «супинный инфинитив + *pānā*» бивербальную глагольную конструкцию, являющуюся предметом нашего рассмотрения: *baig mẽ kyā thā yah to varmā sāhab na dekh pāe kyōki baig kā dhakkan unkī or thā* (S. K, 34) ‘Что было в сумке, это господин Варма не смог (“ему не удалось”. — В.Л.) увидеть, потому что сумка была повернута к нему закрытой стороной’, *un bātō ke prabhāv ko māi abhī man mẽ sameṭ nahī pāyā thā ki aur-aur prabhāv man ko gherne lage* (MR, 269) ‘Не успел я проникнуться впечатлением от этого повествования, как на меня хлынул поток новых ощущений’ (ср. эти примеры с двумя последними примерами предыдущего абзаца).

Заключительные примеры двух предшествующих абзацев свидетельствуют о семантическом сходстве обеих конструкций при их использовании с отрицательной частицей в главной части сложноподчиненного предложения перед союзом *ki*, вводящем придаточное предложение времени⁴.

⁴ В придаточном предложении сообщается о действии, которое реализуется до момента полного завершения действия, названного в главном предложении автосемантическим глаголом в форме инфинитива или деепричастия-основы при глаголе *pānā*. Можно сказать и так: в главном предложении содержится информация о незавершенности определенной ситуации к моменту возникновения (как правило, неожиданного, внезапного) другой ситуации, отраженной придаточным предложением.

Это сходство демонстрируют наглядно и следующие пары примеров:

aur bāt pūrī bhī na hone pāī thī ki rakṣā kā pati gārī ke sāmne ākar kharā ho gayā (S. SS, 139) ‘Разговор еще продолжался (не успел завершиться. — В.Л.), когда вдруг подошел муж Ракши и остановился перед вагоном’ ~ *bāt pūrī nahī ho pāī thī ki bare dākṭar kī ākhō se tīvra roṣ kī jvālāē phūṭ niklī* (Н. К, 21) ‘Еще не все было сказано, а глаза главного врача сверкнули искрами гнева’;

bādal barasne bhī nahī pāte the ki havā ke thapeṛō se dhakel diye jāte the (PL, 122) ‘Тучи еще не успевали пролиться дождем, как их разгонял ветер, дувший порывами’ ~ *magar pokhar abhī ek-chauthāī bhī nahī sūkh pātā thā ki phir bārīś ho jātī thī aur pokhar phir usī tarah labālab bhar jātā thā* (MR, 24) ‘Но не успевал пруд высохнуть хотя бы на четверть, как снова шел дождь и пруд опять наполнялся до краев’.

dhaniyā abhī kuch kahne na pāyī thī ki vah phir cal dī ... (P. Gd, 153) ‘Дхания еще не успела что-либо сказать, как она (Пунни. — В.Л.) опять отошла...’ ~ *sukhdā kuch kah bhī nahī pāyī thī ki yuvak bhītar calā āyā* (A. A, 125) ‘Не успела Сукхда хоть что-нибудь сказать, как юноша вошел’.

Итак, у бивербальной конструкции «деепричастие-основа + *pānā*» обнаруживается синтаксически обусловленный и семантически детерминированный случай употребления⁵.

Финитную форму (в плане трех наклонений: изъявительного, сослагательного, условного) данной бивербальной

⁵ В этом случае (*lauṭ na pāyī thā ki...* ‘не успел вернуться, как...’) соответствующие сложные предложения оказываются в одном ряду с другими сложными предложениями с союзом *ki* перед второй их частью, которые обозначают очередность ситуаций в плане опережения / неопережения: *lauṭ hī thā ki...* ‘едва вернулся, как [вдруг]...’, *lauṭne kī der thī ki...* ‘стоило вернуться, как...’, *na lauṭā thā ki...* ‘еще не вернулся, как [вдруг]...’, *lauṭnā hī cāhtā thā ki* и *lauṭne hī vālā thā ki...* ‘собирался вернуться, как [вдруг]...’, *lauṭ rahā thā ki...* ‘возвращался, как [вдруг]...’ и др. Подробнее о таких предложениях см. в нашей монографии [49, с. 78-81].

конструкции определяет финитная форма ее второго компонента, т.е. глагола *pānā: par bāhar kā prakāś antar kā andhkār kahā dūr kar pātā hai?* (U. SK, 65) ‘Но наружный свет разве способен побороть (букв. устранить) внутренний мрак?’ (*pātā hai* — настоящее общее время), *bahut se sipāhiyō ke māre jāne ke bād sikandar kī senā gvāliyar kī senā ke nikaṭ ā pāi* (VV, 456) ‘После того как многие воины пали в сражении, войску Сикандара все же удалось сблизиться с гвалиорским войском’ (*pāi* — прошедшее аористическое время), *bharosā nahī thā ki tumhē sahī-salāmat dekh pāūgā in ākhō se* (N. D, 143) ‘[Я] и не надеялся, что сподоблюсь увидеть вас своими глазами в добром здравии’ (*pāūgā* — простая форма будущего времени), *apne parivār ko dhūḍh pāye hōge yā nahī?* (Y. DV, 73) ‘Смог ли [он] найти свою семью или нет?’ (*pāye hōge* — будущее III, т.е. будущее перфективное время), *mālakin nahī cāhī ki is bāt ko koī jān pāe* (S. K, 33) ‘Хозяйка не желает, чтобы кто-либо проведал об этом’ (*pāe* — настояще-будущее время сослагательного наклонения), *lekin isse pahle ki māī sītā kī koī sahāytā kar pātā, kisī ne mere sir par koī bhārī cīz de mārī ...* (S. K, 37) ‘Но прежде чем я успел оказать хоть какую-то помощь Сите, кто-то ударил меня по голове чем-то тяжелым...’ (*pātā* — простая форма условного наклонения). Данная бивербальная конструкция, в отличие от конструкции *saknā*, способна принимать актуальные (процессивные) формы: *magar māī koṣīś karke bhī apne ko sābhāl nahī pā rahā thā* (MR, 119) ‘Но как я ни старался, взять себя в руки не мог’, *ve to itnī nādān hāī ki paristhiti ko zarā bhī nahī samajh pā rahī hāī* (H. G, 53) ‘Они еще настолько бестолковы, что совсем не могут разобраться в обстановке’.

Рассматриваемая конструкция, как и конструкция *saknā*, способна функционировать в форме инфинитива: *kuch kar pāne kī icchā mānasik becaīnī paidā karne lagtī* (Y. D, 102) ‘Желание что-либо предпринять начинало порождать в душе сумятицу’, *kudāl se khet mẽ kāfī zamīn na khod pāne par mard uskā mazāk urāte* (Y. D, 23) ‘Мужчины поднимали его

на смех из-за того, что в поле он не мог взрыхлить мотыгой достаточно земли’.

Однако она, в отличие от конструкции с *saknā*, не облекается в форму инактивного залога и всегда предстает в активном залоге⁶. В предложениях, которые ее содержат, имя (местоимение) субъекта действия характеризуется прямопадежной формой (таким образом, реализуется активно-субъектная модель строения предикативной основы). Показательны примеры с перфективными формами конструкции и особенно те из них, где фигурирует деепричастие-основа (первый компонент бивербальной конструкции) от переходного глагола: *muškīl se va h apne ko rok pāyī* (H. G, 125) ‘Ей с трудом удалось взять себя в руки’, ...*lekin āj sekretrī rangīnkhā kī madad se mā ī uskā bhed jān pāī* (U. S, 79) ‘... но сегодня благодаря секретарю Рангинхану я узнала-таки его (раджи Мадансинха. — В.Л.) тайну’, *naval kī is bāt mē nihit yuangua ko uṣā nahī samajh pāī* (BV, 618) ‘Иронию, скрытую в словах Наваля, Уша уловить не смогла’, *prāyaḥ cār mās se śī va nāth apnī bahin yatunā kī sudh na le pāyā thā* (Y. D, 94) ‘За последние почти четыре месяца Шиванатх не удосужился справиться о своей сестре Ямуне’, *baig mē kyā thā yah to var mā sā h a b na dekh pāe...* (S. K, 34) ‘Что было в сумке, это господин Варма не смог увидеть...’⁷.

⁶ Интересный пример на использование данной бивербальной конструкции приведен З.М. Дымшицем: *hā, lekin parīkṣaṅ ke rūp mē abhī tum keval «blyū heven» ke rikriyeṣaṅ hāl tak hī jā pāyā kaoge* ‘Да, но в виде испытания ты сможешь пока ходить только до зала развлечений ресторана «Голубое небо»’ [24, с. 351]. Здесь она предстает, согласно нашей трактовке, в форме футурума многократной совершаемости.

⁷ Показательность таких примеров очевидна в свете того, что при перфективных формах глагола *pānā* как глагола полнозначного имя субъекта действия выступает в падежно-последложной форме на *ne* (в косвенном падеже с послелогом *ne*) [см. выше (с. 134-135) примеры (Y. D, 187), (A. ND, 256), (J. S, 109)], а также в свете того, что с такой же падежно-последложной формой имени субъекта действия сочетается перфектив предельных форм (“интенсивных глаголов”), оба компонента которых — глаголы переходные, например: *āp kā kām māī ne kar diyā hai* (K.C. G, 125) ‘Ваше поручение я выполнила’, *sudhā ne laṛkī ko god mē uṭhā liyā ...* (P. N, 201) ‘Судха взяла девочку на руки...’.

Все же возможность оформления имени субъекта послелогом *ne* исключать нельзя, о чем свидетельствуют следующие примеры: *mā ī ne uskā nām nahī* pūch pāyā (S. K, 26) ‘Я не успел спросить ее имя’, *mere viṣay mē rājārām ne aisī kyā śikāyat* sun pāi hogī? (Y. D, 287) ‘Какую еще жалобу на меня мог услышать Раджарам?’, *uske dimāg mē ve sab kes ghūm gae jinkī jāc us ne saphaltā se tab* kar pāi thī *jab kuch cīzō kī fahrist usne banvāi thī* (BC, 35) ‘В его голове роем закружились воспоминания о тех делах, которые ему удалось успешно расследовать тогда, когда по его указанию составлялся список некоторых вещей’, *un hō ne phalō kā khānā samāpta nahī* kar pāyā thā *ki gale mē dhol bādhkar poṭā apne sāthiyō kī sahāytā se rasse par pahūc gayā* (VV, 117) ‘Не успели они съесть плоды, как Пота, повесив на шею тамбурин, с помощью своих сподвижников взобрался на канат’ (в примерах представлена активно-объектная конструкция предложения).

Отрицательная частица (*na* или *nahī*) может помещаться как перед первым, так и перед вторым компонентом бивербальной конструкции:

khurāk-kameṭiyō ke jhanjhaṭ mē khannā do dīn apnī dūkān aur caubāre mē bilkul na jā pāyā (Y. D, 288) ‘Весь в хлопотах по организации продовольственных комитетов Кхана целых два дня не мог добраться до своей лавки и террасы’ ~ *us dīn un logō kā makān suvidhā se na mil sakne ke kāraṅ jā* na pāyā (Y. D, 183) ‘В тот день из-за неудачи с поиском их дома [мне] так и не удалось к ним зайти’.

naval kī is bāt mē nihit vyangya ko uṣā nahī samajh pāi (BV, 618) ‘Иронию, скрытую в словах Наваля, Уша уловить не смогла’ ~ *lekin vah samajh nahī pāyī ki kyā bāt hai* (H. G, 102) ‘Но она не смогла понять, в чем дело’.

Особого внимания заслуживает вопрос о семантике бивербальной конструкции «деепричастие-основа + *rānā*»⁸. В “Учебнике языка хинди” З.М. Дымшица, О.Г. Ульциферова, В.И. Горюнова глаголу *rānā* как компоненту данной конструкции (“в сочетании с основой любого глагола”) приписываются “значение обусловленной какими-то причинами возможности (а в отрицательных предложениях — невозможности) совершения действия, обозначенного основой”, и “значения «успевать» или «не успевать», «удаваться» или «не удаваться», «иметь возможность» совершить обозначенное основой действие” [26, с. 29-30]. Согласно точке зрения О.Г. Ульциферова, такой глагол *rānā* обозначает “достижение цели или результат осуществления задуманного действия”, а также (в отрицательных предложениях) “невозможность реализации действия или неспособность достичь заданной цели” [115, с. 268]. В одной же из наших монографий говорится о выражении “потенциального значения, которое в зависимости от наличия или отсутствия отрицательной частицы проявляется или как невозможность осуществления действия, обусловленная внешними обстоятельствами, или как реализация предоставившейся в силу внешних обстоятельств возможности осуществления действия, нередко приобретая дополнительные оттенки («удаваться», «успевать» в негативном или позитивном плане)” [48, с. 89].

В цитируемых положениях отражены существенные черты семантической структуры рассматриваемой бивербальной конструкции. Очевидна важность таких смысловых моментов, как “достижение цели или результат”, “обусловленность какими-то причинами”, привнесение значения (оттенка) “успевать” или “удаваться”. Таким образом, данная бивербальная конструкция семантически отличается от ранее рассмотренной конструкции «деепричастие-основа + *saknā*».

⁸ З.М. Дымшицем и О.Г. Ульциферовым эта конструкция принята за одно из средств выражения потенциального способа действия [24, с. 351; 67, с. 262; 115, с. 268-269].

Такое отличие проявляется, в частности, хотя бы в том, что из двух конструкций для выражения, скажем, деонтической возможности, обусловленной установками, вытекающими из ситуаций волеизъявления, используется только конструкция с *saknā*, а для выражения “опережаемой ситуации” (в главном предложении сложноподчиненного предложения с придаточным времени, вводимым с помощью союза *ki*) — только конструкция с *pānā* (рассматриваемая здесь конструкция), например: *māi apne beṭe ko to andar bulā {saktā, *pātā} hū?* (BC, 88) ‘А можно мне позвать сюда своего сына?’, *sukhdā kuch kah bhī nahī {pāyī, *sakī} thī ki yuvak bhītar calā āyā* (A. A, 125) ‘Не успела Сукхда хоть что-нибудь сказать, как юноша вошел’⁹.

Семантическое расхождение между конструкциями ясно обнаруживается в условиях линейного синтагматического контраста. Показателен в этом отношении один из примеров, приведенных О.Г. Ульциферовым по ходу описания “потенциального способа действия” (*vyāpār kā sambhāyua pakṣa*): *apnī zindagī mẽ itnī subah uṭhne kī kabhī koṣīṣ māi ne nahī kī. uṭh nahī saktā aisī to koī bāt nahī, lekin uṭh nahī pātā thā islie ki do-ḍhāī baje rāt ke pahle kabhī sone kā maukā nahī miltā thā* [115, с. 269] ‘В своей жизни я никогда не пытался вставить в такую рань. И дело не в том, что я не имел возможности вставить, а в том, что был не в состоянии вставить, ибо мне никогда не доводилось отходить ко сну ранее двух — двух с половиной третьего ночи’.

Однако эти конструкции встречаются и в однотипных контекстах, когда смысловое различие между ними едва ли не сходит на нет:

⁹ Иначе говоря, для передачи смысла такого предложения, как *Разрешите войти!* (*Можно мне войти?*, *Могу я войти?*), уместна конструкция с *saknā* (*māi andar ā saktā hū?*), а для передачи смысла такого предложения, как, допустим, *Он ахнуть не успел, как на него медведь напал*, — конструкция с *pānā* (*vah āh na bhar pāyī ki bhālū ne ākar use dabāyā*).

āvāz dekar use bulā lene ko usne mūh kholā parantu āvāz na de sakā (PL, 79) ‘Он открыл было рот, чтобы ее окликнуть, но слова застряли в горле (букв. кликнуть не смог)’ ~ *ghabrāhaṭ ke kāraṇ vah pūre zor se āvāz nahī de pāyā thā* (PL, 79) ‘Из-за волнения он не смог крикнуть во весь голос’;

behad vyasta rahne ke kāraṇ dukhmocan bail ke jal marne kī is bāt par tatkāl ucit dhyān nahī de sake the (N. D, 166) ‘По причине крайней занятости Дукхмочан не смог тотчас же уделить должного внимания этому факту гибели вола в огне’ ~ *mehmānō kī sevā-ṭahal mẽ vyasta rahne ke kāraṇ hī dukhmocan darhiyal āgantuk kī taraf dhyān nahī de pāyā* (N. D, 147) ‘Именно из-за занятости обслуживанием гостей Дукхмочан не смог уделить внимания бородатому пришельцу’;

ḍākṭar varmā isī jhamele mẽ do din rājārām ke yahā bilkul na jā sakā (Y. D, 213) ‘В этой кутерьме доктор Варма два дня не мог выбраться к Раджараму’ ~ *khurāk-kameṭiyō ke jhanjhaṭ mẽ khannā do din apnī dūkān aur caubāre mẽ bilkul na jā pāyā* (Y. D, 288) ‘Весь в хлопотах по организации продовольственных комитетов Кханна целых два дня не мог добраться до своей лавки и террасы’;

khannā ke uttar se candā sthiti ko kuch samajh na sakī... (Y. D, 188) ‘Из ответа Кханны Чанда не смогла уяснить обстановку...’ ~ *ḍākṭar ne jo uttar diyā cokhov kuch samajh na pāyā* (Y. D, 113) ‘Из ответа, данного доктором, Чохов ничего не смог понять’;

tār kī jāti ke bahut ūce-ūce vrkṣō ne apnī baṛī-baṛī pattiyō se nakṣatra-pūrṇa ākāś ko bilkul dhak rakhā hai. sūrya-candra-nakṣatrō kā prakāś unke bhītar se nahī pahūc saktā (S. A, 10) ‘Высоченные пальмы своими огромными листьями полностью закрыли усыпанное звездами небо. Сквозь них свет небесных тел не может проникнуть вниз’ ~ *vah ghar jiskī koṭhrī mẽ vyddha baiṭhā thā, madrās nagar kī ek bahut choṭī bahut gandī galī mẽ thā, aur us koṭhrī tak sūrya kā prakāś kabhī nahī ā pātā thā* (A. A, 48) ‘Дом, в камерке которого сидел

старик, находился в маленьком грязном переулке Мадраса, и до этой каморки солнечный свет не доходил’.

В утвердительных предложениях бивербальная конструкция «деепричастие-основа + *pānā*» “обнаруживает предрасположенность” к сочетанию с комплементом обстоятельственного значения “с трудом”, “едва”, “еле”, “насилу”, например: *urmilā ne koī uttar nahī diyā, kintu uskā hṛday krodh se bhar uṭhā. muṣkil se vah apne ko rok pāyī* (Н. G, 125) ‘Урмила ничего не ответила, но ее сердце преисполнилось негодованием. Она насилу сдержала (=ей с трудом удалось сдержать. — В.Л.) себя’, *āpke makān kā hī patā barī kaṭhināī se lagā pāyā* (Y. D, 172) ‘[Я] и ваш-то дом едва нашел’, *unkī pukār jel kī dīvārō ko kaṭhīntā se pār kar pātī thī* (Y. D, 168) ‘Их призыв с трудом преодолевал тюремные стены’, *uccāraṇ ke bhed ke kāraṇ dākṭar aur nāsir kaṭhīntā se hī samajh pā rahe the* (Y. D, 113) ‘Из-за разницы в произношении доктор и Насир лишь с трудом улавливали смысл сказанного’.

В отрицательных предложениях она “обнаруживает предрасположенность” к сочетанию с комплементами обстоятельственного значения “верно”, “должным образом”, “как следует”, “в полной мере”, “толком”, например: *tum is sekretṛī ko abhī acchī tarāh samajh nahī pāyī* (Н. G, 92) ‘Ты еще не раскусила (букв. не смогла хорошенько понять) этого секретаря’, *bahut prayatna karke bhī jab vah us ciṭṭhī ko ṭhīk tarāh se nahī paṭh pāyā tab usne ciṭṭhī jñānprakāś kī or barhāte hue kahā ...* (BV, 447) ‘Когда несмотря на все потуги ему не удалось толком прочитав письмо, он, протягивая письмо Гьянпракашу, сказал...’, *vah asisṭeṇṭ ḍispecar kā kām ṭhīk nahī kar pātī hai* (Y. DB, 340) ‘Она не справляется с обязанностями помощника диспетчера’ (букв. ‘Она работу помощника диспетчера должным образом не может делать’), *tum zarā fon kā khayāl rakhnā. yah naukar-cākar ṭhīk se bāt samajh nahī pāte hai* (Y. DB, 183) ‘Не забудьте подходить к телефону. Ведь эти слуги толком ничего не понимают’.

Представляется вполне естественным, что рассматриваемая бивербальная конструкция используется преимущественно в предложениях с личным субъектом, т.е. в таких предложениях, в которых роль субъекта действия, названного соответствующим автосемантическим глаголом (в форме деепричастия-основы), приписывается лицу. Вместе с тем она может функционировать и в предложениях с неличным субъектом, среди которых наибольшим своеобразием (на фоне предложений с личным субъектом) отличаются предложения, описывающие ситуацию, в которой исключено активное участие какого бы то ни было лица: *...yah sūraj se itnī dūrī par hai ki pṛthvī ke mukāble mẽ keval 4 pratiśat garmī yahā pahūc pāī hai ...* (VL. 1960. X, 24) ‘... он (Юпитер. — В.Л.) находится на таком удалении от Солнца, что в сравнении с Землей его достигает только 4 процента тепла...’, *byhaspati mẽ hamāre jaise 365 dinō kā ek sāl nahī hotā varan 4232 dinō mẽ vahā ek sāl ho pātā hai* (VL. 1960. X, 23) ‘На Юпитере в году не 365 дней, как у нас [на Земле], а 4232 дня составляют там один год’ (букв. ‘...а в 4232 днях там один год возникает’) [см. также приведенные ранее примеры: (MR, 24) — с. 136, (U. SK, 65) — с. 137, (A. A, 48) — с. 143].

Напрашивается вывод, что семантическим инвариантом рассматриваемой конструкции, связывающим воедино случаи ее употребления в предложениях с личным и неличным субъектом, является сема ‘получаться / выходить’, которой может сопутствовать и обычно сопутствует значение возможности. Упомянутые же выше семантические оттенки (значения) “удаваться”, “успевать” знаменуют собой частные случаи проявления упомянутой семы.

В утвердительных предложениях бивербальной конструкции «деепричастие-основа + *pānā*» имплицитно реализуется действительность действия, обозначенного автосемантическим глаголом.

3. Конструкция «деепричастие-основа + глагол *lenā* ‘братъ’»

Под данной бивербальной конструкцией здесь разумеется не что иное, как предельная форма автосемантического глагола (в традиционной трактовке — интенсивный глагол) применительно к случаям выражения ею (им) модального значения.

Типичный случай — это передача потенциально-качественного значения при использовании имперфективной формы: *ranjū ab chaḥ-sāt kadam cal leṭī thī* (AP, 22) ‘Ранджу (речь идет о младенце. — В.Л.) делала (= могла сделать) теперь шесть-семь шагов’, *kaī dinō se vah khud gārī calānā sīkhne ke liye soc rahī thī. uskī kuch sahelīyā gārī drāiv kar leṭī hāī* (GS, 37) ‘Вот уже несколько дней она подумывала о том, чтобы самой научиться водить машину. Ведь некоторые из ее подруг умеют водить машину’, “*tum to angrezī likh leṭī ho nā?*” — *misez pant kanak se pūchā* (Y. DB, 261) ‘«Вы ведь пишете (= можете писать или умеете писать) по-английски, не так ли?» — спросила у Канаки миссис Пант’, *āp to jānte hī hāī māī thoṛī-bahut angrezī paḥ leṭī hū* (AP, 92) ‘Вы ведь знаете, что я неважно читаю по-английски’, *ḍāktār nuranbargar kuch varṣa amṛikā mē rahne ke kāraṅ angrezī bhī bol lete the* (Y. D, 117) ‘Доктор Нюрнбергер мог говорить и по-английски благодаря тому, что несколько лет он прожил в Америке’, *rehkā ne gaurā kī or un mukh hokar pūchā, «tum bāglā samajh leṭī ho?»*. *gaurā ne kahā, «thoṛī-bahut. paḥkar to samajh leṭī hū; sunkar thoṛī arcan hoī hai»* (A. ND, 178) ‘«Ты в ладах с бенгальским?» — спросила Рекха у Гаури, обернувшись к ней лицом. «Не совсем. Читая, понимаю, а на слух воспринимаю с трудом», — ответила Гаура’. Выражаемая в приведенных примерах возможность является алетической внутренней приобретенной, что соответствует в общих чертах рубрике (2.2.1), выделенной выше (с. 126) для

конструкции «деепричастие-основа + глагол *saknā* ‘мочь’». Впрочем, данной семантической функцией может наделяться имперфективная форма автосемантического глагола, например: *kuḍ jī, bāsuri bhī bajāte ho* (J. S, 103) ‘Ты и на свирели умеешь играть (букв. играешь)?’¹⁰. Рассматриваемая же конструкция может быть использована для привнесения семантического оттенка неполной степени умения¹¹.

4. Конструкция «инфинитив + глагол *jānnā* ‘знать’»

Данной бивербальной конструкцией, реализуемой в имперфективной форме, обозначается возможность осуществления действия, вытекающая из приобретения субъектом умения, навыков или способности его совершать: *rājā ne pūchā*, “*ghore par carhnā jāntī ho?*” (VV, 187) ‘«Умеешь ездить верхом?» — спросил раджа’, *ham log bhī tīr calānā jānte hāī* (VV, 119) ‘Мы тоже умеем стрелять из лука’, *tairnā jāntī hū* — *machuḍ ke yahā palī huī hū* (A. A, 34) ‘[Я] умею плавать. Ведь выросла я среди рыбаков’, *misez gulātī nācnā jāntī hāī*, *mujhe patā hai* (MR, 401) ‘Я ведь знаю, миссис Гулати танцевать умеет’, *palaḍdās dholak bajānā jāntā thā ...* (PL, 65) ‘Палатдас умел играть на барабане...’, *lālmohar kacrahī bolnā jāntā thā* (PL, 61) ‘Лалмохар мог говорить на качрахи’, *maī tūfān se laṛnā jāntā hū. maīne aise kaī tūfān dekhe hai* (UB,

¹⁰ В русском языке потенциально-качественное значение предстает как одно из частных значений несовершенного вида и его специфика видится в том, что “обозначается потенциальная возможность осуществления действия как свойство субъекта” [9, с. 30], что “выражается не реальное протекание повторяющегося или обычного действия, а обычная возможность его осуществления, способность к нему, умение его осуществить” [9, с. 31].

¹¹ Так, например, утверждается, что хорошая певица может из скромности сказать о себе *maī gā leṭī hū* ‘I can sing (a little)’, тогда как высказанная о ней кем-то другим фраза *vah gā leṭī hai* была бы неучливой [81, с. 122].

39) ‘Я в силах бороться со штормом. На своем веку я не раз видел такой шторм’. Обозначаемая возможность здесь, как и в предыдущем случае, является алетической внутренней приобретенной. Однако здесь имплицитруется высокая степень умения субъекта осуществлять действие, остающееся потенциально возможным. Схематически это выглядит так: *умеет делать < знает, как делать < букв. знает делать*.

В отрицательных предложениях отрицательная частица помещается непременно перед вторым компонентом конструкции, например: *itihās uskā bhī viṣay thā parantu tārā urdū likhnā na jāntī thī* (Y. VD, 186) ‘История была и ее (Тары. — В.Л.) предметом, но писать на урду Тара не умела’, *kyā ye striyā tīr kamān calānā nahī jāntī hōgī* (VV, 17) ‘Неужели эти женщины не умеют стрелять из лука?’ *vah paṛhnā nahī jāntī ...* (A. A, 106) ‘Она не умеет читать...’, *tarka-vitarka karnā vah nahī jāntī thī* (UB, 73) ‘Рассуждать она не умела’.

Рассматриваемая конструкция подвержена семантическому сдвигу в сторону выражения модального значения волеизъявления, например: *mīṣṭar khannā bhī sāhasī ādmī the, sangrām mẽ āge baṛhnevāle. do bār jel ho āye the. kisī se dabnā na jānte the* (P. Gd, 89) ‘Мистер Кханна тоже был отважным человеком, готовым ввязаться в схватку. Он уже дважды побывал в тюремном заключении и не был склонен перед кем-либо смиряться’, *...aur mirzājī rupae lekar denā na jānte the* (P. Gd, 205) ‘...а Мирза-джи, взяв деньги в долг, не спешил их возвращать’, *...jo hindū hokar apne śahīdō ko dafnānā jānte the aur musalmān hokar apne śahīdō ko citā ko sāṁpṇā jānte the...* (BG. S, 268) ‘...которые, став индусами, были не прочь предавать своих павших героев земле и, став мусульманами, были не прочь предавать своих героев огню погребального костра...’.

В случаях с неличным субъектом наблюдается метафорическое использование конструкции, например: *prem śāyad marnā nahī jāntā* (AP, 20) ‘Любви, наверное, не пристало умирать’, *vah cehrā ākhō ke bhītar pahūce binā nahī rahtā aur*

vahã se phir vah miṭṇā nahĩ jāntā (J. S, 77) ‘Тот лик не может не пронизать глаза, и оттуда он не собирается исчезнуть’.

Для предложений характерна прямопадежная форма имени (местоимения) субъекта действия. Строение же самой бивербальной конструкции определяется тем, что в инфинитиве представлена реализованной прямообъектная валентность синтагматически связанного с ним глагола *jānnā*. Показателен, как свидетельствуют вышеприведенные примеры, герундиальный инфинитив, однако конструкция проникаема и для герундивного (согласованного с именем объекта действия) инфинитива: *...na bahut bātē karnī jāntā hũ* ‘...и я не умею много говорить’ [24, с. 149].

Семантически с рассмотренной бивербальной конструкцией сближается сочетание глагола *sīkhnā* ‘учить’, ‘изучать’, ‘заучивать’ (> ‘осваивать’) с инфинитивом, обозначающее приобретение субъектом умения, навыков или способности осуществлять соответствующее действие: *tum mē to pahle yah ādat na thī. rūṭhnā kab se sīkh liyā? jā kar khā lo* (P. N, 92) ‘Прежде ведь у тебя не было такой привычки. И когда это ты научился капризничать? Иди и ешь’, *mis māltī ne dayā karnā na sīkhā thā* (P. Gd, 60) ‘Проявлять жалость было не в правилах мисс Малти’ (букв. ‘Мисс Малти не научилась проявлять жалость’). Здесь уместна перфективная форма глагола. Ситуация, сообщаемая при использовании данного сочетания, мыслится как предпосылка возникновения ситуации, сообщаемой при использовании рассмотренной бивербальной конструкции: *rām ne tīr calānā sīkhā thā* ‘Рам научился стрелять из лука’ → *rām tīr calānā jāntā thā* ‘Рам умел стрелять из лука’.

5. Конструкция «инфинитив + глагол *ānā* ‘приходить’»

Данную конструкцию отличает то, что входящий в ее состав инфинитив (во всяком случае, герундиальный) образует совместно с синтагматически связанным с ним непереходным глаголом *ānā* предикативную основу предложения. Семантически она сходна с конструкцией «инфинитив + *jānnā*», рассмотренной выше. При этом соответствующие этим конструкциям модели предложения предстают в качестве трансформов, сохраняющих общность в плане содержания, по следующему образцу: *rām tairnā jāntā hai* (букв. ‘Рам плавать / плавание знает’) \Leftrightarrow *rām ko tairnā ātā hai* (букв. ‘Раму плавать / плавание приходит’) в значении “Рам умеет плавать”. В предложениях с данной конструкцией имя (местоимение) субъекта глагольного действия принимает падежно-послеложную форму на *ko* (т.е. выступает с направительным послелогом) или, что касается только местоимений, форму объектного падежа (или, проще говоря, глагол *ānā* в сочетании с инфинитивом “предписывает” имени субъекта действия, обозначенного глаголом в инфинитиве, принятие формы на *ko* или формы объектного падежа).

Конструкция «инфинитив + *ānā*» реализуется в двух вариантах. В первом варианте, основном, ее первый компонент представлен герундиальным инфинитивом: *tujhe par gaṛhnā ātā hai?* (BG. S, 25) ‘Ты умеешь влезть на дерево?’, *lekin mujhe na gānā ātā hai, na bajānā* (A. ND, 179) ‘Но я не умею ни петь, ни играть (на музыкальных инструментах)’, *tumhē bāt gaṛhnā bahut ātā hai* (T, 107) ‘Вы горазды плести небылицы’. Герундиальный инфинитив выступает здесь в качестве аналога именной формы, характеризующейся окончанием *-ā*, т.е. формы прямого падежа единственного числа существительного мужского рода, и выполняет функцию подлежащего при сказуемом — форме глагола *ānā*.

Во втором варианте фигурирует герундивный инфинитив переходного глагола, вкупе с глаголом *ānā* согласующийся со своим прямообъектным комплементом, например: *señtimental bātē mujhe kahnī hī nahī̃ ātī...* (A. ND, 258) ‘Говорить сентиментальности я совсем не умею...’, ...*mātā ko yah śikṣā denī nahī̃ ātī...* (P. Gd, 312) ‘... мать не умеет обучать этому (букв. давать это обучение)...’.

Данная конструкция функционирует, как видно из вышеприведенных примеров, обычно в имперфективной форме. Допустимы, однако, и другие формы, в частности, перфективная, например: *usī samay un logō se bātcīt karte karte use kuch tūtī-phūtī hindī mē bāt karnā ā gayā* (S. A, 36) ‘За это время он, общаясь с ними, научился (=приобрел умение) говорить на ломаном хинди’.

В хинди по образцу предложений с конструкцией «инфинитив + *ānā*» строятся предложения, где с беспосложным инфинитивом сочетается глагол *milnā* ‘встречаться’, ‘доставаться’ (> ‘доводиться’), например: *hamē prātaḥkāl chaḥ baje hī kām par cale jānā parṭā thā, is lie sabere to kuch khelnā miltā hī nahī̃ thā* (A. A, 54-55) ‘Нам (мне с отцом. — В.Л.) в шесть часов утра приходилось отпрапляться на работу, поэтому утром поиграть не доводилось’, *āj se pahle mujhe kabhī idhar ānā hī nahī̃ milā* (A. A, 61) ‘До сегодняшнего дня мне ни разу не довелось приходить сюда’.

6. Конструкция «адвербиальное причастие (имперфективное) + глагол *bannā* ‘делаться’, ‘становиться’»

Данная конструкция¹² при наличии отрицания приносит значение ситуативно обусловленной неспособности субъекта осуществить действие, относящееся к сфере его (субъекта) волеустремления:

(а) *patnī se lāj ke māre kuch kahte na banā* (J. K, 8) ‘Жена от смущения ничего не могла сказать (букв. что-то говоря, не сделала)’, *padmasinh sāmne mez par baiṭhe hue is lekh kā uttar likhne kī koṣiś kar rahe the, par kuch likhte na bantā...* ‘Падмасинх, сидя впереди за столом, пытался написать ответ на эту статью, но ничего написать не мог...’ [24, с. 231];

(б) *usse yahñ āte nahñ bantā* ‘Он не может сюда придти’ [24, с. 232], *larke se calte na banegā* [92, с. 259] ‘Мальчик не сможет идти’;

(в) *...par usse kisī bhāti bhī kaṭhortā prakṛt karte na bantī ...* (J. S, 83) ‘...но она никак не могла проявить твердость ...’, *usse duḥkh ke māre bāt bhī karte nahñ ban rahī thī* (AY, 12) ‘Она от огорчения не могла даже говорить’;

(г) *larke se kitāb paṛhte nahñ bantā* [92, с. 321] ‘Мальчик не способен читать книгу’ (букв. ‘Мальчиком, книгу читая, не делается’ ≅ ‘У мальчика не ладится с чтением книги’), *tārā ghuṭne par thoṛī rakhe ākhē jhukāye thī. rotī huī laṛkī kī or ākh uṭhāte na bantā thā* (Y. DB, 111) ‘Тара, опершись подбородком о колено, сидела с потупленным взором. Ей было невмоготу поднять глаза на плачущую девушку’;

(д) *usse kuch uttar dete na banā* (AY, 41) ‘Она не смогла дать ответ’, *usse hār choṛte na bantā thā* (S. B, 125) ‘Он был не в силах расстаться с ожерельем (букв. оставить ожерелье)’;

¹² По мнению О.Г. Ульциферова, ею выражается способ действия, именуемый им орудийно-потенциальным [67, с. 265] или, на хинди, *yogyatābodhak* (“обозначающим способность”) [115, с. 294].

(e) *tab bītī bātē yād ātī hāī. yah jānkar bhī ki ve bātē bītī hāī, kyā unhē ekdam ṭalte bantā hai?* (J. K., 5) ‘Тогда на память приходят минувшие дела. Но даже зная то, что эти дела минувшие, разве можно в один миг от них отрешиться (букв. их отодвинуть)?’ (здесь отрицание заключено в риторическом вопросе).

Отрицательная частица помещается, как правило, перед вторым компонентом конструкции.

В утвердительных предложениях рассматриваемая конструкция указывает на ситуативно обусловленную возможность совершения действия, находящегося в сфере волеустремления субъекта:

(ж) *sāle aur sasur se jo bhī karte banā unhō ne kiṃyā* (BG. G, 39) ‘Шурин и теща сделали все то, что было в их силах’ (букв. ‘Шуриным и тещей что, делая, сделалось, они сделали’), *...jītnā pariśram karte bantā hai, kartā hū* [115, с. 295] ‘...работу, которая [мне] по силам, я выполняю’, *...ghūr lēge jītnā unse ghūrte banegā* (P. N., 143) ‘...будет пялить глаза столько, сколько влезет’.

В тех случаях, когда автосемантический глагол — первый компонент конструкции (в форме имперфективного адвербиального причастия), будучи переходным, реализует свою прямообъектную валентность в прямопадежной форме имени существительного, глагол *bannā* как второй компонент конструкции или согласуется с именем объекта [см. примеры рубрики (в), где *kāthortā* ‘твердость’ и *bāt* ‘речь’, ‘разговор’ — существительные женского рода], или выступает в нейтральной (несогласованной) форме, внешне совпадающей с формой третьего лица единственного числа мужского рода [см. примеры рубрики (г), где *kitāb* ‘книга’ и *ākḥ* ‘глаз’ — существительные женского рода]. Во всех других случаях, а именно: в случаях с непереходными глаголами [см. примеры рубрики (б) и третий пример рубрики (ж) с глаголами соответственно *ānā* ‘приходить’, *calnā* ‘идти’, ‘двигаться’, *ghūrnā* ‘глазеть’] и в случаях с переходными

глаголами, реализующими свою прямообъектную валентность в форме прямого падежа местоимения [см. примеры рубрики (а) и первый пример рубрики (ж)] или в косвеннопадежной форме имени либо местоимения [см. пример (е) с местоименной формой объектного падежа — *unhē*], — глагол *bannā* принимает нейтральную форму. Важно при этом заметить, что в плане выражения различие между формой согласования и нейтральной формой глагола *bannā* нивелируется в тех случаях, когда переходный глагол реализует свою прямообъектную валентность в прямопадежной форме единственного числа существительного мужского рода [см. примеры рубрики (д) и второй пример рубрики (ж) с существительными *uttar* ‘ответ’, *hār* ‘ожерелье’, *pariśram* ‘труд’, ‘работа’; в них сводится на нет формальное различие между предложениями рубрик (в) и (г)].

В предложениях, содержащих данную конструкцию, выражению значения способности или возможности (в позитивном либо негативном плане) отвечает падежно-последложная форма на *se* имени (местоимения) субъекта действия¹³.

Камтапрасад Гуру приписывает рассматриваемой конструкции также значение принудительности или вынужденности (*parādhīntā vā vivaśtā*), опираясь на пример с причастием от глагола *ānā* ‘приходить’: *usse āte banā* [92, с. 321]. Однако выражению такого значения отвечает, как уже было отмечено в лингвистической литературе, падежно-последложная форма на *ko* имени субъекта действия (или местоименная форма объектного падежа): *uskī dāṭ khākar b u r h i y ā k o vahā se haṭṭe hī banā* ‘Когда старуха услышала от него угрозу (букв. услышав его угрозу, старухе...), ей все же пришлось оттуда удалиться’, *u s e klark ko chuṭṭi dete hī banī* ‘Ему все же пришлось предоставить служащему отпуск’ [24, с. 232], *kāzī ko yahī*

¹³ Последлог *se* служит в хинди приметой аблативно-инструментальной либо социативной формы имени. Кишоридас Ваджпейи особо отметил его участие в оформлении имени субъекта действия в предложениях разного строения при выражении ими значения неспособности (*asamarthatā*) [116, с. 155-156].

hukm dete banā [92, с. 511] ‘Судье пришлось вынести именно такое постановление’. Разумеется, это значение принадлежит полю необходимости, а не полю возможности.

За рамками типичных случаев функционирования рассматриваемой конструкции остаются следующие явления, носящие, по-видимому, окказиональный (хотя и в разной степени) характер:

1) появление перфективной формы адвербиального причастия на месте имперфективной в составе конструкции: *zindā se ab kuch kahe na ban ātā thā* ‘Теперь Зинда ничего не могла сказать’ [67, с. 265];

2) принятие глаголом *bannā* формы женского рода, когда первый компонент конструкции представлен глаголом непереходным (в частности, глаголом *bhāgnā* ‘бежать’): *le-kin māi unkā irādā bhāp gayā. islie māi ne chūtte hī do-cār dolattiyā balki caulattiyā aisī jamāī ki un śurvīrō se bhāgte hī banī* (КС. G, 147) ‘Но я их намерения разгадал. Поэтому, как только мне удалось высвободиться, я принялся так брыкаться не только двумя, но и всеми четырьмя ногами, что эти “герои” были вынуждены пуститься наутек’; *...yadi ve lar bhī parē to unhē bhāgte hī banegī* [115, с. 295] ‘...если они и ввяжутся в конфликт, то им придется бежать’ (следует обратить внимание и на выделительно-ограничительную частицу *hī* между компонентами конструкции);

3) сопряженность конструкции с прямопадежной формой имени (местоимения) субъекта действия: *va h us se inkār na karte bantā* ‘Он не мог это (букв. то) отрицать’ [24, с. 231].

Наконец, на базе данной конструкции возникла фразеологическая единица *dekhte hī bannā* ‘бросаться в глаза’ (ср. *dekhnā* ‘смотреть’, ‘видеть’): *mahāvarāh ke dātō par uḥī huī dharitrī ke mukhmaṇḍal par jo ullās aur dīpti kā bhāv thā, vah dekhte hī bantā thā* (HD, 14) ‘Выражение ликования и восторга, запечатленное на лице Земли, поднятой на клыках вепря, бросалось в глаза’. См. также: *yah chabi dekhte hī*

bantī hai [92, с. 321] ‘Это великолепие бросается в глаза (= предстает перед глазами)’.

7. Конструкция «перфективное причастие + глагол *jānā* ‘идти’, ‘уходить’»

По своей структуре бивербальной конструкцией является в хинди инактивный залог — аналитическая форма, образуемая из глагола *jānā*, выступающего в качестве вспомогательного, и перфективного причастия автосемантического (полнозначного) глагола.

В языке хинди инактивный залог, отличающийся тем, что с ним в составе предложения не совместима прямопадежная форма имени (местоимения) субъекта действия, названного автосемантическим глаголом, способен служить выражению модального значения, принадлежащего полю возможности. Данное обстоятельство, так или иначе, отмечено на страницах многих работ по хинди. Например, Камтапрасад Гуру и Кишоридас Ваджпейи говорят о значении неспособности (*aśaktatā*) [92, с. 258, 259; 116, с. 411], З.М. Дымшицем указывается на выражение субъективной неспособности и субъективной способности совершить действие [24, с. 336]. К описанию этого же семантико-грамматического явления относятся “capability” passives и a capability meaning у Я. Качру [96, с. 183] и les passifs “capabilitatifs” и le sémantisme d’incapacité у А. Монто [100, с. 107].

Оптимальные условия выражения модального значения соблюдены в следующих предложениях с глаголом в форме инактивного залога:

(a) *rāstā bahut bākī thā aur mujhse ab calā nahī jā rahā thā* (MR, 310) ‘Предстоял еще немалый путь, а я уже не мог идти (букв. мной не шлось)’;

(б) *āge māstar se bolā nahī̃ gayā, vah phūṭ-phūṭkar rone lagā* (N. D, 137) ‘Больше учитель говорить не смог, он зарыдал’;

(в) *mujhse hāsī nahī̃ rokī gaī* (BG. S, 364) ‘Я не мог удержаться от смеха’ (букв. ‘Мной смех не остановился’);

(г) *akelāpan mujhse sahā nahī̃ jātā* (J. S, 10) ‘Одиночество я не в силах переносить’ (букв. ‘Одиночество мной не переносится’);

(д) *thandē gošt ke slāis mujhse khāye nahī̃ jā rahe the ...* (MR, 17) ‘Ломтики холодного мяса не лезли мне в горло...’ (букв. ‘Ломтики холодного мяса мной не съедались...’);

(е) *ratnā se yah sab nahī̃ dekhā gayā ...* (UB, 190) ‘Ратна больше не могла глядеть на все это...’;

(ж) *inse is sandūk ko uṭhāyā nahī̃ jātā* ‘Они не могли поднять этот сундук’ [24, с. 336].

Предложениям данных примеров с автосемантическими глаголами *calnā* ‘идти’, *bolnā* ‘говорить’, *roknā* ‘останавливать’, *sahnā* ‘терпеть’, ‘переносить’, *khānā* ‘есть’, *dekhnā* ‘смотреть’, ‘глядеть’, ‘видеть’, *uṭhānā* ‘поднимать’ присущ набор следующих признаков: (1) выраженность субъекта действия, названного автосемантическим глаголом, стоящим в форме перфективного причастия; (2) конкретно-личный характер выраженного субъекта действия (т.е. субъектом действия мыслится конкретное лицо); (3) оформление имени (местоимения) субъекта действия послелогом *se*; (4) наличие отрицательной частицы при глагольной форме. В примерах (а), (б) и (ж) глагольная форма — нейтральная, в примерах (в), (г), (д), (е) — согласованная с именем (местоимением) объекта действия. В них сообщаемая неспособность субъекта совершать действие предстает как следствие того, что исчерпаны возможности его совершения.

При отсутствии первого из признаков, т.е. в случаях невыраженности субъекта действия (при том, что он в качестве конкретного лица и не подразумевается), предложениями передается обобщенно-личное или неопределенно-

личное значение, например: *itnā barā nuksān uṭhākar cupcār to nahī̃ baithā jātā* (P. N, 171) ‘Понеся такой урон, не будешь сидеть (букв. не сидится) молча’, *jahā jā rahī hū vahā gārī par carhkar nahī̃ jāyā jātā* ‘Туда, куда я направляюсь, на поезде не едут’ [24, с. 336]. В обобщенно-личном значении, которое определяется в контексте на базе всевременной функции настоящего общего времени, присутствует модальный оттенок возможности (в негативном плане, что обусловлено наличием отрицательной частицы): ‘не сидится’ > ‘не будешь сидеть’ ≡ ‘невозмогу сидеть’.

Послелог *se* является простым первообразным (т.е. для современного состояния языка непроизводным и лишённым мотивированности со стороны слов других частей речи) послелогом. Оформление имени (местоимения) субъекта действия каким-либо из производных (сложных или сложносоставных) послелогов, как-то: [*ke*] *dvārā, kī mārfat, ke zariye, ke hāth, ke hāthō* ‘посредством’, ‘при помощи’, ‘через’, *kī or se* ‘со стороны’, — не способствует выражению отмеченного выше модального значения: ...*isliē ab tak na dekhā huā śankā kā kāṭā nasīruddīn haidar dvārā sahsā dekh hī nahī̃ liyā gayā balki usne kuch-kuch cubhan bhī mahsūs kar lī* (AN, 391) ‘...поэтому скрытое доселе от взоров терние сомнения теперь вдруг было замечено (букв. было не только замечено) Насируддином Хайдаром; более того, он ощутил укол [от этого терния]’.

Послелог *se*, оформляющий имя (местоимение) субъекта-лица, и отрицательная частица (*nahī̃, na*) при глагольной форме сопутствуют друг другу, обеспечивая выражение модального значения поля возможности, а именно значения неспособности субъекта совершать действие. Однако без отрицательной частицы обходятся, сохраняя модальное значение, вопросительные предложения и придаточные условные: *larke se yah sandūk kaise uṭhāyā jātā?* ‘Как может мальчик поднять этот сундук?’, *agar larke se yah sandūk uṭhāyā jāe to uṭhāe* ‘Если мальчик способен поднять этот сундук, то

пусть поднимает' [95, с. 223], *phir uskā ronā tum se kaise dekhā jāegā?* 'Потом как же ты сможешь глядеть, как она плачет?' [24, с. 336].

В литературе по хинди оспаривается приемлемость предложений типа *sītā se phal khāyā jātā hai* (букв. 'Ситой плод поедается'), *rām se roṭī khāyī gayī* (букв. 'Рамом хлеб был поеден'), *mohan se moṭar calāī gaī* (букв. 'Моханом автомобиль был водим') и *mujh se uṭhā jātā hai* (букв. 'Мной поднимается') [95, с. 219; 113, с. 128; 116, с. 486, 411]. И действительно, такие предложения трудно представить себе в качестве коррелятов предложений с формами активного залога: *sītā phal khātā hai* 'Сита ест плод', *rām ne roṭī khāyī* 'Рам поел хлеб', *mohān ne moṭar calāī* 'Мохан повел автомобиль', *māī uṭhā hū* 'Я поднимаюсь'. В текстах они практически не встречаются. В лингвистической литературе им, однако, приписывается семантическая функция выражения значения возможности. Например, Р. Хасан утверждает, что *naukar se cāval taule gaye* следует переводить на английский не как *The rice was weighed by the servant*, а скорее как *The servant was able to weigh the rice* [93, с. 12-13]. Лакшми Баи Балачандран иллюстрирует проявление этой функции таким предложением: *āj-kal mujh se zyādā khāyā jātā hai* 'Nowadays I am able to eat more' [78, с. 28].

Рассматриваемая бивербальная конструкция не служит передаче значения возможности в предложениях, где имя (местоимение) субъекта действия оформляется производным послелогом (*[ke] dvārā* и др.) и / или позицию имени субъекта занимает существительное, обозначающее коллективный орган, призванный осуществлять определенные функции: 1948 *kī māī mē fyūl risarc insṭīyūṭ ke nirdēśak dvārā khadān anusandhān śālā kī sthāpnā kā sujhāv rakhā gayā thā* (VL. 1960. X, 34) 'В мае 1948 года директором топливного исследовательского института было выдвинуто предложение о создании научно-исследовательской горной лаборатории', *sammelan kī or se in sab ko badhāī dī gaī* (KV, 91) 'Ассоциацией [литературы хинди] всем им было направлено поздравление', *antarrāṣṭrīya vaijñānik anusandhān sammelanō ke lie britiṣh pratinidhi isī sansthā dvārā cune jāte hāī* (VL. 1961. III, 15) 'Этой же организацией выбираются британские представители для участия в рабо-

те международных научных конференций’, ...«*toroṅṭo sṭār*» *dvārā unhē turkiyō aur yūnāniyō ke bīc ho rahe uddha ke samācār dene ke lie bhejā gayā* (К. 1984. XII, 185) ‘...газетой «Торонто Стар» он был послан [в Европу] для освещения войны между турками и греками’, *par yah kaun jāntā thā ki yah sārī līlā vidhi ke hāthō racī jā rahī hai* (P. N, 35) ‘Но кто тогда знал, что вся эта драма творится роком’.

Значение неспособности субъекта совершать действие может в зависимости от контекста уступать место значению нежелания, чему содействует указание на первое лицо: *nahī bahin, tum jāo; mujhse to vahāṅ baīṭhā nahī jātā* (P. N, 143) ‘Нет, сестра. Ступай ты сама, мне же там сидеть неохота’, *pānī ke paise mujhse na diye jāēge* (P. N, 156) ‘Деньги на воду я давать не намерен’.

Итак, способность выразить модальное значение, относящееся к полю возможности, есть существенная черта инактивного (в нашем понимании) залога языка хинди¹⁴. Предложения, располагающие данным значением, не являются коррелятами предложений с формами активного залога. Из всей массы предложений с формами инактивного залога они четко выделяются тем, что включают в свой состав падежно-послеложную форму на *se* имени субъекта действия¹⁵.

8. Конструкция — однокорневая пара

Круг бивербальных конструкций, функционирующих в сфере выражения модального значения возможности (в разных его проявлениях), пополняется конструкцией «ад-

¹⁴ Трактовку инактивного залога см. в нашей работе [45, 211-213].

¹⁵ Джагдиш Джайн высказывает и отстаивает точку зрения, согласно которой то, что интерпретируется лингвистами как “*capability*” passive, на самом деле к пассивному (мы бы сказали, инактивному) залогу не относится, а является модальной *jā*-конструкцией, в составе которой *jānā* — это модальный глагол, несущий значение способности (the meaning of ability) [95].

вербиальное перфективное причастие переходного глагола + имеющий при себе отрицательную частицу непереходный глагол (или выступающий в качестве такового глагол с нефиксированной переходностью) того же корня». В семантической структуре предложений, реализующих данную конструкцию, объект причастного действия (т.е. действия, обозначенного глаголом, выступающим в форме причастия) предстает в качестве субъекта действия, названного глаголом — вторым компонентом конструкции. Выражается тщетность усилий, прилагаемых для достижения нужного результата (действие, обозначенное вторым компонентом конструкции, остается нереализованным, несмотря на все старания субъекта причастного действия): *vah caṭ bore ke pās pahūc gayā aur usko uṭhāne kā prayatna kiṃ. borā bahut bhārī thā, uṭhāe na uṭhā* (BC, 30) ‘Он быстро подошел к мешку и попытался его поднять. Мешок был очень тяжелым, и его поднять никак не удалось (букв. [мешок] поднявши, не поднялся)’, *lekin us tarah kī vārdātē chirāye nahī chiptī hāi* [115, с. 296] ‘Но такого рода происшествия нельзя скрыть, как ни старайся (букв. скрыв, не скрываются)’.

Субъект причастного действия (тот, чьи усилия остаются тщетными) обозначается стоящим в препозиции к причастию (первому компоненту конструкции) существительным (либо местоимением) с послелогом *ke* (< *kā*) или лично-притяжательным местоимением в форме на *-e*, например: *bāṅ diyō ke samjhāye na samjhī, faizan bībī ke cirāye na cirī* (AN, 75) ‘[Она] не поддавалась на уговоры служанок и не умолкла, несмотря на все попытки Файзан-биби успокоить ее’, *māine unḥē rokā, par mere roke vah ruke nahī* (J. K, 40) ‘Я его удерживала, но, несмотря на все мои попытки его удержать, он не остался’, *parantu is mē sandeh nahī ki rāṣṭrīya pravāh kisī ke roke rukegā nahī* (KV, 117) ‘Но нет сомнения в том, что национальный порыв никому не удастся остановить (букв. кем-либо остановивши, не остановится)’. Он может быть обозначен и именем в падежно-

послеложной форме на *se*, синтаксически зависимым от глагола — второго компонента бивербальной конструкции, например: *us mūrkhā se apnā naukar bhī dabāe nahī dabtā!* [116, с. 155] ‘Этот глупец даже с собственным слугой никак не может совладать!’ (букв. ‘Этим глупцом даже собственный слуга, смилив, не смиряется!’), *mujhse yah bojh uṭhāye nahī uṭhtā* ‘Я не могу поднять этот груз’ (букв. ‘Мной этот груз, поднявши, не поднимается’) [24, с. 244]. Наконец, субъекту причастного действия может соответствовать в предложении “слуга” атрибутивной синтагмы при ее “хозяйине” — имени объекта этого действия, например: *dev hāstā rahā. saralākī hāsī bhī roke nahī ruktī thī* (AP, 104) ‘Дэв все еще смеялся. Сарала тоже не могла удержаться от смеха’ (букв. ‘Смех Саралы тоже, остановивши, не останавливался’).

Отступление от “иконического образца” рассматриваемой бивербальной конструкции наблюдается в следующих случаях:

1) в качестве первого компонента конструкции вместо адвербиального перфективного причастия выступает адъективное причастие: *aisā bandhān hai jo ukhārā nahī ukhārtā* (N. K, 23) ‘Это такой обычай, что его никак не поломать, как ни старайся’ [67, с. 266];

2) в качестве второго компонента конструкции выступает не “непереходный глагол того же корня”, а тот же глагол в форме инактивного залога: *tīn khāce to mere diye na diye jāyēge?* (P. Gd, 21) ‘Три корзины [с фуражом] я дать не смогу?’.

Со сферой выражения значения возможности соприкасаются сочетания таких глаголов, как *ṣarmānā* ‘стыдиться’, ‘смущаться’, *jhēpnā* ‘смущаться’, ‘стесняться’, *jhijhaknā* ‘стесняться’, ‘робеть’, *ḍarnā* ‘бояться’, *thaknā* ‘уставать’, *hārnā* ‘терпеть неудачу’, *baṣnā* ‘спасаться’ с адвербиальным имперфективным причастием, например: *munṣijī usse man-*

sārām kī koī carcā karte šarmāte the (P. N, 125) ‘Мунши-джи стыдился заговаривать с ней о Мансараме’, *itnā svīkār karte kyō jhēpte ho?* (P. N, 128) ‘Почему вы стесняетесь признать это?’, *pahle mansārām uske pās āte hue jihjhaktā thā...* (P. N, 66) ‘Раньше Мансарам стеснялся подходить к ней...’, *mere pās āte bhī ḍartā hai* (P. N, 82) ‘Даже приходить ко мне [он] боится’, *khudāvand karīm inke gunāh bakhḥṣte-bakhḥṣte thak jāyēge...* (BV, 347) ‘Всемилостивый владыка устанет отпускать ему грехи...’ (здесь показательна редупликация причастия; ср. *bakhḥṣnā* ‘прощать’), *māi to samjhāte hār gaī kī davāi khā* (Y. D, 313) ‘Я уже отчаялась уговорить ее принимать лекарство...’, *ham aisī hī galtī karte karte base* ‘Мы чуть не сделали такую же ошибку’ [25, с. 162] (показательна редупликация причастия).

Необходимость

Ситуация необходимости, как и ситуация возможности, считается принадлежащей к разряду потенциальных, а не фактических ситуаций [64, с. 142, 123]. Это такая потенциальная ситуация, положительный (или отрицательный) исход которой мыслится строго детерминированным воздействием (влиянием) тех или иных (объективных или субъективных, внешних или внутренних по отношению к протагонисту — субъекту предметной, т.е. описываемой, ситуации) факторов. Она “является, кроме того, ситуацией волюнтаривной, т. е. предполагающей наличие некоего волевого начала, обеспечивающего возможность реализации действия” [64, с. 142].

На уровне референтов как сущностей внеязыковой действительности наблюдаются разные виды соотношения носителя такового волевого начала, т. е. субъекта волюнтаривности, с субъектом действия, выраженного в синтаксической структуре высказывания автосемантическим глаголом, и с субъектом предметной ситуации, т. е. протагонистом.

Обратимся к следующим примерам: *sipāhī ko apnā hathiyār hamešā sāth rakhnā cāhie, cāhe din ho, cāhe rāt* (BC, 59) ‘Воину нужно постоянно иметь при себе оружие, будь то день или ночь’, *tumhē kal hī kāśī jānā hogā* (U. SK, 60) ‘Ты должна завтра же отправиться в Каши’ (букв. ‘Тебе завтра же в Каши ехать будет’), *...par mujh allāh ke khādim ko peṭ bharne ke lie bhīkh māgnī partī hai* (U. S, 29) ‘...но мне, слуге Аллаха, для своего пропитания приходится просить подавание’. В каждом из этих примеров отражено такое положение вещей, при котором субъект волюнтаривности совпадает с субъектом действия, являющимся также субъектом предметной ситуации. Здесь эти три ипостаси сходятся (совмещают-

ся) в референтах существительного *sipāhī*, местоимения *tum* (в форме объектного падежа — *tumhē*), местоимения *mai* (в форме косвенного падежа — *mujh*): *воин, ты, я*.

Иное положение вещей отражено в таких примерах: *tumhē mujh par bharosā honā cāhie* (S. K, 102) ‘Тебе следует полагаться на меня’ (букв. ‘Тебе на меня надежда быть нужно’), *lajjā āpko ānī cāhie, na ki mujhe* (P. Gd, 94) ‘Стыдиться надо вам, а не мне’ (букв. ‘Стыд вам приходится надо, а не мне’). Здесь при разобщенности субъекта предметной ситуации (*ты, вы*) и субъекта действия (субъектом действия *быть* является *надежда*, субъектом действия *приходить* — *стыд*) субъект волюнтаривности совпадает с субъектом предметной ситуации ¹⁶.

Третью разновидность положения вещей отличает то, что при совмещении в одном лице субъекта действия и субъекта предметной ситуации субъект волюнтаривности с этим лицом не совпадает: *tum mere sāth svižzarlaiṅḍ cal rahe ho. bābū jvālāprasād ko gangā ke sāth jānā cāhie* (BV, 616) ‘Ты поедешь (едешь) со мной в Швейцарию. А с Гангой [в Бхували] надо ехать бабу Джвалапрасаду’. Здесь говорящее лицо (райбахадур Камтанатх) настаивает на том, чтобы его собеседник, Наваль, поехал с ним в Швейцарию вместо того, чтобы сопровождать своего больного отца, Гангу (Гангапрасада), в Бхували, и именно Наваль мыслится как субъект волюнтаривности: ему нужно проявить волевое усилие, чтобы с его отцом в Бхували поехал его дед — Джвалапрасада (референт имени собственного *jvālāprasād* является од-

¹⁶ О возможности разобщенности субъекта предметной ситуации и субъекта действия ничего не говорится в книге “Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность” [64], написанной на материале русского языка. В ней содержится утверждение: “В большинстве случаев субъект волюнтаривности совпадает с субъектом предметной ситуации...” [64, с. 123], — а этому утверждению оказывается созвучным положение, что субъект волюнтаривности “в большинстве случаев совпадает с субъектом действия (корреферентен ему)” [64, с. 142].

новременно и субъектом действия, обозначенного глаголом *jānā* ‘ехать’, и субъектом предметной ситуации)¹⁷.

Такое же положение вещей отражено в следующем примере: *unkā khayāl hai ki avadhke takhtotāj kā mālik donō or se ālā khāndānkā honā cāhie* (AN, 55) ‘Они полагают (букв. их мысль есть), что владыка престола Аудха должен быть высокого происхождения по обеим линиям’. Свойство “быть высокого происхождения” не зависит от воли лица (*владыки престола* — референта “хозяина” атрибутивной синтагмы *takhtotāj kā mālik*), которому оно приписывается в качестве должного.

Наконец, четвертая разновидность положения вещей отличается разобщенностью субъекта волюнтаривности, субъекта действия и субъекта предметной ситуации: *tab seṭh govind dās jī ne kahā ki is sambandh mẽ pārṭī jo bhī nirṇay kare, us se hamē bādhnā na cāhie aur sadasyō ko yah adhikār rahnā cāhie ki vidhān-parīṣad mẽ ve khulkar apnī antarātmā ke anusār mat de sakē* (KV, 132) ‘Тогда сетх Говинд Дас заявил, что каким бы ни было решение партии (Конгресса. — В.Л.) по данному вопросу (по вопросу о начертании цифр. — В.Л.), его выполнение не следует считать для нас обязательным и у членов должно оставаться право на то, чтобы они могли свободно подавать свой голос в законодательном собрании согласно своему внутреннему убеждению’. Здесь (в фокусе нашего внимания находится фрагмент *...sadasyō ko yah adhikār rahnā cāhie ki ...* букв. ‘...членам это право оставаться надо, чтобы...’) субъектом предметной ситуации является референт существительного *sadasya* ‘член’, в качестве субъекта действия, выраженного глаголом *rahnā* ‘оставаться’, предстает *право*, запечатленное в лексическом значении существ-

¹⁷ Литературный перевод соответствующего отрывка таков: Нет, нет, ты поедешь с нами в Швейцарию! А Гангу пусть сопровождает твой дед! (*Бхагаватичаран Варма*. Забытые картины. Роман. Перевод с хинди Л. Кузнецова и Вл. Чернышева. М., 1968, с. 468). Он показателен в том отношении, что полностью исключает понимание *твоего деда* (= *Джвалапрасада*) в качестве субъекта волюнтаривности.

вительного *adhikār*, а под субъектом волюнтаривности мыслятся лица, ответственные за проведение в жизнь принимаемого партией (Конгрессом) решения.

В значениях, которые охватывает понятие необходимости, отображаются разные стороны ее проявления: долженствование, вынужденность, обязательность, неотвратимость и др. Имеется ряд оснований, по которым ситуацию необходимости можно подвергнуть семантической субкатегоризации. Одним из таких оснований, кажущимся вполне естественным, является учет фактора, обуславливающего необходимость действия. В частности, удастся “выделить по крайней мере восемь подтипов ситуаций, различающихся по тому, чем именно обусловлена необходимость действия” [64, с. 151].

Эти подтипы можно проиллюстрировать (в дополнение к приведенным в цитируемом труде примерам на русском языке) примерами из языка хинди.

1) «Так сложились обстоятельства»: *yah chūt kī bīmārī hai, tumhē apne pitā se alag rahnā cāhie* (BV, 617) ‘Болезнь эта — заразная, и тебе поэтому надо держаться от отца подальше’, *hā, ab use apne ko nā paristhitiyō ke anukūl banānā paṛegā. samay badal gayā hai. ab tak svāminī bankar rahī, ab laudī bankar rahnā paṛegā* (P. GJ, 85) ‘Да, теперь ей придется приспособлять себя к новым обстоятельствам. Время поменялось. До сих пор она занимала положение хозяйки дома, теперь придется быть на положении служанки’, *šivanī aur tārā pustak dhūdh nahī pāyī. lālī ko pustak ke binā hī skūl jānā paṛā* (Y. DB, 226) ‘Шивани и Тара книгу так и не нашли, и [девочке по имени] Лалли в школу пришлось отправиться без книги’, *kal mālī bahan skūl nahī gayī thī. zarā unke yah hote hue jānā hai. kahī bīmār na ho gayī hō* (H. G, 90) ‘Вчера сестрица Малти не приходила в школу. Надо по пути к ней зайти. Уж не заболела ли она?’

2) «Этого требуют этические нормы, правила поведения»: *tumhē śarm ānī cāhie. us becārī ko tum kaise mār sakī?* (J. S, 25) ‘Тебе должно быть стыдно. Как же ты могла поколотить

эту бедняжку?», *bas, kalākār kī ātmā mẽ saccāi honī cāhie* (MR, 72) ‘Одним словом, в душе художника должна быть правда’.

3) «Это предписывается специальными установлениями, определенными обязанностями субъекта»: *sarkār apne naukarō ko itnī svādhīntā nahī detī. vah ek nīti banā detī hai, aur har ek sarkārī naukar ko uskā pālan karnā partā hai* (P. GJ, 60) ‘Правительство не предоставляет своим чиновникам такой свободы. Оно проводит определенную политику, и каждому государственному чиновнику приходится с ней считаться’, *ākhir rištedār hai, unhē zarūrat par merī madad karnī hī cāhie* (BG. S, 445) ‘Все ж они [мои] родственники, и им следует по мере необходимости оказывать мне помощь’.

4) «Это намечено, запланировано, предопределено»: *usne sab sāmān bādhvā liyā thā. dūsre din subah use bhuvālī ke lie gangāprasād ke sāth ravānā ho jānā thā* (BV, 628) ‘Багаж по его указанию был уже упакован. Назавтра утром ему предстояло отправиться с Гангапрасадом в Бхували’, *vah caubīs ghanṭe yahā rahegā aur calā jāegā. use abhī dūr kī manzil tay karnā hai* (J. S, 26) ‘Он здесь пробудет двадцать четыре часа и двинется дальше. Ему еще нужно преодолеть немалый путь’.

5) «Так положено, заведено, бывает обычно»: *parantu phir bhī kā kām aise hote hai, jo gṛhiṇī ko svayam karne partē hai*, (S. TY, 83) ‘Все же бывают такие дела, которыми приходится заниматься самой хозяйке дома’.

6) «Это обусловлено определенными качествами субъекта»: *mujh-jaise kapūt ko to tumhārī kokh se janma hī na lenā cāhie thā* (P. GJ, 81) ‘Такому нечестивцу, как я, даже не стоило быть рожденным из твоего чрева’.

7) «Это результат воздействия чужой воли»: *śāhī hukm kī tāmīl karne ke lie śāhzāde ko majbūr honā parā* (AN, 62) ‘Ради выполнения шахского приказа принцу пришлось смириться’.

8) «Это отвечает внутренней потребности субъекта, его намерению»: *iske bāre mẽ mujhe āpse kuch pūchnā hai!* (U. SK, 11) ‘О нем мне нужно кое-что у вас спросить!’, *acche*

hunarmand kuch sanakī hote hī hāī. hamē hunar kī dād denī cāhie, aur galtiyo kī māfi (U. S, 39) ‘Настоящие мастера бывают одержимы. Нам же нужно ценить мастерство и прощать оплошности’.

В монографии Е.И. Беляевой субкатегоризация необходимости произведена на основе учета релевантных семантических признаков, выявленных на материале русского и английского языков, и установления их иерархии [6, с. 53-73]. Она (в нашем изложении) приобретает такой вид: (1) внешняя, (1.1) функциональная, (1.1.1) служебная, (1.1.1.1) актуальная, (1.1.1.2) узуальная, (1.1.2) неслужебная, (1.1.2.1) социальная, (1.1.2.2) несоциальная, (1.2) нефункциональная, (1.2.1) контролируемая, (1.2.1.1) желательная, (1.2.1.2) нежелательная, (1.2.2) неконтролируемая, (1.2.2.1) плановая, (1.2.2.2) неплановая, (1.2.2.2.1) императивная, (1.2.2.2.2) неимперативная, (2) внутренняя [6, с. 57, 58, 68]. Сами признаки выявляются из попарного в разных комбинациях противопоставления (или сопоставления) предложений с модальными модификаторами *надо (нужно), необходимо, вынужден, приходится, должен, обязан, полагается, надлежит, следует* в русском языке, с модальными модификаторами *must, should, ought, have to, to be, bound to, need, forced to, obliged to, necessary to* в английском языке [6, с. 54]. Под необходимостью, которой Е.И. Беляева приписывает семантический компонент “функциональная”, разумеется по сути дела такая необходимость, которую принято именовать деонтической. Необходимость, которой приписан семантический компонент “нефункциональная”, и внутренняя необходимость — это есть не что иное, как варианты необходимости алетической.

В языке хинди необходимость отчетливо выражают три бивербальные конструкции. В каждой из них первый компонент представлен инфинитивом автосемантического глагола. Они различаются вторым компонентом, в качестве какового соответственно выступают: 1) предикативное на-

речие глагольного происхождения *cāhiye (cāhie)* ‘нужно’, ‘надо’, ‘следует’, ‘желательно’ (< *cāhnā* ‘хотеть’, ‘желать’); 2) глагол *honā* ‘быть’, ‘становиться’ (> ‘надлежать’, ‘следовать’, ‘предстоять’); 3) глагол *paṇā* ‘падать’, ‘случаться’, ‘доставаться на долю’ (> ‘приходиться’).

В синтаксической структуре предложений, содержащих данные бивербальные конструкции, субъект действия, названного переходным глаголом (в инфинитиве — первом компоненте конструкции), выражается именем (или местоимением) в падежно-последложной форме на *ko* или местоимением в форме объектного падежа вне зависимости от того, в какой форме (форме прямого падежа или косвеннопадежной форме — падежно-последложной форме на *ko* либо местоименной форме объектного падежа) выступает имя (существительное или местоимение), в котором реализуется прямообъектная валентность соответствующего переходного глагола, например:

(а) ...*t u m h ẽ ārām karne ke lie chutṭī le hī lenī cāhie* (MR, 268) ‘... тебе для отдыха надо взять отпуск’, *hunarmand ko pyār zarūr karnā cāhie raīs ko, magar sir par kabhī na caṛhānā cāhie* (U. S, 38-39) ‘Благоволить к мастеру правитель, конечно же, должен, но не следует потакать ему’;

(б) *us vya kti ko kisī kes mẽ polhorām se salāh lenī thī* (B, 21) ‘Тому человеку необходимо было получить у Польшорама совет по какому-то судебному делу’, *sanskṛti keval būrjuā logō kī virāsat nahī hai. samyddhi ke sāth-sāth ma z-dūrō ko use bhī lenā hai* (Y. D, 203) ‘Культура — наследие не только буржуазии. Вместе с материальным достатком рабочие ее тоже должны воспринять’;

(в) *dākṭar dev ko moṭar rokṇī paṛī* (AP, 93) ‘Доктору Дэву пришлось остановить автомашину’, *t u m h ẽ vivaś ho mujhī ko sundartā kī rānī sunnā paṛegā* (K. G, 140) ‘Именно меня вам поневоле придется избрать королевой красоты’.

В описываемых таким образом ситуациях необходимости субъект действия, как правило, совпадает с субъектом

волонтативности, причем это относится не только к тем случаям, когда, как в приведенных выше примерах, под субъектом действия разумеется лицо, т.е. не только к случаям с субъектом-лицом, но и к случаям с “совокупным” (агрегативным, корпоративным) субъектом, т.е. субъектом как некоей функционально детерминируемой совокупности людей: *kāṅ gres ko apnā kṣetra vyāpak banānā hī cāhiye* (Y. DB, 676) ‘Конгрессу надо лишь расширить поле своей деятельности’, *us ākāṅkṣā ko pūrī karne kī pūrī kīmat dillī ko adā karnī hogī* (MR, 344) ‘Воплощение этого честолюбивого желания должен будет сполна оплатить Дели’, *ka m-panī sarkār ko śarmnāk hār sahnī paī* (AN, 137) ‘Руководству [Ост-Индской] компании пришлось испытать постыдное поражение’.

Именем субъекта действия, полностью лишенным семантического признака “лицо”, бывает обусловлена метафоричность высказывания, например: *aise mauḳō par, lagtā hai, mṛ tyu ko aisā ākasmik ākramaṅ nahī* karnā cāhie (NK. 1961. XII, 60) ‘В таких случаях, сдается мне, смерть не должна так внезапно наносить удар (букв. совершать такое внезапное нападение)’.

При обозначении объекта глагольного действия именем (местоимением) в падежно-последложной форме на *ko* или местоимением в форме объектного падежа (см.: *hunar-tand ko, use, mujhī ko* во вторых примерах рубрик (а), (б), (в)), инфинитив (первый компонент бивербальной конструкции) неизменно выступает в форме на *-nā* (т.е. в герундиальной ипостаси) в сопровождении нейтральной с точки зрения согласования (т.е. отражения именных граммем) формы второго компонента конструкции, совпадающей (при учете максимального числа граммем) с формой третьего лица единственного числа мужского рода. В первой из конструкций помимо *cāhiye* (*cāhie*) в качестве нейтральной формы предстает лишь *cāhiye* (*cāhie*) *thā*.

В случае с прямопадежной формой имени объекта возможны три варианта оформления бивербальных конструкций:

1) герундивный инфинитив (инфинитив, принявший форму согласования с именем объекта) + глагольная форма согласования с именем объекта действия (внешний облик конструкций здесь определяется формой инфинитива; в первой же из конструкций его “чистота” нарушается тем, что предикативное отглагольное наречие *cāhiye* может оставаться не подверженным изменению);

2) герундиальный инфинитив (инфинитив в форме на *-nā*) + нейтральная форма второго компонента конструкции (точно так, как в случаях с косвеннопадежной формой имени объекта действия);

3) герундиальный инфинитив + глагольная форма согласования с именем объекта действия (при том, что *cāhiye* может остаться не подверженным изменению).

Литературной нормой языка хинди явно отвечает первый вариант. Его иллюстрируют помещенные выше первые примеры рубрик (а), (б), и (в), а также примеры (MR, 344) и (AN, 137), где имя объекта представлено существительными женского рода (в форме единственного числа) *chuttī* ‘отпуск’, *salāh* ‘совет’, *moṭar* ‘автомобиль’, *ḱīmat* ‘цена’, ‘стоимость’, *hār* ‘поражение’. В приведенных ниже примерах, иллюстрирующих данный вариант применительно к каждой из трех бивербальных конструкций, имя объекта действия (в одном случае женского рода, в другом — мужского) предстает наделенным граммемой “мн. ч.”:

(а) *tumhē āj ye sab b ā t ē nahī karnī cāhiē thī* (MR, 423) ‘Сегодня тебе не следовало говорить все эти вещи’ (*karnī* отражает “именную” граммему “ж. р.”, *cāhiē* — граммему “мн. ч.” существительного *bāt* ‘разговор’, ‘беседа’), ...*use bambaī ke bacce dekhne cāhiē* (КС. S, 128) ‘...ему нужно видеть детей Бомбея’ (*dekhne* отражает граммемы “м. р.” и “мн. ч.”, *cāhiē* — граммему “мн. ч.” существительного *baccā* ‘ребенок’);

(б) ...*kuch zarūrī ki t ā b ě bhī kharīdnī thī* (BG. S, 394) ‘...ему надо было купить и несколько нужных книг’ (*kharīdnī* отражает граммему “ж. р.”, *thī* — граммемы “ж. р.” и “мн. ч.” существительного *kitāb* ‘книга’), *bas kī sīṭē rizarv karvāne ke lie caprāsī ko rupaye dene hai* (PL, 100) ‘Для того чтобы забронировать места в автобусе, надлежит дать посылному деньги’ (*dene* отражает “именные” граммемы “м. р.” и “мн. ч.”, *hai* — граммему “мн. ч.” существительного *rupayā* ‘рупия’, ‘деньги’);

(в) *jab kabhī hamārī nigāhē ek dūsre se milṭī to ni g ā h ē pahle mujhī ko haṭānī paṛṭī* (КС. Н, 66) ‘Когда мы встречались взглядами, то именно мне приходилось первым отводить глаза (букв. взгляды)’ (*haṭānī* отражает граммему “ж. р.”, *paṛṭī* — граммемы “ж. р.” и “мн. ч.” существительного *nigāh* ‘взгляд’), *rāmū ke yahā, pratyakṣa hai, mujh jaise likhe-paṛhe ko bahut-se kaṣṭa jhelne paṛe* (КС. G, 28) ‘У Раму, что является очевидным, такому грамотею, как я, пришлось испытать немало лишений’ (в *jhelne* и *paṛe* отражены “именные” граммемы “м. р.” и “мн. ч.” существительного *kaṣṭa* ‘страдание’).

По второму варианту рассматриваемые бивербальные конструкции оформлены в следующих примерах:

(а) ...*unhē hamāre ghar ānā cāhie thā, pitājī se b ā t karnā cāhie thā?* (BG. S, 162) ‘...[разве] им нужно было приходить к нам в дом и вести с отцом беседу?’ (*bāt* ‘беседа’ — ж. р. ед.ч.), *islie miṭṭī khānā cāhie* (НК. 1961. VI, 10) ‘Поэтому нужно есть землю’ (*miṭṭī* ‘земля’ — ж.р. ед. ч.);

(б) *tujhe ek hazār rupaye lenā hai to le jā!* (НК. 1961. X, 65) ‘[Если] тебе необходимо взять тысячу рупий, возьми!’ (*rupaye* ‘рупий’ — м. р. мн. ч.), ...*deś kī janatā ko gulāmī kī nayī beriyā* rahannā thā [115, с. 68] ‘... народу страны суждено было носить новые оковы рабства’ (*beriyā* ‘оковы’ — ж. р. мн.ч.);

(в) *tum ko ki t ā b lānā paṛegā* [92, с. 483] ‘Вам придется принести книгу’ (*kitāb* ‘книга’ — ж. р. ед. ч.).

Третий вариант оформления рассматриваемых бивербальных конструкций предстает в следующих примерах:

(а) *mujhe unkī sevā karnā cāhiye thī* [92, с. 482] ‘Мне нужно было служить (букв. делать службу) им’ (*thī* отражает граммы “ж.р.” и “ед. ч.” существительного *sevā* ‘служба’),

(б) ...*aur śāyad isīlie darśī ko rāt bhar jāgnā partā thā aur šekośā se nazarē curānā hoī* (B, 25) ‘...и, быть может, именно поэтому Дарши приходилось бодрствовать всю ночь и надлежало отводить глаза от Шekoши’ (*hoī* отражает граммы “ж.р.” и “мн. ч.” существительного *nazar* ‘взгляд’),

(в) *tum ko kitāb lānā paṛegī* [92, с. 483] ‘Вам придется принести книгу’ (*paṛegī* отражает граммы “ж.р.” и “ед. ч.” существительного *kitāb* ‘книга’), ...*aur do varṣa kī āyu mē ise bājre kī roṭī khānā partī hai* (КС. А, 84) ‘... и уже в двухлетнем возрасте ему приходится есть просяной хлеб’ (*partī hai* отражает граммы “ж.р.” и “ед. ч.” существительного *roṭī* ‘лепешка’, ‘хлеб’).

В тех случаях, когда в качестве объекта действия выступает в прямопадежной форме существительное мужского рода, будучи наделенным граммемой “ед. ч.”, формальное различие между отмеченными выше тремя вариантами оформления бивербальных конструкций сходит на нет: *magar ghar mē cirāg to jalānā cāhie thā* (P. GV, 168) ‘Но светильник в доме надо было зажечь’, *ḍākiye kā bhī kām postmāstar ko hī karnā hotā thā* (N. D, 70) ‘Даже обязанности почтальона надлежало исполнять почтмейстеру’, *yah sudhā kā kamrā thā, islie use hī uttar denā paṛā* (PL, 88) ‘Это была комната Судхи; поэтому ей и пришлось держать ответ’. Поскольку же в современном литературном хинди второй и третий варианты не воспроизводятся регулярно, то вполне естественно открывается возможность считать оформление бивербальных конструкций в такого рода примерах отвечающим первому варианту.

Следует отметить, что в урду, в частности в языке ряда известных авторов (С.Х. Манто, Исмаг Чуггаи, Куррат-уль-Айн Хайдар), типичен

третий вариант: (а) *aisī choṭī-choṭī cīz ē to tumhē khud dho lenā cāhiyē* ‘Такие мелкие вещи вам нужно постирать самому’ [32, с. 71]; (б) *...use tāj mahal pikcarz ke ek film kī n i g r ā n ī karnā thī* (М. Р, 43) ‘...ему надлежало следить за производством одного фильма [компании] «Тадж Махал пикчарс»’, *ašok ko ... koī davā kharīdnā thī* (М. Р, 61) ‘Ашоке ... необходимо было купить какое-то лекарство’; (в) *...unhē us kī g ā l i y ā āur g h u r k i y ā sahnā paṛī hāī* (М. Р, 97) ‘...им приходится сносить его брань и угрозы’, *un cīzō ke banāne mē unhē bhī mehnat denā paṛī thī* (С, 99) ‘В процессе изготовления этих вещей им тоже пришлось приложить усилия (букв. труд)’, *use apnī zindagī mē āj tak itnī ś a r m a n d g ī nahī uṭhānā paṛī thī* (QH, 434) ‘До сего дня ей никогда в жизни не приходилось испытывать такой стыд’ (во всех этих примерах второй компонент выступает согласованным с именем объекта действия).

В синтаксической структуре предложений, содержащих третью из отмеченных выше бивербальных конструкций (т.е. конструкцию, в которой вторым компонентом является глагол *paṛnā*) с инфинитивом (первым компонентом) от непереходного глагола, имя (местоимение) получающего вербальное выражение субъекта действия неизменно характеризуется косвеннопадежным оформлением (в виде падежно-послеложной формы на *ko* существительного или местоимения либо в виде местоименной формы объектного падежа). Первая конструкция (т.е. конструкция со вторым компонентом *cāhiye (cāhie)*) и вторая конструкция (т.е. конструкция со вторым компонентом *honā*) совместимы также и с прямопадежным оформлением такого имени, хотя у второй конструкции эта совместимость обнаруживается лишь в ограниченной мере.

Косвеннопадежному оформлению имени субъекта сопутствует нейтральное, т.е. лишенное признаков согласования, оформление конструкций:

(а) *mujhe ab tak ghar pahūc jānā cāhie thā* (MR, 186) ‘Мне полагалось быть уже дома (букв. прийти домой)’, *pu-lis ko to bākhābar rahnā cāhie* (BC, 102) ‘Полиции нужно быть в курсе дела’;

(б) *u n h ě abhī do-ek marīzō ke ghar jānā thā* (PL, 125) ‘Ему еще предстояло посетить на дому нескольких больных (букв. идти в дом нескольких больных)’, *mujhe das baje fāunṭen pain banāne vālī ek faikṭarī mē pahūcnā thā* (NK. 1961. X, 34) ‘В десять часов мне следовало прибыть на фабрику авторучек’;

(в) *tujhe pachtānā paregā* (S. TY, 272) ‘Тебе придется раскаиваться’, *śāhī hukm kī tāmīl karne ke lie ś a h z ā d e ko majbūr honā raḡā* (AN, 62) ‘Ради выполнения шахского приказа принцу пришлось смириться’.

Для имени субъекта действия в таких предложениях типичен семантический признак “лицо”, проявляющийся и при обозначении “совокупного” субъекта [см., в частности, *pulis ko* во втором примере рубрики (а)]. Референт вербально выраженного в таких предложениях имени (местоимения) субъекта действия является одновременно субъектом предметной ситуации (протагонистом) и, как правило, совпадает с субъектом волюнтаривности.

Компоненты бивербальных конструкций подвержены согласованию с именем субъекта действия, выступающим в прямопадежной форме:

(а) *tumhē ś a r m ānī cāhie* (J. S, 25) ‘Тебе должно быть стыдно’ (*ānī* отражает “именную” граммему “ж. р.” существительного *śarm* ‘стыд’; ср. *ānā* ‘приходить’), ...*fakīrō aur rā-jkumāriyō ke p a t h ek hone cāhiē* (AP, 64) ‘... [жизненные] пути факиров и принцесс должны сходиться (букв. быть одним)’ (*hone* отражает граммемы “м. р.” и “мн. ч.”, *cāhiē* — граммему “мн. ч.” существительного *path* ‘путь’), *is hisāb se ek ālīsān ko ṭ h ī unhē yahā bhī milnī cāhie thī...* (KC. G, 9) ‘По этой раскладке здесь тоже ему должен был достаться великолепный особняк...’ (*milnī* отражает граммему “ж. р.”, *cāhie thī* — граммемы “ж. р.” и “ед. ч.” существительного *koṭhī* ‘особняк’; ср. *milnā* ‘доставаться’);

(б) ... *par jīt to merī hī honī thī* (B, 11) ‘...но победе суждено было стать моей’ (*honī* отражает граммему “ж. р.”,

thī — граммы “ж. р.” и “ед. ч.” существительного *jī* ‘победа’; ср. *honā* ‘быть’, ‘становиться’).

Такого рода согласование видится и в случаях с именем субъекта действия — существительным мужского рода, наделенным граммемой “ед. ч.”: *bhāratīya sikkō par nāgarī lipi tathā hindī bhāṣā ko pramukh rūp se sthān milnā cāhie* (KV, 120) ‘... на индийских монетах место должно найтись прежде всего письму деванагари и языку хинди’, *śikār khelne ke lie āye the to tumhāre pās koī a slāh honā cāhie thā!* (BC, 71) ‘Раз вы приходили охотиться, то у вас должно было быть оружие!’, *...sansad ke sāmne ek jansatyāgrah honā thā* (JY. 28. 12. 1975, 43) ‘... перед зданием парламента должна была состояться массовая сатьяграха’.

Прямопадежная форма имени субъекта действия, названного глаголом, принявшим в составе бивербальной конструкции форму инфинитива, является показателем разобщенности референта данного имени и субъекта волонтиивности, причем это касается не только тех случаев, когда субъект действия, как в приведенных выше примерах, обозначается существительным, не являющимся личным, но, что особенно показательно, и тех случаев, когда он обозначается личным именем. Последнее иллюстрируют следующие примеры: *...avadhke takhtotāj kā mālik donō or se ālā khāndānkā honā cāhie* (AN, 55) ‘...владыка престола Аудха должен быть высокого происхождения по обеим линиям’ (= ‘...нужно, чтобы владыка престола Аудха был...’), *aisī jagah kam se kam tīn ādmī hone cāhie* (Y. VD, 331) ‘В таком месте надо быть по меньшей мере трем человекам’ (= ‘Надо, чтобы в этом месте было по меньшей мере три человека’), *lar kī kam-se-kam bī. e. tak pahī honī cāhie...* (UB, 111) ‘Девушка по полученным ею знаниям должна быть не ниже, чем бакалавр гуманитарных наук...’ (= ‘Надо, чтобы девушка... была...’). Существительное следующего примера можно понимать в качестве обозначающего “совокупный” субъект: *...hamārī senā ē ...pahūc jānī cāhiē thī* (G, 61) ‘... нашим

войскам... следовало прибыть’ (= ‘...необходимо было, чтобы наши войска... прибыли’).

Отклонение от правил, вытекающих из высказанных выше положений относительно особенностей в семантике предложений и в оформлении входящих в их синтаксическую структуру компонентов (как именных, так и глагольных), наблюдается в таких примерах: *ab tak to s ṭ ī m a r k o calā jānā cāhiye thā* ‘Ведь пароход уже должен был отойти’ [24, с. 147], *yā to ba ṭ u e k o kahī se milnā hogā, nahī to surajanā ko piṭnā hogā* (J. S, 21) ‘Или кошелек где-нибудь найдется, или быть Сураджане битым’, *i se svatantratā ke mūl siddhāntō mē ek honā cāhie* (КС. G, 67) ‘Она (эта правовая норма. — В.Л.) должна быть одним из основополагающих принципов свободы’. В них наблюдается косвеннопадежное оформление имени (местоимения) неличного (т.е. не располагающего семантическим признаком “лицо”) субъекта такого действия, которое обозначено переходным глаголом (*calā jānā* ‘отходить’, *milnā* ‘находиться’, ‘быть найденным’, *honā* ‘быть’). Применительно к первому примеру данное оформление можно объяснить метафоричностью высказывания или же толкованием существительного *sṭīmar* ‘пароход’ как названия “совокупного” субъекта (‘команда парохода’), применительно ко второму примеру — стилистически оправданным параллелизмом в использовании существительного *baṭūā* ‘кошелек’ и существительного (собственного имени лица) *surajanā* в связи с выражением неотвратимости одного из двух исходов потенциальной ситуации, применительно к третьему примеру — заменой имени существительного (в контексте — *adhiḱār* ‘право’) местоимением (*yah adhiḱār* → *yah* → *ise*).

В конструкции, имеющей вторым компонентом *cāhiye* (*cāhie*), и в конструкции со вторым компонентом *honā* в качестве первого компонента может выступать инфинитив инактивного (пассивного) залога, например: *...rājnārāyaṇ kī apīl ko ṭhukrā diyā jānā cāhie* (JY. 12. 08. 1975, 1) ‘...обращение Радж-нараяна должно быть отвергнуто’, *... ganne kī khetī nāī bhūmi par kī jānī cāhie* (HN, 170) ‘...возделывание сахарного тростника должно производиться на новых землях’, *sabhā bulāyī jānī hai* ‘Собрание должно быть создано’ [24, с. 149]. Структура предложения при этом бывает (в зависимости от того, в какой форме находится имя объекта действия) инактивно-

нейтральной (см. первый пример) или инактивно-объектной (см. второй и третий примеры).

Каждая из затронутых выше рассмотренных бивербальных конструкций, служащих выражению значения необходимости, имеет свои семантические особенности.

1. Конструкция «инфинитив + *cāhiye (cāhie)*»

Словоформа *cāhiye (cāhie)*, в которую облакается второй компонент конструкции, не маркирована по категории числа (ед. ч. ~ мн. ч.) в отличие от словоформы *cāhiyē (cāhiē)*, имеющей в качестве своего означаемого грамему “мн. ч.”. При использовании каждой из этих словоформ в сочетании с инфинитивом без осложнения их простым имперфектом от глагола *honā* прорисовывается презентно-футуральная перспектива исхода описываемой потенциальной ситуации: *is nīc ādmī kā sāth inko choṛ denā cāhie* (H. G, 86) ‘От этого негодяя ему нужно отделаться’, *hamē apnī laṛāī apne purāne śatru se laṛnī cāhiye...* (Y. D, 259) ‘Нам следует сражаться со своим давним недругом...’, *is kāraṇ donḍ mē sulah karāne ke lie donḍ bhāṣāē donḍ ko sīkhnī cāhiē...* (G, 62) ‘Поэтому для того, чтобы между двумя [этими общинами] воцарился мир, обеим нужно изучать оба языка...’, *jo bātē mānnī cāhiē, ve māī māntī hū* (MR, 230) ‘С тем, с чем нужно согласиться, я соглашаюсь’.

Присоединением к *cāhiye / cāhiyē* глагола *honā* в форме простого имперфекта, характеризующейся родо-числовыми флексиями, достигается соотношение изображаемой ситуации необходимости с планом прошедшего времени: *mujhe yah jagah pahle hī dekhnī cāhie thī* (BC, 32) ‘Мне следовало бы вначале осмотреть это место’, *magar jahā tak māī samajhtā hū, use yūrop se āne ke bād hī yahā do-ek pradārśan kar dene cāhiē the* (MR, 186) ‘По моему же разумению,

ей сразу же по прибытии из Европы следовало устроить несколько выставок’, *magar sac bāt to yah hai ki mujhe āj se ek-derh sāl pahle hī yah niścay kar lenā cāhie thā aur yahñ se cale jānā cāhie thā* (MR, 100) ‘На самом же деле мне нужно было принять такое решение года полтора назад и нужно было уехать отсюда’, *chah̄ din se ham log yahñ jānvarō kī tarah band hāī ...kānūnan hamē jel havālāt mē bhejā jānā cāhiye thā* (Y. VD, 310) ‘Вот уже шесть дней нас держат здесь (в полицейском участке. — В.Л.) взаперти, как зверей... По закону же нас следовало отправить в тюрьму для последственных’, *māī cakit hū̄ ki āpne pitājī se ‘hāñ’ kaise kar dī! āpko aisā nahī̄ karnā cāhie thā* (AP, 66) ‘Я поражена тем, что вы умудрились сказать [моему] отцу ‘да’. Вам не следовало так поступать’.

Применительно к плану прошлого (в первую очередь), а также настоящего имеет смысл среди ситуаций необходимости различать ситуации реализованного факта и ситуации нереализованного факта.

Предложения, в которых второй компонент бивербальной конструкции сопровождается формой имперфекта от глагола *honā*, поддаются трактовке в том смысле, что действие, которое должно было осуществиться, не осуществилось, или (в случае наличия отрицательной частицы) что действие, которому не надлежало быть осуществленным, на самом деле имело место. Данное положение подтверждают приведенные выше пять примеров (“но я не осмотрел вначале”, “но выставок она не устроила”, “но решения я не принял и не уехал”, “но нас не отправили”, “но вы, однако, так поступили”). В таком же ключе понимаются и следующие примеры: *mujhe merī bekārī kī sazā milī hālāki sazā us mantrī ko milnī cāhiye thī jiske rājya mē māī bekār huā* (K. A, 143) ‘Я подвергся наказанию из-за того, что был безработным, тогда как наказание должен был понести тот министр, в чьем государстве я стал безработным’, *māīne sunā hai āp parsō bhuvālī jā rahe hāī. merā to khayāl hai āpko pahle hī calā jānā cāhie thā* (BV, 623) ‘Слышал я, что послезавтра вы от-

правляетесь в Бхували. По-моему, вам давно следовало туда поехать’, *tum jāne kaise is dhandhe mē phās gae ho! tumhē to kisī barī-sī mil kā mainejar honā cāhie thā* (MR, 67) ‘Просто удивительно, как тебя угораздило заниматься этим! Тебе следовало бы стать управляющим на какой-нибудь крупной фабрике’, *...mujhe tumhāre yahā nahī ānā cāhie thā; lekin phir socā ki māi tumhārā dost hū* (BV, 662) ‘... мне не следовало приезжать к тебе, но [до того, как приехать] я подумал, что я твой друг’, *mujh-jaise kapūt ko to tumhārī kokh se janma hī na lenā cāhie thā* (P. GJ, 81) ‘Такому нечестивцу, как я, даже не стоило быть рожденным из твоего чрева’. Показательна в первой своей части следующая формулировка, приведенная Ш.К. Вермой в его статье, специально посвященной семантике словоформы *cāhiye*: “Когда [глагол] *cāhiye* употребляется со вспомогательным глаголом в форме прошедшего времени, он означает, что имеющееся в виду действие не было осуществлено, а когда он в своем употреблении не сопровождается глаголом, он указывает, что действие подлежит осуществлению” [117, с. 129]. В приведенном в качестве образца примере *use kal vahā jānā cāhiye thā* ‘He should have gone there yesterday’ усматривается “семантический компонент нереальности”: *vah nahī gayā* ‘Он не ушел’, — а из предложения *use nahī jānā cāhiye thā*, содержащего отрицательную частицу, выводится смысл “он ушел” (*vah gayā*) [117, с. 129].

Однако языковой материал свидетельствует о том, что в предложениях отмеченной структуры этот семантический компонент может отсутствовать, что в поле зрения может находиться ситуация реализованного факта (в позитивном или, что обусловлено появлением отрицательной частицы, в негативном плане): *sunnī ne vahī kiyā, jo use karnā cāhie thā* (P. GJ, 114) ‘Сунни сделала то, что ей следовало сделать’, *is hisāb se ek ālīsān koṭhī unhē yahā bhī milnī cāhie thī, so bhagvān kī kṛpā se unhē sayyad karāmat alī śāh kī nāī banī-banāī koṭhī mil gaī* (K.C. G, 9) ‘По этой раскладке здесь тоже ему должен был достаться великолепный особняк, вот по божь-

ей милости ему и достался только что построенный особняк сейида Карамат Али Шаха', *vaise niyam ke anusār unke thaharne kī vyavasthā madhya prānt ke khetō mē honī cāhie thī, aur huā bhī aisā hī thā ...* (BV, 311) 'Вообще-то согласно уложению ему (виджайпурскому радже Дхарнидхарсинху. — В.Л.) полагалось расположиться в шатрах [на территории] Мадхья Пранта, и это соблюдено было...', ...*vaiśya aur khatrī jātiyō mē sambandh nahī honā cāhie thā, nahī huā* (J. S, 76-77) '... связи между кастами вайшья и кхатри быть не должно было. Она и не возникла'.

Итак, структура «инфинитив + *cāhiye* + имперфект глагола *honā*» используется для описания как ситуации нереализованного факта, так и ситуации реализованного факта, хотя контекстом и ситуацией речи чаще подсказывается ее использование в значении нереализованного факта.

В отрицательных предложениях, содержащих бивербальную конструкцию «инфинитив + *cāhiye* (*cāhie*)», отрицательная частица (*nahī* или *na*) помещается обычно перед первым компонентом данной конструкции, т.е. перед инфинитивом: *tumhē bhūt se na hī ḍarṇā cāhiye* (S. A, 65) 'Ты не должен бояться приведения', ...*lekin yah samay itnā lambā na hī honā cāhie* (KV, 163) '... но этот срок не должен быть столь долгим', *ādmī ko ghamanḍ na karnā cāhie* (P. GJ, 56) 'Человеку не подобает возноситься', *śaraṇārthiyō ke adhikārō kī rakṣā ke liye kyā hamē ḍaṭ kar na larnā cāhiye?* (K.C. A, 17) 'Разве нам не следует решительно выступать в защиту прав беженцев?'. В случаях с инфинитивом в форме инактивного залога отрицательной частице отводится место или непосредственно перед первым компонентом этой формы, т.е. перед причастием, или между ее компонентами, например: *śartō mē parivartan kā savāl na hī uṭhāyā jānā cāhie* (JY. 27.06.1974, 1) 'Вопрос об изменении условий не должен подниматься', *rāṣṭrīya ektā ke nām par kisī par hindī lādī na hī jānī cāhiye* (Nn. 1976. X, 19) 'Хинди не должен кому-либо навязываться во имя национального единства'.

По отношению к именной части инфинитива сложного отыменного глагола отрицательная частица может помещаться как в постпозиции, так и в препозиции, например: *vyaktigat jhagrō ko mol n a lenā cāhiye...* (S. JS, 20) ‘Не следует вовлекать себя в личные ссоры...’ (ср.: *jhagrō ko mol lenā* букв. ‘ссоры навлекать’), *ayyar kā aur bhī āgrah thā ki is kisse par ek bhī mināṭ aur n a h ī kharc karnā cāhie* (J. S, 21) ‘Да и Айяр не переставал твердить, что на этот спор не следует больше тратить ни одной минуты’ (ср. *kharc karnā* ‘тратить’). Появление отрицательной частицы перед вторым компонентом бивербальной конструкции, т.е. перед *cāhiye*, бывает обусловлено наличием при инфинитиве (первом компоненте) постпозитивной инклюзивно-усилительной частицы *bhī* ‘тоже’, ‘даже’, например: *...ab mujhe is prakār kī bātē socnā bhī n a h ī cāhie...* (S. TY, 125) ‘... теперь мне даже думать не полагается о таких вещах...’.

Существует точка зрения, согласно которой семантическую структуру предложений, содержащих рассматриваемую бивербальную конструкцию, составляют три смысловых компонента сентенциальной природы, а именно: иллокутивный компонент¹⁸, модальный компонент и пропозициональный компонент [117, с. 132], — и при этом теоретически допускается, что в отрицательных предложениях отрицание может относиться к любому из этих трех компонентов сообразно с его (отрицания) местом в глубинной структуре [117, с. 135-136]. В соответствии с этим допущением для такого предложения, как, скажем, *mohan ko nahī jānā cāhiye*, подходят следующие интерпретации: 1) “Я не думаю, что Мохану следует идти”; 2) “[Я думаю, что] Мохану не следует идти”; 3) “[Я думаю, что] Мохану следует не идти”. Однако на практике, как свидетельствует языковой материал, явное предпочтение отдается отрицанию модального компонента смысла.

Возможность отнесения отрицания к иллокутивному компоненту смысла реализована в таком примере, уже при-

¹⁸ Иллокутивный компонент смысла, как нам представляется, отражает присутствие субъекта модальной оценки в структуре описываемой ситуации необходимости.

водившемся выше: *rāṣṭrīya ektā ke nām par kisī par hindī lādī nahī jānī cāhiye* (Nn. 1976. X, 19) ‘Хинди не должен кому-либо навязываться во имя национального единства’ (= ‘Я не думаю, что хинди должен во имя национального единства кому-то навязываться’). Показателен и следующий пример: *hamē durbaltā ke ḍar se apnā kām nahī roknā cāhiye* (U. SK, 14) ‘Нам свою деятельность не следует прекращать из-за опасения, что у нас не хватит сил’ (= ‘Мы не думаем, что из-за опасения, что у нас не хватит сил, нам следует прекратить свою деятельность’).

Семантической доминантой конструкции «инфинитив + *cāhiye* (*cāhie*)» является обозначение такой потенциальной ситуации, характер которой как ситуации необходимости определяется тем, что ее исход (в позитивном или негативном плане) мыслится оптимальным применительно к сложившимся условиям (проще говоря, обозначение ситуации необходимости с оптимальным исходом)¹⁹. Эта доминанта является определяющей для частных случаев употребления рассматриваемой бивербальной конструкции, например, для тех, которые отмечены З.М. Дымшицем: а) выражение надобности совершения действия, обусловленной какими-то причинами; б) выражение желательности, целесообразности совершения действия; в) выражение совета, наставления [24, с. 147].

Вот примеры, оттеняющие семантику данной конструкции: *tum aspatāl se nikal kar āye ho aur mai hū ki apne bāre mē hī bāt kiye jātī hū. abhī kuch din tumhē ghar mē ārām karnā cāhiye. abhī se is tarah bāhar calne-phirne lagoge to thīk nahī* (PL, 134) ‘Ведь ты явился сюда прямо из больницы, а я тут болтаю без умолку только о себе. Тебе же надо несколько дней восстанавливать свои силы у себя дома. Оттого что ты начнешь мотаться туда-сюда, добра не будет’, *brāhmaṇ ke pās paise kahā! gangdatta ne socā, to kisī tālāb mē mūh dekhnā cāhiye* (U. SK, 75) ‘Откуда у брахмана деньги [на покупку зер-

¹⁹ О.Г. Ульциферов усматривает здесь “значение желательной необходимости (на хинди: *aprekṣit āvaśyaktā*) осуществления действия” [115, с. 68].

кала]! И Гангдатта подумал: нужно поглядеться в воду какого-нибудь пруда’, *mai kahtā hū ki naval ko kist hālat mē bhuvālī nahī jānā cāhie. ek musibat to sir par ā hī parī hai, lekin dūsrī tālī jā saktī hai* (BV, 622-623) ‘Я утверждаю, что Наваль ни в коем случае не должен ехать в Бхували. Одна беда уже свалилась на голову, но другую-то можно отвратить’, *mai is gārī ko pahcāntī hū. yah rāmgarh ke hī ek raīs kī gārī hai, hamē dekhnā cāhie māmlā kyā hai* (S. K, 55) ‘Я узнаю эту машину. Эта машина одного аристократа из Рамгарха. Нам нужно посмотреть, в чем тут дело’, *tum ne apnī kaum par hukūmat kī jab tumhē is kī khidmat karnī cāhiye thī* (КС. Н, 69) ‘Ты властвовал над своим народом, тогда как ты должен был служить ему’, *...saralā bacce ko pyār karne lagī. ‘uskī tāgō par roz māliś karnī cāhie’, dāktar ne kahā* (AP, 34) ‘...Сарала принялась ребенка целовать. «Надо каждый день массировать ему ноги», — сказал доктор’, *lekin ek bāt pakkī ho jānī cāhie, māi dhūdhkar dū to mujhe kyā inām milegā?* (J. S, 18) ‘Но нужно твердо договориться, какая мне будет награда, если я отыщу [пропавший кошелек с деньгами]’. В этих примерах контекст исключает (или во всяком случае сильно затрудняет) появление на месте рассматриваемой бивербальной конструкции конструкций «инфинитив + *honā*» и «инфинитив + *parnā*».

На передний план может выйти значение желательности, на что обратил свое внимание Ш.К. Верма, сославшись на такой пример: *paudhe sūkh rahe hāi. pānī barsnā cāhiye* ‘Растения засохли. Нужен (желателен) дождь’ [117, с. 134].

Применительно к *pānī barsnā cāhiye* (букв. ‘вода проливаться [дождем] нужно’) есть основания для гипотезы, что здесь выражению значения желательности скорее соответствует членение по непосредственно составляющим (*(pānī barsnā) (cāhiye)*), а не членение (*(pānī) (barsnā cāhiye)*), отвечающее (или, быть может, которое отвечало бы) наличию бивербальной конструкции. Она подкрепляется, с одной стороны, такими случаями употребления слова *cāhiye*, когда оно образует с существительным предикативное словосочетание, например: *ab to kārobār ke lie dukān cāhie* (G, 39) ‘Теперь для бизнеса [мне] нужна лавка’, *nahī*

cāhie hamē tumhārē e h s ā n (Н. К., 84) ‘Не нужна нам твоя милость’, — а с другой стороны, определенными случаями герундиального использования инфинитива с прямопадежной формой (беспослеложной) имени субъекта соответствующего действия, например: *pānī barasnā ārambh ho gayā thā* (BV, 45) ‘Уже начался дождь’ (*ārambh ho jānā* ‘начаться’), ...*aur pānī rukne ke sāth umas ekāek bahut barh gāi thī* (BV, 207) ‘... и с прекращением дождя духота сразу же стала еще сильнее’ (*rukna* ‘останавливаться’, ‘прекращаться’), *vivāh ho jānā hī thīk thā* ... (Y. VD, 30) ‘[Ей] было впору выходить замуж...’ (букв. ‘Брак состояться ведь верно было...’).

Как показал Ш.К. Верма, рассматриваемая конструкция может использоваться для выражения значения логической необходимости в высказываниях, имеющих характер умозаключения (для названия соответствующего значения бытует термин “инференциал”): *stešan ā gayā hai gārī ruknī cāhiye* ‘Показалась станция — поезд должен остановиться’, *gārd ne jhaṇḍī dikhā dī hai gārī ab calnī cāhiye* ‘Кондуктор показал флажок — поезд сейчас должен тронуться’, *kāle bādāl māḍrā rahe hāi pānī barasnā cāhiye* ‘Нависают тучи — должен пойти дождь’ [117, с. 134]. Соответствующее значение “втягивается” в сферу эпистемической модальности: *поезд должен остановиться* \cong *поезд, должно быть, остановится*; *поезд сейчас должен тронуться* \cong *поезд сейчас, должно быть, тронется*; *должен пойти дождь* \cong *должно быть, пойдет дождь*. Значение логической необходимости выражено в следующих примерах: *havelī mē choṛ gae the to unhē havelī mē hī honā cāhie* (S. K., 91) ‘[Если вы] оставили [Ранджита и Рошан] в особняке, то в особняке же они и должны быть’, *śikār khelne ke lie āye the to tumhāre pās koī aslāh honā cāhie thā! tumhāre pās kyā bandūk thī yā rāifil thī?* (BC, 71) ‘[Раз вы] приходили охотиться, то у вас должно было быть оружие! Что у вас было — ружье или винтовка?’

2. Конструкция «инфинитив + *honā*»

Использованием данной конструкции достигается выражение широкой гаммы семантических оттенков, находящихся в диапазоне значения необходимости. В литературе по грамматике хинди отмечается ее способность служить для обозначения крайней необходимости, обязанности, вынужденности [115, с. 68], долженствования, следующей из предварительной договоренности или заранее намеченного плана необходимости совершения действия [24, с. 147].

Выражаемая необходимость четко проявляется в следующих семантических вариантах:

(а) неотвратимость и предопределенность: *manā ek din sabhī ko hai. koī yahā amar hokar thoṛe hī āyā hai* (P. N, 32) ‘Рано или поздно всем суждено умереть. Никто не явился на этот свет бессмертным’, *jisko jīnā hai, jiyegā, jisko manā hai, maregā* (P. N, 177) ‘Кому суждено жить, тот будет жить, а кому суждено умереть, умрет’, *jo honā hai vah hogā* (BC, 66) ‘Чему быть, то и будет’, *jo honā thā so ho gayā* (BC, 52) ‘Произошло то, что и должно было произойти’, *lekin dāktar, āp kab tak is pahārī kasbe mẽ paṛe rahēge? isī deś mẽ rahnā hai to kisī bare śahar mẽ apnī praikṭis śurū kījie* (PL, 114) ‘Однако ж, доктор, до каких пор вы будете прозябать в этом горном селении. Раз уж вам суждено жить в этой стране, то займитесь практикой в каком-нибудь крупном городе’, *bhagvān ko āpkī ābrū bacānī thī. usko dhanyavād dījie* (S. K, 58) ‘Богу было суждено защитить вашу честь. Его и благодарите’;

(б) запланированность или обусловленность предварительной договоренностью: “*tum jā rahe ho?* ” *nīlimā kuch āścarya ke sāth bolī. “hā, mujhe ek kām yād ā gayā hai ”, māī ne kahā, “ek baje mujhe kisī ke yahā pahūcā hai”* (MR, 167) ‘«Ты уже уходишь?» — удивленно спросила Нилима. «Да, я вспомнил об одном деле, — сказал я. — В час дня мне уже нужно быть в одном месте»’, *sardār ko āne vāle kal kī cintā*

hai. use gārī pakarṇī hai, landan jānā hai (MR, 294) ‘Сардару не дает покоя мысль о грядущем дне. Ему нужно успеть на поезд, нужно отправиться в Лондон’, *usne sab sāmān bādhvā liyā thā. dūsre din subah use bhuvālī ke lie gangāprasād ke sāth ravānā ho jānā thā* (BV, 628) ‘Багаж по его указанию был уже упакован. Назавтра утром ему предстояло отправиться с Гангапрасадом в Бхували’, ...*mujhe paun ghanṭā diyā gayā, jiske bād mujhe apnā faisalā sunānā thā aur bhārat kī sab se sundar larḳī kī ghoṣṇā karnī thī* (KC. G, 137) ‘...[для изучения материалов] мне отвели три четверти часа, после чего я должен был возвестить о своем решении и назвать самую красивую девушку Индии’, *tīsre caraṇ mē 6 aprail ko nayī dillī mē san-sad ke sāmne ek jan-satyāgrah honā thā* (JY. 28. 12. 1975, 43) ‘На третьем этапе 6 апреля перед зданием парламента в Новом Дели должна была состояться массовая сатьяграха’;

(в) служебный долг или служебная обязанность: *iske bāre mē mujhe āpse kuch pūchnā hai!* (U. SK, 11) ‘О нем я должен у вас кое-что спросить!’ (полицейский во время расследования обращается к свидетелю), *itnī dūr tak lift ke lie bahut-bahut dhanyavād. māī nahī cāhtā ki mere sambandh mē āpko koī galatfahmī rahe. mujhe eyarport se kuch aparādhiyō kā pīchhā karnā thā aur durbhāgya se vahā koī ṭaiksī na thī. keval āpkī kār thī* (S. K, 13) ‘Большое-пребольшое спасибо за то, что вы меня [не по своей воле] подбросили. Я не хочу, чтобы у вас обо мне осталось превратное представление. Я должен был преследовать от аэропорта преступников, и, как назло, там не было ни одного такси. Стояла только ваша машина’, *mujhe ājkal daftar mē itnā kām hai, itnā kām hai ki māī tumhē batā nahī saktā. mujhe jo riporṭē taiyār karnī thī, ve abhī tak nahī kar pāyā* (MR, 413) ‘У меня теперь в конторе столько работы, столько работы, что даже сказать тебе не могу. Я еще не справился с теми отчетами, которые мне надлежало подготовить’;

(г) моральный долг: “...*tum vilāyat cale jāo! tum kisī bāt kī cintā na karo!*” *naval ne kuch cup rahkar kahā, “nahī jñān*

bābā, mujhe to yahā̃ rahkar apne parivār ko dekhna hai. bābūjī vidyā kī sādī tai kar gae hai; uskī sādī isī navambar mẽ karnī hai. aur mujhe āī. sī. es. banne kā ab šauk bhī nahī rah gayā” (BV, 636) «...Поезжай в Англию! Ни о чем не беспокойся!» «Нет, дедушка Гьян, — помолчав немного, ответил Наваль. — Здесь я должен заботиться о семье. Отец договорился о свадьбе Видьи, и я должен выдать ее замуж в ноябре. Желанием же стать чиновником Индийской Гражданской Службы я больше не горю», *kal mālī bahan skūl nahī gayī thī. zarā unke yahā̃ hote hue jānā hai. kahī bīmār na ho gayī hō* (Н. Г, 90) «Вчера сестрица Малти не приходила в школу. Надо по пути к ней зайти. Уж не заболела ли она?»;

(д) вынужденность: *jab āp kuch nahī batāte to ab āpke makān kī talāšī lenī hogī* (BC, 21) «Раз вы ничего не сообщаете, то придется произвести обыск в вашем доме», *to kyā sacmuc āj hī un logō ko vahā̃ se cale jānā thā* (НК. 1962. I. 24) «Неужели в самом деле им сегодня же нужно было уехать отсюда?»;

(е) настоятельность: *inspektor sāhab, is ilāke ko to kābū karnā hogā. agar yahī hālat rahī to is zile kī aur sāth hī ham sab logō kī baṛī badnāmī hogī* (BC, 56) «Господин инспектор, эту территорию необходимо взять под строгий контроль. Ведь если здесь сохранится такое положение, то у этого округа, а заодно у всех нас будет дурная слава», *merā khayāl hai karīb pāc hazār rupaye lakṣmīcandra se mil sakte hāī mujhe. kisī tarah sādī to karnī hī hai* (BV, 638) «Я думаю, что смогу раздобыть тысяч пять рупий у Лакшмичандры. Хочешь не хочешь, а выдать [Видью] замуж нужно», *...iske sivāy okāndagā kī bāt bhī vicārne yogya hai. jis tarah se ho, use hamē bacānā hī hogā* (S. A, 103) «...кроме того, нам небезразлична судьба Окандаги. Так или иначе нам надо его спасти».

В приведенных выше примерах использованы простые формы (простой презенс, простой имперфект, будущее простое) глагола *honā* — второго компонента рассматриваемой бивербальной конструкции. В предложениях с простым презенсом и будущим простым отражается футураль-

ная по отношению к моменту речи перспектива в развитии ситуации, причем простой презенс ситуацию, мыслимую в перспективе как предстоящий факт, связывает непосредственно с настоящим²⁰.

В предложениях с простым имперфектом глагола *honā* ситуация необходимости изображается предшествующей моменту речи. При этом она может иметь отношение как к реализованному (а), так и нереализованному (б) факту, например:

(а) *jo honā thā so ho gayā* (BC, 52) ‘Произошло то, что и должно было произойти’, *bhagvān ko āpkī ābrū bacānī thī. usko dhanyavād dījīe* (S. K, 58) ‘Богу было суждено защитить вашу честь. Его и благодарите’, *to mālūm ho gayā, tū nahī jānā cāhtī. mujhe itnā hī pūchnā thā* (P. GJ, 154) ‘Вот теперь мне стало ясно, что ты не хочешь пойти [со мной]. Именно об этом мне надо было спросить у тебя [и я спросил]’;

(б) *mujhe jo riportē taiyār karnī thī, ve abhī tak nahī kar pāyā* (MR, 413) ‘Я еще не справился с теми отчетами, которые мне надлежало подготовить’, *bīnā pal-bhar rukī rahī. śāyad use aur bhī kuch kahnā thā. magari phir binā kuch kahe vah nīce utar gāī* (NK. 1962. I, 18) ‘Бина задержалась на какое-то мгновение. Возможно, ей надо было еще что-то сказать, но, не сказав больше ничего, она спустилась вниз’, *ek bahut zarūrī bāt tum se kahnī thī; abhī yād thī aur abhī bhūl gāī* (MR, 337) ‘Мне нужно было сказать тебе нечто важное. Вот только что помнил, и вдруг все вылетело из головы’.

Включением имперфективных форм глагола *honā* в конструкцию достигается внесение оттенка узуальности в значение необходимости, например: *ḍākiye kā bhī kām postmāstar ko hī karnā hotā thā* (N. D, 70) ‘Даже обязанности

²⁰ Ш.К. Верма утверждает, что можно сказать *mohan ko jānā hai par vah nahī jā sakegā* ‘Мохан должен идти, но он не сможет идти’ (*hai* — простой презенс), но нельзя сказать *mohan ko jānā hogā par vah nahī jāegā* ‘Мохан должен (будет) идти, но он не пойдет’ (*honā* — будущее простое) [117, с. 133]. Из этого утверждения следует, что в случае с презенсом глагола *honā* обозначаемая необходимость осуществления действия может ассоциироваться с возможностью его неосуществления.

почтальона надлежало исполнять почтмейстеру’, ... *aur mujhe roz apne suparvāizar ke pās jānā hotā thā* (MR, 186) ‘...и я был должен каждый день посещать своего научного руководителя’, *use das baje daftar pahūcnā hotā hai, islie vah nau baje hī ghar se calā jātā hai* (MR, 267) ‘Ему полагается приходить на службу в десять часов. Поэтому уже в девять часов он выходит из дома’.

Единичность события как исхода ситуации необходимости отображается рассматриваемой бивербальной конструкцией в том случае, когда второй ее компонент, т. е. *honā*, предстает в перфективной форме: *tabhī un ko kuch din ke lie apne pitā ke ghar jānā huā* ‘Тогда же ему пришлось поехать на несколько дней к своему отцу’ [24, с. 148].

Отрицательная частица (в частности, *nahī*) может по отношению к конструкции располагаться в препозиции (обычный вариант), постпозиции и интерпозиции (т. е. между компонентами конструкции), например: *mujhe kāmtānāth kī larķī se śādī karnī hai, lekin mujhe kāmtānāth kī gulāmī n a hī karnī hai* (BV, 657) ‘Я должен жениться на дочери Камтанатха, но находиться в рабской кабале у Камтанатха я не обязан’, *par ham logō ko to kuch kharīdnā thā n a hī. bas vaise hī dukān mẽ cale gaye the* (Н. К, 85) ‘Нам ничего не нужно было покупать. Мы просто так зашли в магазин’, *tum to ab dākkhānā jāoge, mujhe bhī baiṭhnā n a hī hai* (N. D, 65) ‘Ты сейчас отправишься на почту. Да и мне сидеть не следует’.

При использовании отрицательной частицы *nahī* рассматриваемая конструкция может оказаться представленной только ее первым компонентом, т. е. инфинитивом. Это бывает тогда, когда футуральная перспектива в развитии ситуации связывается с настоящим: *tum log apnī rakam vāpas māg lo. sāf kah do kī hamē zamīn n a hī lenī* (BG. G, 28) ‘Вы требуйте возврата суммы. Скажите прямо, что нам, де, брать землю [в аренду] не нужно’.

3. Конструкция «инфинитив + *parṇā*»

Семантика данной конструкции с достаточной точностью охарактеризована в имеющихся работах. Так, З.М. Дымшицем было отмечено: “Сочетания инфинитива с формами глагола *parṇā* используются для выражения необходимости совершения действия, обусловленной определенными (не зависящими от субъекта) обстоятельствами, т. е. такие сочетания передают наиболее сильный оттенок значения долженствования — неизбежную предопределенность, вынужденность” [24, с. 148]. А вот формулировка О.Г. Ульциферова: “Сочетанием инфинитива с глаголом *parṇā* выражается в основном значение вынужденности, причем эта разновидность необходимости возникает вследствие складывающихся обстоятельств” [115, с. 68]. Существенны также следующие моменты: 1) под субъектом соответствующего действия (действия, обозначенного глаголом в инфинитиве) разумеется лицо; 2) глагол *parṇā* употребляется в разных видовременных формах; 3) имплицитруется ситуация реализованного факта. Итак, конструкция «инфинитив + *parṇā*» призвана обозначать вынужденность как необходимость осуществления действия, обусловленную применительно к ситуации реализованного факта (в плане будущего — с логически объяснимой долей гипотетичности) внешними по отношению к субъекту-лицу и независимо от него складывающимися обстоятельствами. В русском языке данной конструкции языка хинди как нельзя лучше соответствует сочетание лексемы *приходиться / прийти* с инфинитивом.

Семантику данной конструкции оттеняют следующие примеры: *šivanī aur tārā pustak dhūḍh nahī pāyī. lālī ko pustak ke binā hī skūl jānā paṛā* (Y. DB, 226) ‘Шивани и Тара книгу так и не нашли, и [девочке по имени] Лалли в школу пришлось отправиться без книги’, *dīvār kāfī ūcī thī islie mujhe phāṭak ke rāste bāhar jānā paṛā* (S. K, 71) ‘Стена была довольно высокой, и поэтому мне пришлось выбираться на-

ружу через ворота’, *bhāgyavādī māi nahī hū, phir bhī paristhitiyō ko to svīkār karnā hī paṛegā* (H. G, 77) ‘Я не фаталистка, однако ж с обстоятельствами [мне] придется примириться’, *tumhē merī aur mere laṛke kī vajah se itnī taklīf uṭhānī partī hai to ek bār sāf kyō nahī kah dete ki...* (MR, 421) ‘Если тебе из-за меня и моего сына приходится так мучиться, то почему ты прямо не скажешь, что...’, *mujhe iskā duḥkh hai ki mujhe apne ek param hitaiṣī mitra kī ālocanā karnī paṛ rahī hai* (P. Gd, 176) ‘Мне горько сознавать, что мне придется критиковать своего любезного друга’, *pichle sāl to kamrā dhuē se bhar jātā thā jiske kāraṇ kāpkāpāte jāre mē bhī use khirkī kholkar hī sonā partā thā* (PL, 99) ‘В прошлом году вся комната наполнялась дымом, вследствие чего ей приходилось спать с открытым окном даже в стужу’.

Отрицание относится к модальному компоненту смысла независимо от позиции отрицательной частицы (перед первым компонентом конструкции или между ее компонентами), например: *hamē adhik samay tak pratīkṣā n a hī karnī paṛī* (S. A, 76) ‘Нам не пришлось долго ждать’, *lān kī ghās kāṭnī n a paṛegī* (VL. 1960. IV, 38) ‘Траву на лужайке косить не придется’.

Встречающиеся в сходных контекстах конструкции могут выглядеть взаимозаменяемыми. Это, в частности, касается, во-первых, конструкций «инфинитив + *honā*» и «инфинитив + *paṛnā*» (см. ниже первую и вторую пару примеров) и, во-вторых, конструкций «инфинитив + *honā*» и «инфинитив + *cāhiye*» (см. ниже третью и четвертую пару примеров):

(1) *choṭā pradhān sab se zyādā kām kartā thā kyōki prūf dekhne ke alāvā use ham sab par nazar bhī rakhnī hotī thī aur jab sampādak ke kamre mē ghaṇṭī bajī, to uṭkar ādeṣ lene ke lie bhī usī ko jānā hotā thā* (MR, 62) ‘Больше всех трудился младший начальник, потому что он, кроме чтения корректуры, должен был надзирать за всеми нами, а когда в помещении редактора раздавался звонок, именно ему надлежало встать и идти за очередным указанием’ ~ *kanak ko sūcnā*

vibhāg ke daftar mẽ urdū akhbārō kī chān-bīn karke riport denī paṛtī thī (Y. DB, 285) ‘Канаке приходилось в офисе отдела информации составлять отчеты по газетам на урду’;

(2) *jab āp kuch nahī batāte to ab āpke makān kī talāšī lenī hogī* (BC, 21) ‘Раз вы ничего не сообщаете, то придется произвести обыск в вашем доме’ ~ *phir bhī uske bāre mẽ kuch pūch-tāch āpke sṭāf se to kaṛnī hī paṛegī* (BC, 14) ‘Все же придется учинить допрос среди ваших подчиненных’;

(3) *tum cale jāo, māī kal yā parsō jākar jo kuch bhī mujhe lānā hai le āūgī* (PL, 155) ‘Ты поезжай, а я все то, что мне нужно привезти, доставлю завтра или послезавтра’ ~ *jo bātē mānnī cāhiē, ve māī māntī hū* (MR, 230) ‘С тем, с чем нужно соглашаться, я соглашаюсь’;

(4) *unkī tabiyat thīk nahī hai. ḍākṭar se davā lānī hai* (KC. A, 134) ‘Ему нездоровится. Надо пойти к доктору за лекарством (букв. от доктора принести лекарство)’ ~ *agar tabīat thīk nahī hai to tumhē ārām karne ke lie chuṭṭī le hī lenī cāhie* (MR, 268) ‘Если [тебе] нездоровится, то тебе для отдыха надо взять отпуск’.

Желательность

Значение желательности как разновидности внутри-синтаксической модальности выражается при употреблении ряда бивербальных конструкций языка хинди.

1. Конструкция «инфинитив + глагол *cāhnā*»

Данная конструкция наиболее употребительна. В ее составе глагол *cāhnā* ‘хотеть’, ‘желать’ (также ‘любить’) выступает, можно сказать, в своем прямом словарном значении – в значении, которое он, будучи переходным, несет в сочетании с существительными, как, например, *vah tum se vivāh karne kī merī svīkṛti cāhtā thā* (G, 151) ‘Он хотел заручиться моим согласием (букв. хотел моего согласия) на вступление с тобой в брак’, *ismē āpse ek sahāyitā cāhtā hū* (G, 206) ‘В этом я хочу от тебя помощи’. В составе конструкции глагол *cāhnā* способен принимать разные видовременные формы (и формы разных наклонений, кроме, пожалуй, повелительного).

Функционирование данной конструкции с *cāhnā* в форме, не являющейся перфективной, иллюстрируют следующие примеры: (а) *abhī maī bas se utrā hī hū aur pahle kāfī kī ek pyālī pīnā cāhtā hū* (MR, 15) ‘Я только что из автобуса и сперва хочу выпить чашечку кофе’, (б) *thakurāin jaldī se pakauṛe bhī banānā cāhtī thī...* (MR, 35) ‘Тхакураин хотела на скорую руку испечь лепешки...’, (в) *... maī bhī āp se aur is sabhā se ek praśna pūchnā cāhtā hū* (BG. S, 68) ‘...я тоже хочу задать вам и этой аудитории один вопрос’, (г) *mā ūṣā ko kanak ke prabhāv se dūr rakhnā cāhtī thī* (Y. DB, 356) ‘Мать хотела уберечь Ушу от влияния Канаки’, (д) *...vah dākṛaret*

ke lie inglainḍ jānā cāhtā hai (MR, 98) ‘...он ради получения научной степени доктора хочет отправиться в Англию’.

Своим строением эти предложения отвечают литературной норме языка хинди. Общими для них являются следующие моменты: 1) прямопадежная форма имени (местоимения) субъекта действия; 2) герундиальная ипостась (форма на *-nā*) инфинитива — первого компонента входящей в их состав бивербальной конструкции; 3) согласование второго компонента конструкции, т. е. глагола *cāhnā*, с именем (местоимением) субъекта действия. Эта общность наблюдается при существовании различий между предложениями, касающихся: 1) переходности / непереходности глаголов в инфинитиве [в предложении (д) инфинитив представлен непереходным глаголом, а в предложениях (а), (б), (в), (г) — переходными глаголами], 2) падежного оформления имени объекта действия при инфинитиве переходных глаголов [в предложениях (а), (б), (в) налицо прямопадежная форма, в предложении (г) — падежно-послеложная форма на *ko*], 3) родо-числовой характеристики стоящего в прямопадежной форме имени объекта действия [ср.: *pyālī* ‘чашечка’ — ж. р. ед. ч. в предложении (а), *pakaurē* ‘лепешки’ — м. р. мн. ч. в предложении (б), *praśna* ‘вопрос’ — м. р. ед. ч. в предложении (в)]. Допустимым в рамках грамматической системы языка хинди отступлением (отклонением) от нормы явился бы факт согласования инфинитива с именем объекта действия, стоящим в прямопадежной форме, т.е. факт появления герундивного инфинитива вместо герундиального в связи с наличием имени объекта в форме прямого падежа ²¹.

²¹ Возможность такого отступления от нормы подтверждается материалом из урду, например: ...*māi cor ko sazā denī cāhtā hū* ‘...я хочу наказать вора’ (ср. *sazā denā* букв. ‘наказание давать’, где *sazā* — существительное женского рода) [31, с. 322]. Ее реализацию в хинди В. Поржизка иллюстрировал таким примером: *māi ek ciḥṭhī likhnī (likhnā) cāhtā hū* ‘I wish to write a letter’ [107, с. 317]. Применительно к приведенным выше примерам (а) и (б) данная возможность была бы реализована заменой *pīnā* на *pīnī*, *banānā* на *banāne*, а в свете этих замен и инфинитиву

С принятием глаголом *cāhnā* (вторым компонентом конструкции) перфективной формы (одной из перфективных форм) взаимосвязано оформление имени (местоимения) субъекта действия послелогом *ne*. Возможности использования самой бивербальной конструкции в составе предложений отражены в следующих примерах:

(е) *manḡsīrū ne ek bakrī pakarnī cāhī* (S. PP, 21-22) ‘Мангсиру захотел поймать козу’, *un hō ne ek šrgāl kī kathā sunānī cāhī thī* (HD, 308) ‘Она хотела поведать историю о шакале’, *pās jākar māi ne āśvāsan kī thapkiyā denī cāhī*... (J. K, 107) ‘Приблизившись, я хотел было одобрительно похлопать [ее по плечу]...’ (ср. *thapkiyā denā* букв. ‘хлопки давать’);

(ж) *pahle us ne ciṭṭiyō ke kuch anś moṛ dene cāhe, magar bād mẽ yah khyāl choṛ diyā* (MR, 136) ‘Сначала она хотела было загнуть некоторые части писем, но потом оставила эту мысль’;

(з) *phir kisī madhur svapna kā bhāg samajhkar us ne apnī ākhē band karnā cāhā*... (NK. 1962. II, 48) ‘Затем, приняв это за отрывок какого-то сладкого сновидения, она захотела закрыть глаза...’ (*ākhē* ‘глаза’ — ж. р. мн. ч.), *donō hāthō kā sahārā dekar karvaṭ badalvā denā cāhā* (H. G, 6) ‘[Видья] обеими руками хотела было помочь ему (Каруншанкару. — В.Л.) перевернуться на другой бок’ (*karvaṭ* ‘бок’, ‘лежание на боку’ — ж. р. ед. ч.);

(и) *yah kahte kahte mansārām ne kamre kā dvār band karnā cāhā*... (P. N, 91) ‘Говоря это, Мансарам хотел закрыть дверь комнаты...’ (*dvār* ‘дверь’ — м. р. ед. ч.), *usne takiyā ṭhīk karnā cāhā*... (BG. S, 400) ‘Он хотел было поправить подушку...’ (*takiyā* ‘подушка’ — м. р. ед. ч.);

(к) *nārad jī ne līlā dekhne ke samay ek paricit ko sāth lenā cāhā* (NK. 1961. VIII, 7) ‘Во время представления Нарада хотел было взять с собой одного своего знакомого’, *jisne apnā nām baṅtāsīnh batāyā thā us ne gardan nīcī karke*

pūchnā ‘спрашивать’ предложения (в) можно было бы приписать герундивный статус.

apnī hāsī ko chirānā cāhā (BC, 62) ‘Тот, который назвался Бантасинхом, хотел, наклонив голову, скрыть свой смех’;

(л) *holī ne bhāgnā cāhā* (B, 117) ‘Холи хотела убежать’, “*magar...*”, *mā ī ne kahnā cāhā* (КС. G, 82) ‘«Но...», — хотел было я возразить (букв. сказать)’.

Как видно из примеров инфинитив как первый компонент бивербальной конструкции или проявляет герундиальный статус, сопровождаясь в своей форме на *-nā* финитной формой (перфективной) глагола *cāhnā*, совпадающей (при учете максимального числа грамем) с формой третьего лица единственного числа мужского рода [примеры (з), (к), (л)], или же, проявляя герундивный статус, согласуется с именем объекта соответствующего глагольного действия, стоящим в форме прямого падежа, в сопровождении глагола *cāhnā*, также принявшего форму согласования с данным именем [примеры (е), (ж)].

Первый из узусов в оформлении рассматриваемой бивербальной конструкции обязателен в случаях, когда в окружении представленного инфинитивом глагола отсутствует имя объекта действия в форме прямого падежа [так, в примерах (к) имеющееся имя объекта характеризуется падежно-послеложной формой на *ko*: *paricit ko, hāsī ko*; в первом примере (л) отсутствие имени объекта обусловлено непереходностью глагола *bhāgnā*; во втором примере (л) оставлена нереализованной прямообъектная валентность глагола *kahnā* ‘говорить’].

И хотя этот узус распространяется и на случаи с прямопадежным оформлением имени объекта [примеры (з)], все же применительно к такого рода случаям литературной норме языка хинди в большей мере отвечает согласование обоих компонентов с именем объекта, т.е. второй из отмеченных узусов [примеры (е), (ж)].

Структурное различие между предложениями образца (е) и (ж), с одной стороны, и предложениями образца (з), — с другой, сводится на нет в предложениях образца (и), где

стоящее в форме прямого падежа имя объекта наделено граммемами “ед. ч.” и “м.р.”. С учетом же сложившейся нормы последние легче трактовать в качестве воплощающих второй из узусов в оформлении бивербальной конструкции.

Материал языка урду (в частности, почерпнутый из произведений таких авторов, как С.Х. Манто, Исмаат Чугтаи, Куррат-уль-Айн Хайдар, Ахмад Надим Касми) свидетельствует о существовании еще одного варианта оформления бивербальной конструкции (или, что то же самое, оформления компонентов бивербальной конструкции): глагол *cāhnā*, следуя за герундиальным (в форме на *-nā*) инфинитивом, принимает форму (перфективную) согласования со стоящим в форме прямого падежа именем объекта соответствующего глагольного действия. Примеры: *šafqat ne apne hindūstān kī ā b r ū bacānā cāhī* (М. А, 35) ‘Шафкат захотел вступить за честь своей Индии (букв. захотел защитить честь своей Индии)’, *kakkū ne bandarō se bahut jān chuṡānā cāhī...* (С, 93) ‘Какку хотел избавиться (букв. избавить душу) от обезьян...’, *harī šankar ne ʔ ar a f d ā r ī karnā cāhī* (QH, 438) ‘Хари Шанкар пожелал оказать поддержку’, *...aur us ne liḡāf lapeḡ kar sone kī ko ṡ i ṡ karnā cāhī* (Q, 85) ‘... и он, свернув одеяло, попытался было (букв. захотел сделать попытку) заснуть’, *rām kiṡan ne ḡukm kī ta ‘m ī l karnā cāhī* ‘Рам Кишан хотел выполнить приказание (букв. хотел осуществить выполнение приказания)’ [31, с. 322]. Нельзя исключить возможность использования такого варианта и в хинди.

Предложениями с глаголом *cāhnā* (вторым компонентом бивербальной конструкции) в перфективной форме (в частности, в форме прошедшего аористического времени) отражается, как правило, ситуация нереализованного факта применительно к действию, обозначенному стоящим в форме инфинитива глаголом (первым компонентом конструкции), например: *māine kṡamā māḡnī cāhī, parantu kiṡī daivī ṡakti ne jībh pakar lī* (S. TY, 80) ‘Я хотел (было) попросить прощения, но какая-то неведомая сила сковала мой язык’, *šankar-lāl se māine sājhedārī karnī cāhī. vah taiyār na huā, mujhe dutkār diyā* (BC, 50) ‘С Шанкарлалом я хотел вести дело совместно на правах партнера. Он готовности не проявил, меня

выгнал', *bhuvan ne āhat bhāv se prativād karnā cāhā, par bolā nahī* (A. ND, 29) 'Бхуван хотел (было) обиженно возразить, но промолчал', *cupke-cupke nazdik jākar dāsī ne dhīre se sitār haṭānā cāhā, magar turant hī fīrozī jāg uṭhī...* (U. S, 87) 'Служанка, подкравшись, хотела (было) осторожно отложить ситар, но Фирози тотчас же проснулась', *munšijī ne use god mē lenā cāhā, to rone lagī ; dauṛkar mā se lipaṭ gaī ...* (P. N, 163) 'Мунши [Тотарам] захотел взять ее на руки, но она расплакалась и стремительно прильнула к матери...'

Выражаемое отрицание независимо от позиции отрицательной частицы (или перед первым компонентом конструкции, или перед вторым) относится, как правило, к модальному компоненту смысла, определяемому семантикой глагола *cāhnā*, например: *māi yah naukarī n a hī karnā cāhtā* (MR, 403) 'Я не хочу выполнять эту работу', *mistar tankhā in bematlab kī bātō mē n a paṅnā cāhte the...* (P. Gd, 53) 'Мистер Танкха не хотел встречать в этот пустой разговор...', *...aur sac pūchie to māi vivāh karnā hī n a hī cāhtā* (P. GJ, 77) '... и, говоря по правде, я вовсе не хочу жениться', *us ne soc mē ḍūbe keṣav ko jagānā n a cāhā thā* (NK. 1961. IX, 67) 'Она не захотела нарушить покой погруженного в свои мысли Кешава'.

К данному же компоненту смысла относится отрицание и тогда, когда отрицательная частица предшествует сочленению рассматриваемой бивербальной конструкции с другой бивербальной конструкцией, а именно с конструкцией «супинный инфинитив (т.е. инфинитив в форме на *-ne*) + *denā* 'давать' (> 'позволять', 'предоставлять возможность')», например: *vah yahī samajhtī hai ki māi apne hīn bhāv se jakrā huā hū, islie use ūpar n a hī uṭhne denā cāhtā hū* (MR, 522) 'Она полагает, что я во власти своего дурного нрава и что поэтому я не хочу позволить ей подняться выше себя', *māi bhāi sāhab ko yah sandeh n a karne denā cāhtā thā ki unkā sammān aur lihāz merī nazarō mē kam ho gayā hai* (P. GJ, 97) 'Я вовсе не хотел дать старшему брату повод подозревать меня в том,

что мое почтение к нему убавилось'. Общим компонентом сочлененных конструкций является глагол *denā*.

В предложениях, содержащих рассматриваемую конструкцию, именем (местоимением) субъекта действия обычно обозначается лицо, что, разумеется, обусловлено исходной семантикой глагола *cāhnā* ('хотеть', 'желать'). Обозначением неличного субъекта достигается метафоричность высказывания, например: *hamāre kānō ke par de bhī phaṭ jānā cāhte the* (S. A, 94) 'Даже наши барабанные перепонки готовы были (букв. хотели) лопнуть'.

Данная конструкция находит применение в главном предложении сложноподчиненного предложения с придаточным, вводимым союзом *ki*, для выражения действия-события, опережаемого (или даже предотвращаемого) другим действием-событием: *lārī calnā hī cāhtī thī ki sukhdā kisī taraf se dauṛī huī ā gāī* (P. SY, 136) 'Грузовик готов был тронуться, как вдруг откуда-то подбежала Сукхда'.

Семантически бивербальной конструкции «инфинитив + *cāhnā*» близки сочетания ряда глаголов, оказывающихся с *cāhnā* в одном синонимическом ряду, с инфинитивом. Это, в частности, сочетания, в которых участвуют глаголы *tarasnā* 'страстно желать', 'жаждать', *taṛapnā* 'жаждать', 'страстно желать', 'стремиться', *lalcānā* 'жаждать', 'гореть желанием', *tulnā* 'приготавливаться', 'намереваться', 'решаться', *pasand karnā* 'любить', 'предпочитать', *māgnā* 'просить', 'просить разрешения', 'добиваться' (> 'хотеть'), например: *larke tumse bāt karne ko taras jāte the* (P. Gd, 296) 'Мальчики жаждали поговорить с тобой', *māi ne kahā, bahin māi to bolne ko taṛapṭī rahtī hū par tumhī īd kā cād banī rahtī ho* 'Я сказала: «Сестра, я все время стремлюсь поговорить [с тобой], но очень редко вижу тебя» [24, с. 154], *nasīruddīn ek ṣadam aur āge barhā, khalīfā hārū raṣīd banne ko lalcāyā* (AN, 261) 'Насируддин продвинулся еще на один шаг: он возжелал стать халифом Харуном ар-Рашидом', *abhāge, apne pyār mē aise andhe ho cuke ho ki prakṛti ke niyamō ko*

haṭāne par tul gae ho (NK. 1961. VI, 64) ‘О несчастный, в своей любви ты уже ослеп настолько, что вознамерился отвергнуть законы природы’, *aur tum kis prakār kī bātē sunnā pasand kartī ho?* (NK. 1961. IX, 59) ‘А какие слова ты предпочитаешь слышать?’, *vah ghar jāne māgtā hai* ‘Он хочет пойти домой’ [24, с. 153]. В приведенных примерах при глаголах *tarasnā*, *taṛapnā*, *lalcānā* инфинитив в форме на *-ne* сопровождается послелогом *ko*, при глаголе *tulnā* — послелогом *par*, при глаголе *pasand karnā* он выступает в форме на *-nā*, при глаголе *māgnā* — в форме на *-ne* без послелога.

В один синонимический ряд с этими глаголами могут быть поставлены соединения со связочным (или полусвязочным) глаголом прилагательных-предикативов (таких, например, как *ātur*, *ārūṛh*, *icchuk*, *utārū*, *utāvlā*, *utsuk*, *udyat*, *tatpar*, *taiyār*, *becain*, *rāzī*, *vikal*, *vyagra*, *vyākul*), реализующих в инфинитиве свою активную валентность в силу присущего им лексического значения: “желающий”, “готовый”, “нетерпеливый”, “решившийся”, “склонный”, “согласный”, “стремящийся” и т. п. Функционирование этих соединений, осложненных инфинитивом, иллюстрируют такие примеры, как: *vah ab bhī tez dhūp mē bojhā sir par rakhe hue gusāī kā uttar pāne ko ātur thī* (PL, 78) ‘Она и теперь, стоя под палящим солнцем с тяжелой поклажей на голове, жаждала получить у Гусаина ответ’, *rekhājī yahā hāī, āpse milne ko icchuk hāī* (A. ND, 173) ‘Рекхаджи находится здесь. Она желает встретиться с вами’, *māī apnā khūn dene ko taiyār hū. dākṭar ko bulāiye* (P. N, 123) ‘Я готова дать свою кровь. Позовите доктора’, *vah mansārān kī bīmārī kā hāl-cāl jānne ke lie vyagra rahṭī thī...* (P. N, 119) ‘Она хотела все знать о состоянии больного Мансарамы...’. Таким образом, в сфере выражения модальности полученный комплекс «инфинитив + прилагательное + глагол-связка» тоже способен проявлять функциональную общность с бивербальной конструкцией «инфинитив + *cāhnā*».

2. Конструкция «герундий + глагол *cāhnā*»

Под герундием, выступающим в качестве компонента конструкции, условно разумеется “неизменяемая глагольная форма, равная форме на *-ā* простого перфективного причастия” [45, с. 107]. Второй компонент конструкции, глагол *cāhnā*, выступает, как правило, в формах настоящего общего или прошедшего общего времени. О.Г. Ульциферов считает эту конструкцию средством выражения намерительного способа действия [67, с. 265] или, что, пожалуй, то же самое, принимает ее за волитивный аспект — *icchābodhak prakṣa* (volitive aspect) [115, с. 295, 305]. Она, согласно точке зрения О.Г. Ульциферова, призвана указывать “на то, что действие должно осуществиться в самый ближайший период или что оно намеревается осуществиться” [67, с. 265]. К одному из средств выражения намерительного способа действия, указывающего “на намерение, готовность совершить действие или на близкую его реализацию”, отнесена эта конструкция З.М. Дымшицем [24, с. 351].

В свое время заметное внимание “сложным глаголам”, образованным путем соединения “глагольного имени на *-ā* с глаголом *cāhnā* как вторым и спрягаемым компонентом”, уделил в своей “Грамматике” (ее первое издание относится к 1875 г.) С.Г. Келлогг [97, с. 266-267]. Он назвал их дезиверативами, определив их семантический потенциал следующим образом: “Они обозначают, во-первых, желание осуществить действие, выраженное причастным компонентом, и, во-вторых, отнесенность действия к ближайшему будущему. Лишь из контекста можно выявить, какое из этих значений имеется в виду в конкретном случае, но иногда все же остается неясность”. Вот приведенные им примеры: *vah bolā cāhtā hai* ‘he wishes to speak’ или ‘is about to speak’, *ghaṛī bajā cāhtī thī* ‘the clock was about to strike’. Аналогичным образом семантика рассматриваемой конструкции объясняется в

“Грамматике” Камтапрасада Гуру [92, с. 316] и (применительно к языку урду) в “Грамматике” Абдулхака [77, с. 115].

Упомянутыми “Грамматиками” отражено функционирование рассматриваемой конструкции в литературных произведениях, относящихся к XIX в.

В современном языке хинди основная семантическая функция конструкции «герундий + *cāhnā*» состоит в том, чтобы обозначать действие-событие находящимся на грани своего осуществления (т. е. увязанным с ближайшим будущим относительно точки отсчета): *pitā-putra mē laṛāī chīṛā hī cāhtī hai...* (S. TY, 273) ‘Между отцом и сыном вот-вот возникнет ссора...’, *darśakō ne dekhā ki jayrām par mār paṛā cāhtī hai, to kaī ādmī jhallākar un cār śarābīyō par tūt pare* (P. SY, 84) ‘Когда зеваки увидели, что удар вот-вот придется по Джайраму, несколько человек яростно набросились на этих четверых пьяниц’, *vāh! kitne sundar khilaune hai! ab bolā hī cāhte hai* (P. GJ, 41) ‘Ой! Какие чудесные игрушки! Того и гляди заговорят’, *abhī ghañī bajā cāhtī hai. āp sṭāf-rūm mē taśrīf rakhie, māī abhī hāzir huā* (NK. 1962. VII, 22) ‘Вот-вот раздастся звонок. Вы пожалуйста в учительскую. Я сейчас же там буду’, *pāc mināṭ mē abhī nahākar cāy taiyār kar dūḡī. bhajan bhī āyā hī cāhtā hai* (Y. D, 282) ‘Я только умоюсь и за пять минут приготовлю вам чай. Вот-вот придет и Бхаджан’. Передаваемое в этих примерах значение является скорее аспектуальным, чем модальным.

Модальное же значение желательности становится возможным выразить лишь при условии, если именем (местоимением) субъекта действия обозначается лицо, например: *kyā tum ek sambhrānt ghar kī mahilā kā sarvanāś kiyā cāhte ho?* [115, с. 295] ‘Ты хочешь уничтожить женщину из знатного дома?’ По употребительности в этом значении конструкция «герундий + *cāhnā*» безоговорочно уступает в современном литературном хинди конструкции «инфинитив + *cāhnā*».

Значением желательности (способности сигнализировать о желании субъекта-лица осуществить действие) сочетание герундия с *cāhnā* отлича-

ется в литературных памятниках рубежа XVIII и XIX вв. и последующего периода. Об этом, в частности, свидетельствуют примеры из “Премсагара” Лаллу Лала и “Сказания о Начикете” Садала Мишры: *suno āj hamāre rājā kuch udās hai, isse jī bahlāne ko tumhārā yuddha dekhā cāhte hai* (LL, 118) ‘Послушайте. Не весел что-то царь наш; чтоб душу отвести весельем, он хочет посмотреть наш с вами бой’ (с. 228), *yah kyā acambhe kī bāt kahte hai, isse aisā samajh mē ātā hai ki ab ye kapaṭ kar jāyā cāhte hai* (LL, 125) ‘Что за диковинные речи говорит он! Из слов его понятно то, что он теперь нас хочет обмануть и так сбежать от нас’ (с. 234)²², *...māi ek dūsre sthān jāyā cāhtī hū...* (SM, 11) ‘...я хочу отправиться в другое место...’. Подобного рода примеры из “Шакунталы” — санскритской драмы Калидасы в переводе Лакшмана Синха и из “Мудраракшасы” — драмы Вишакхадатты в переводе Бхаратенду Харишчандры — приведены в “Грамматике” Камтапрасада Гуру [92, с. 316].

Семантическая функция выражения желательности отчетливо проявляется у рассматриваемой конструкции в литературном памятнике на урду “Баг-о-бахар” (“Сад и весна или История четырех дервишей”) Мир Аммана:

(а) *...safar baṣre kā kiyā cāhtā hū* (MA, 64) ‘Я хочу ехать в Басру...’ (с. 89);

(б) *aur tum jo jāyā cāhte ho to ... yah sab tumhārā māl hai* (MA, 67) ‘А раз вы собирались уходить, то знайте, что ... всё ваше’ (с. 92);

(в) *tab bādšāh ne ek amīr ko bhejā aur paighām diyā ki māi un makānō ke dekhne ko āyā cāhtā hū ...* (MA, 80) ‘Тогда падишах послал к царевне эмира с таким сообщением: «Я хотел бы приехать полюбоваться этими местами... »’ (с. 105);

(г) *kuch ‘arṇ kiyā cāhtā hū...* (MA, 101) ‘Я хочу вам кое-что доложить’ (с. 128);

(д) *māi ne sunā hai ki ‘ajamī saudāgarō ke pās laūḍiyā khūb khūb hai so māi šahzādī ke vāṣṭe liyā cāhtā hū* (MA, 143) ‘Дошло до меня, что у персидских купцов есть хорошенькие рабыни; так я хочу забрать их для царевны’ (с. 168);

(е) *āe mardak tū dīvāna huā hai jo farmābardārī se baṛe but kī niklā aur hamāre bacan ko jhūṭ samjhā, jo donō ko bulvākar tahqīq kiyā cāhtā hai* (MA, 149) ‘Ничтожный человек! Что, ты с ума сошел? Ты, видно, вышел из покорности великому идолу и считаешь слова наши неправдой, раз намерен призвать их обоих и вести розыски истины?’ (с. 174);

(ж) *tū bhī sunkar halāk huā cāhtā hai* (MA, 170) ‘Неужели ты тоже хочешь пропасть, услышав эту историю?’ (с. 198);

²² Примеры из “Премсагара” даны в переводе А.П. Баранникова. См.: Лаллу джи Лал. Прем Сагар. Перевод с хинди, вступительная статья и примечания А.П. Баранникова. М.-Л., 1937.

(з) ...*par khyāh-makhyāh kuṣ mē girā cāhtā hai* (MA, 201) ‘...ты против моей воли сам толкаешь себя в яму’ (с. 230)²³.

Примечательно то, что в соответствующих фрагментах текста адаптированного перевода (переложения) на современный хинди предпочтение отдано конструкции «инфинитив + *cāhnā*»: (б) — *jānā cāhte ho* (CD, 43) ‘хотите уходить’, (в) — *dekhne ānā cāhte hai* (CD, 50) ‘[падишах] хочет приехать посмотреть’, (д) — *lenā cāhtā hū* (CD, 97) ‘хочу забрать’, (е) — *khoj karnā cāhtā hai* (CD, 103) ‘розыски вести хочешь’, (ж) — *apnī jān se hāth dhonā cāhtā hai* (CD, 122) ‘хочешь расстаться с жизнью’. Однако “удерживается” и конструкция «герундий + *cāhnā*»: (а) — *basre kā safar kiyā cāhtā hū* (CD, 41), (з) — *kuṣ mē girā cāhtā hai* (CD, 142) букв. ‘хочешь упасть в колодец’, — что свидетельствует о том, что практика использования данной конструкции для передачи значения желательности не изжита в современном хинди полностью (в отличие от практики использования сочетания герундия с *cāhiye* для выражения значения необходимости).

Конструкция «герундий + *cāhnā*» употребляется также в главном предложении сложноподчиненного предложения с придаточным, вводимым союзом *ki*, для выражения действия-события, опережаемого (или предотвращаемого) другим действием-событием, например: *ek sipāhī ne burhiyā kī gardan pakaṛkar zor se dhakkā diyā. burhiyā do-tīn ḡadam par āudhe mūh girā cāhtī thī ki kodaī ne lapakkar use sābhāl liyā* (P. SY, 155) ‘Один из солдат схватил старуху за шею и сильно толкнул. Старуха, отлетев на два-три шага, готова была вот-вот упасть ничком, как тут подскочил Кодаи и поддержал ее’, *ye log thāne jāyā hī cāhte the ki bauram sāmne se ātā dikhāi diyā* ‘Они только намеревались пойти в полицейский участок, как показался идущий им навстречу Чудак’ [24, с. 200].

²³ Примеры приведены в переводе Г.А. Зографа. См.: *Мир Амман*. Сад и весна. История четырех дервишей. Перевод с урду Г.А. Зографа. М., 1962.

3. Конструкция «инфинитив с послелогом *ko + honā*»

Данная конструкция отнесена З.М. Дымшицем тоже к средствам выражения намерительного способа действия [24, с. 352]. Камтапрасад Гуру усмотрел в ней значение готовности (*tatpartā*) к осуществлению действия [92, с. 473].

Семантически она близка рассмотренной выше конструкции «герундий + *cāhnā*», о чем можно судить по таким примерам: *uskī ākhō mē āye hue āsū nīce girne ko ho rahe the...* (PL, 158) ‘Навернувшиеся на ее глаза слезы уже готовы были скатиться [по щекам]...’ [24, с. 352], *tren chūṭne ko thī, vhisal ho gayā thā* (N. D, 56) ‘Поезд вот-вот готов был тронуться, уже раздался гудок’, *yah kahkar vah gone ko ho āyā, par royā nahī. ākhō mē āsū rok lie* (J, S. 53) ‘Сказав это, он чуть не расплакался, но слезы сдержал’. В этих примерах действие, обозначаемое стоящим в форме инфинитива глаголом, предстает как находящееся или оказывающееся на грани того, чтобы быть осуществленным.

Однако необходимым (хотя и не всегда достаточным) условием привнесения семантического оттенка собственно готовности или намерения осуществить действие является выраженность (или подразумеваемость) субъекта-лица: *barāmdese nīce ākar nityābābū dukhmocan ke pairō par girne ko hue, magar dukhmocan ne unhē bāhō mē le liyā* (N. D, 132) ‘Спустившись с веранды, Нитьябабу хотел пасть ниц к ногам Дукхмочана, но Дукхмочан обнял его’, *yahī vah nars thī jo durgā ke upacār mē lagī thī. māṅik kuch āge barhkar pūchne ko huā to vah āge barh gaī* (UB, 147) ‘Это была та медсестра, которая ухаживала за Дургой. Маник выступил вперед и уже готов был спросить [о состоянии Дурги], но она проследовала дальше’, *āthō rāniyā jāne ko huī. mṛganayanī aur lākhī thīṭhak rahī*

(VV, 329) ‘Все восемь рани собрались идти. Мриганаяни и Лакхи застыли на месте’, *vah kūdne ko hī thā ki ekāek us ne dekhā, pānī mē uskā pratibimb jhalak rahā hai...* (A. A, 118) ‘Он уже готов был спрыгнуть, как вдруг увидел, что в воде колеблется его отражение...’. При этом обычен контекст “готовность осуществить действие — наступление факта, препятствующего его осуществлению” (см. первый, второй и четвертый примеры данного абзаца)²⁴.

Значение готовности, намерения, желания передается отчетливо тогда (как правило, в негативном плане, т.е. в связи с выражением отрицания), когда позиция имени субъекта действия оказывается занятой существительным *man* ‘душа’ или *dil* ‘сердце’, ‘душа’, например: *us samay vikṣipta hone ke kāraṇ uskā m a n uṭhne ko na huā* (Y. D, 188) ‘На сей раз из-за растерянности ей не хотелось подниматься’, *calte samay śaṣi cipat gaī aur rone lagī. candā kā d i l use pīche chorne ko na huā* (Y. D, 305) ‘Когда наступило время отъезда, Шаши прильнула [к Чанде] и заплакала. Оставить ее Чанда не решилась’.

4. Конструкция «инфинитив в форме на *-ne* + процессивная форма глагола *jānā*»

Данная конструкция, представляющая собой своеобразный аналог английского оборота *to be going to*, причислена З.М. Дымшицем к средствам выражения намерительного способа действия [24, с. 351]. Она используется для выражения намерения лица совершить действие в ближайшем будущем (относительно точки отсчета), например: *maī*

²⁴ О манифестации такого контекста в русском языке см. в работе А.В. Бондарко [9, с. 191].

samajhtā hū ki jitnā lambā patra māi āj likhne jā rahā hū utnā lambā patra māi ne āj tak tumhē kabhī nahī likhā... (MR, 137) ‘Я полагаю, что до сегодняшнего дня я никогда не писал тебе такого длинного письма, как то, которое собираюсь написать сегодня...’, *bhuvan kuch aur kahne jā rahā thā, par ruk gayā* (A. ND, 65) ‘Бхуван собирался еще что-то сказать, но сдержал себя’.

В структуре сложноподчиненного предложения первым компонентом конструкции бывает обозначенным опережаемое действие (точно так же, как в ранее рассмотренных случаях): *vah gāliyā dene jā rahā thā ki ek guṭhlī ākar uske sir par lagī* (P. GJ, 155) ‘Он готов был уже разразиться бранью, как ему в голову угодила косточка [от плода]’.

В выражении намерения, готовности лица совершить действие с данной бивербальной конструкцией конкурирует глагольное прилагательное (причастие с формантом *-vālā*) при его предикативном использовании с глаголом *honā*, например: *āṭī, pāl kah rahā thā ki vah āj kal mẽ tum se byāh karne ke lie prastāv karnevālā hai* ‘Тетушка, Поль говорил, что в ближайшее время собирается сделать тебе предложение’ [24, с. 209], *us din nagarī ke sabhī pratiṣṭhit nagarvāsī āne vāle the* (HD, 239) ‘В тот день [на представление] собирались прийти все почтенные жители городка’, *māi lauṭne hī vālā thā ki āp lauṭte hue nazar āye* (P. M-4, 301) ‘Я собирался уже отправиться в обратный путь, как [вдруг] увидел, что он сам возвращается’. При этом предложение может быть отрицательным: *magar dārogā jī itnī jald hār mānnevāle na the* (P. Gd, 116) ‘Однако полицейский начальник не был склонен так быстро признавать свое поражение’ (отрицательная частица помещается перед связкой). Эмоционально окрашенное отрицание принимает вид риторического вопроса, на-

пример: *tum yah rūchnevāle kaun hote ho?* (P. N, 33) ‘А ты кто такой, чтобы спрашивать об этом?!’

Предикативным использованием с отрицательной частицей *nahĩ* инфинитива в косвенной форме с послелогом *kā* обозначается отсутствие у субъекта всякого желания совершить соответствующее действие, например: *māĩ to kabhĩ is tarah nahĩ marne kī* (VV, 18) ‘Я так умирать не собираюсь’ (= ‘Так умирать – это не по мне’), *dukāndār isse sastā besne kā nahĩ* ‘Подешевле лавочник ни за что не продаст’ (из личных наблюдений). Сообщаемое отсутствие желания совершить действие может быть переосмыслено как решимость его не совершать²⁵.

²⁵ О значении решимости применительно к рассматриваемому случаю говорится в “Грамматике” Камтапрасада Гуру [92, с. 473].

Модальность достоверности

Модальность достоверности, называемая также персуазивной модальностью [54, с. 39], модальностью истинности (правдивости) [21, с. 277], а в модальной логике трактуемая в качестве эпистемической [119, с. 1-2], является модальностью субъективной в том смысле, что ею выражается отношение (точнее — одна из сторон отношения) говорящего (субъекта речи) к сообщаемому. Ее смысловой основой является отражение степени уверенности / неуверенности говорящего в достоверности сообщаемого (содержания предложения) или, проще говоря, отражение степени достоверности сообщаемого с точки зрения говорящего. Вот одна из развернутых дефиниций этой модальности: “Модальность достоверности (называемая также субъективной модальностью) не вызывает изменения основной модальности, а лишь варьирует ее. Она дополнительно указывает степень уверенности говорящего относительно того, насколько верно или неверно, вероятно или невероятно, возможно или невозможно, сомнительно или несомнительно реализуется положение вещей, обозначенное в предложении” [109, с. 70]. В другой работе специфика данной модальности раскрывается через понятие персуазивности как модусной категории: “Персуазивность — модусная категория, с помощью которой говорящий квалифицирует сообщаемое с точки зрения его достоверности... План содержания персуазивности организуется противопоставлением ‘уверен / не уверен в достоверности излагаемой информации’ и указанием степени неуверенности вплоть до уверенности в обратном. План выражения персуазивности устроен таким образом,

что положительное значение ее — отсутствие сомнений в достоверности — не получает специального выражения с помощью каких-либо показателей (выражается имплицитно); специальные средства вводятся только в случае неуверенности автора, вернее при его желании осведомить об этом своих слушателей” [75, с. 89]. Более общий характер свойствен утверждению, что она “является выражением меры (степени) убежденности говорящего в реальной значимости содержания его высказывания” [21, с. 294]. Принято различать при оценке достоверности сообщаемого достоверность простую, категорическую и проблематическую [8, с. 58; 54, с. 39; 60, с. 7-8]. При этом категорическая и проблематическая достоверности расцениваются как разновидности достоверности критической и противопоставляются простой достоверности как достоверности некритической [60, с. 7-8]. Простая достоверность высказывания определяется модусом типа “я говорю, что я думаю, что...” [18, с. 56]. Такой “нейтральный” модус, как правило, обходится без эксплицитного выражения, находя себе соответствие в нулевом знаке¹.

При несколько ином подходе к оценке достоверности сообщения в рамках достоверности (Gewißheit) проводится различие между значением убежденности (Überzeugtheit) говорящего в осуществлении или неосуществлении действия и значением предположения (Annahme) говорящего, что действие осуществляется или не осуществляется [109, с. 70-71]. На наш взгляд, таким значением убежденности охватывается простая и категорическая достоверность, а значению предположения соответствует проблематическая достоверность². По степени выраженной убежденности или

¹ Показательно следующее утверждение: “...отсутствие эксплицитно (вербально, интонационно) выраженной субъективной модальности — это знак нулевой (нейтральной) субъективной модальности” [38, с. 68].

² “Значение предположения имеет своим содержанием то, что говорящий о данном положении вещей осведомлен недостаточно, чтобы позволить себе убеж-

уверенности простая достоверность превосходит критическую категорическую достоверность [60, с. 7].

Для выражения критической достоверности сообщаемого в хинди используются модальные (преимущественно вводно-модальные) слова и модальные частицы. Показательны следующие модальные лексемы: (а) *albattā* ‘безусловно’, ‘несомненно’, ‘тем не менее’, *baharhāl* ‘во всяком случае’, *sac-muc* и *sac hī* ‘поистине’, ‘на самом деле’, *vākāī* ‘действительно’, ‘на самом деле’, *vāstav mē* ‘в действительности’, ‘на самом деле’; (б) *niḥsandeh (nissandeh)* ‘несомненно’, ‘без сомнения’, *beśak* ‘несомненно’, ‘без сомнения’, *niścay hī (niścay)*, *niścit rūp se* ‘обязательно’, ‘определенно’, ‘конечно’, ‘несомненно’; (в) *zarūr* и *avaśya* ‘конечно’, ‘непреренно’, ‘разумеется’; (г) *śāyad* ‘должно быть’, ‘вероятно’, ‘возможно’, ‘может быть’, ‘наверно[е]’, *kadācit* ‘вероятно’, ‘возможно’, ‘может быть’, *sambhavataḥ* ‘возможно’, ‘может быть’, *mumkin* ‘возможно’, *syāt* ‘вероятно’, ‘наверно[е]’, *ho na ho* ‘пожалуй’; (д) *śāyad hī u kadācit hī* ‘вряд ли’, ‘едва ли’, *birle hī* ‘едва ли’; (е) *thore hī* ‘совсем не’, ‘вовсе не’.

Данные рубрики приведены в последовательности, фиксирующей убывание степени уверенности говорящего в достоверности сообщаемого: от абсолютной уверенности до неуверенности, граничащей с уверенностью в обратном, что иллюстрируется следующими примерами: *āg sacmuc bharaḥ rahī thī* (КС. G, 39) ‘Огонь на самом деле полыхал’, *niḥsandeh, vah mis pāl hī thī* (PL, 127) ‘Несомненно, это была именно мисс Пал’, *lālājī pareśan zarūr dikhāī dete the...* (PL, 22) ‘Лала-джи, конечно же, выглядел встревоженным...’, *śāyad manū us muhalle mē kisī mitra ke ghar calā gayā hai* (AP, 92) ‘Вероятно, Ману отправился в дом какого-нибудь своего друга из этого квартала’, *mahāsinh ko to kadācit hī kabhī*

денно о нем высказываться. Оно, таким образом, знаменует ослабленную степень уверенности, которая может простираться от высокой вероятности до большого сомнения” [109, с. 71].

pahle aise pyāre śabdō ke sunne kā avasar milā ho (P. D, 37) ‘Вряд ли когда-нибудь раньше Махасинху довелось слышать такие теплые слова’, *mis latikā baccā thoṛe hī hai!* (PL, 106) ‘Мисс Латика вовсе не ребенок!’ Модальные элементы (а), (б) и (в) являются средством выражения категорической достоверности, а модальные элементы (г) и (д) — средством выражения проблематической достоверности. Критическая достоверность, выражаемая при посредстве слов рубрики (а), граничит с простой, т.е. некритической, достоверностью.

При выражении проблематической оценки достоверности сообщаемого скрадывается различие в плане содержания между наклонениями сослагательным и изъявительным, поскольку в данном случае и при употреблении форм сослагательного наклонения сообщаемое остается ориентированным на отражение ситуации, характеризующейся признаком фактичности (см. выше, с. 106-107).

Критическая оценка достоверности сообщения может накладываться на модальное значение контрфактичности, присущее условному наклонению: *agar māi boltā to ve log niścau hī merī khāl udherkar dekhte ki bhītar kaun hai?* (КС. G, 21) ‘Если бы я стал говорить, то они, несомненно, сняли бы с меня шкуру и посмотрели бы, кто там скрывается внутри’. *agar is vakt use jālī noṛ banānā ā jātā, to vah avaśya banākar calā detā* (P. G, 37) ‘Если бы он теперь умел изготавливать фальшивые купюры, то он бы, конечно же, их изготовил и пустил в дело’, *thoṛā-sā bhī samay aur miltā to māi zagūr kuch der ke lie vahā utar jātā* (PL, 129) ‘Если бы предоставилось хотя бы немножко больше времени, то я, конечно, высадился бы там на некоторое время’, *agar tum māyā-moh mẽ phāse hote, to kadācit mere man ko adhik santoṣ hotā...* (P. GJ, 55) ‘Если бы ты был в плену иллюзий, то я, возможно, испытывала бы большее удовлетворение...’, *...lekin vah merī jagah hokar bhī śāyad amīr hī rahtā; kyōki vah prakṛti se hī vilāsī aur aiśvarya-priya thā* (P. GJ, 116) ‘... но он, оказись на моем

месте, так, вероятно, и оставался бы аристократом, потому что по своей природе он был склонен к развлечениям и властолюбив’.

Вполне естественна совместимость критической оценки достоверности сообщения с модальными значениями бивербальных конструкций — носителей внутрисинтаксической модальности: ...*lekin śikār mē sacmuc hī ānand mi l saktā hai* (S, A, 36) ‘...но охота на самом деле может доставить удовольствие’, *hunarmand ko pyār zarūr karnā cāhie raīs ko, magar sir par kabhī na carhānā cāhie* (U, S, 38-39) ‘Благоволить к мастеру правитель, конечно же, должен, но не следует потакать ему’, *sambhavataḥ is kām ke liye ḍāktar ko hī māsko jānā pare* (Y, D, 129) ‘Возможно, именно доктору придется ради этой работы поехать в Москву’, *to kyā sacmuc āj hī un logō ko vahā se cale jānā thā?* (NK, 1962, I, 24) ‘Неужели этим людям на самом деле следовало сегодня же отсюда уходить?’, *śāyad in fahristō ko dekhnē se kuch aur fāyde kī bātē mālūm ho sakē* (BC, 34) ‘Вероятно, при просмотре этих списков могут выясниться еще кое-какие полезные вещи’, ...*is adbhut strī se avaśya paricay karnā cāhie* (A, ND, 27) ‘...с этой удивительной женщиной обязательно надо познакомиться’.

В теоретическом осмыслении нуждаются случаи встречаемости модальных лексем как показателей критической оценки достоверности сообщения (*niścay hī, zarūr, avaśya, kadācit, sambhavataḥ, śāyad, śāyad hī*) с глагольными формами, отличающимися значением, трактуемым как значение предположения, гипотетичности, сомнения, а именно с формами, которые одними лингвистами выделяются в отдельное косвенное наклонение — предположительное, а другими исследователями расцениваются как формы (аналитические) футурума в рамках изъявительного наклонения (а также с про-

стой формой будущего времени глагола *honā*, участвующей, кстати сказать, и в строении аналитических форм)³.

Такую встречаемость иллюстрируют следующие примеры: *mere krāntikārī sāthiyō kā kahī patā nahī thā. ve niṣṣay hī jel se chūṭ gaye hōge aur mukti kā jīvan vyatīt kar rahe hōge* ‘Моих революционных соратников след простыл. Они определенно уже вышли из тюрьмы и пользовались благами жизни на свободе’ [101, с. 267], *zarūr vahā ādmī rahte hōge* (P. K, 67) ‘Конечно же, там живут люди’, *vah is samay nahī so saktī. vah avaṣya pūjā kar rahī hogī* (JS, 167) ‘В это время она спать не может. Она наверняка молится’, *kadācit vah samajhtā hogā ki mujh mē yah sāhas na hogā* (S, TY, 236) ‘Он, возможно, думает, что у меня не хватит смелости’, *sambhavataḥ aparādhī us puruṣ ko bas yā trak se is sthān tak lāye hōge* (BC, 11) ‘Возможно, преступники доставили сюда этого мужчину на автобусе или грузовике’, *śāyad varmā sāhab ne yahā kī bātē to āpko batā hī dī hōgī* (S. K, 71) ‘Вероятно, господин Варма сообщил вам о том, что здесь творится’, *bhāījān śāyad abhī lāhaur hī mē hōge...* (K.C. T, 66) ‘Возможно, брат находится еще в Лахоре...’, *śok, khījh aur bebasī kī aisī karuṇ mūrti śāyad hī kisī ne dekhī hogī* (S. N, 118) ‘Вряд ли кто-нибудь видел такое скорбное воплощение печали, гнева и беспомощности’.

Согласно точке зрения З.М. Дымшица, в такого рода предложениях модальные слова *śāyad*, *kadācit* усиливают, а такие модальные слова, как *zarūr*, *avaṣya*, ослабляют модальное значение предположения, исходящее от глагольных форм [24, с. 300, 303, 305]. По мнению О.Г. Ульциферова, вызванное появлением слова *zarūr* или *avaṣya* ослабление “значения проблематичности” (*kālpaniktā kā artha*), свойственного глагольной форме, сопровождается выдвиганием на первый план “оттенка достоверности” (*viśvastatā kī chāyā*)

³ Попытка определить статус этих форм отражена в нашей статье [46].

при том, что сомнение у говорящего все же полностью не исчезает [115, с. 207, 210].

Исходящее от глагольных форм значение предположения “в диапазоне модальных оттенков от малой до большой вероятности осуществления действия” [45, с. 147] есть по сути дела не что иное, как значение неочевидности по отношению к реальности глагольного действия или, лучше сказать, значение незасвидетельствованности постулируемой (содержащейся в пресуппозиции) реальности глагольного действия. Модальными словами оно не ослабляется, не усиливается и не подчеркивается, а служит фоном, на который “наслаивается” значение модальных слов, которые самодостаточны для выражения критической оценки достоверности сообщения.

Обычно модальные слова относятся по смыслу к предикативной основе предложения. Некоторые из них, однако, могут быть семантически отнесены к фрагменту предложения (высказывания), находящемуся вне рамок предикативной основы, например: ...*mālūm hotā hai hamāre kheme kā koī ādmī jaldī hī mārā jāyḡā. śāyad āj hī rāt ko* (S. A, 52) ‘...сдается [мне], вскоре убьют кого-нибудь из нашей палатки. Возможно, сегодня же ночью’, *yah mālūm hotā thā ki yah tāyar ke cihna kisī baṛī moṭar, sambhavataḥ bas yā trak ke hōge* (BC, 11) ‘Походило на то, что это были следы от шин какой-нибудь большой автомашины — возможно, автобуса или грузовика’, *rasoī-ghar mẽ kamre jitnī arājaktā nahī thī, śāyad islie ki vahā sāmān hī bahut kam thā* (PL, 141-142) ‘Такого беспорядка, который наблюдался в комнате, на кухне не было — вероятно, потому, что вещей там было совсем мало’⁴.

Перечисленными выше модальными лексемами отнюдь не исчерпывается круг лексических единиц, служащих для выражения значения критической достоверности. В этот круг по-

⁴ Ср. аналогичное явление в немецком языке: *Wir haben die vielleicht letzte Angelegenheit* ‘Это у нас, может быть, последняя возможность’, *Er ist ein Greis von vielleicht 65 Jahren* ‘Он старик лет, может быть, шестидесяти пяти’ [27, с. 120].

падают, в частности, выделенные компоненты следующих предложений: *jāne choṭī bahū ko īṣyā huī* (B, 13) ‘Младшая невестка вроде бы испытала зависть’, *kuā patā vah kisī musalmān mitra ke ghar calā gayā ho* (AP, 92) ‘Может статься, он отправился в дом какого-нибудь друга-мусульманина’.

Модальные слова *zarūr*, *avaśya* находят применение в побудительных предложениях с формами повелительного наклонения, например: *acchā kal śām ko zarūr cale jāīyo* (КС. К, 163) ‘Ну ладно, завтра вечером обязательно уходите отсюда’, *kal śām ko avaśya ā n ā teknāth ...* (N. D, 97) ‘Завтра вечером, Текнатх, обязательно приходите...’. При таком употреблении они не имеют отношения к выражению модальности достоверности. В значение побуждения ими привносится семантический оттенок настоятельности.

Предложения, включающие в свой состав модальные слова, являют собою образец компактного (“экономного”) выражения модальности достоверности. Они предстают как бы появившимися в результате свертывания (или упрощения) структур, в рамках которых модус имеет форму предикативной единицы, отдельной от предикативной единицы, воплощающей диктум (пропозитивную основу высказывания). Такого рода структуры иллюстрируются, в частности, следующими примерами: *sambhav hai ki vah apnī māt̄ ko smaraṇ kar ro parā ho* (P. PP, 87) ‘Возможно, что он расплакался, вспомнив свою мать’ (букв. ‘Возможно есть, что...’), *parantu, yah bhī to ho saktā hai ki ham mē se ek ādmī ekdam lakṣyabhraṣṭa ho gayā hai ...* (S. A, 27) ‘А может быть и то, что один из нас просто промахнулся...’. При отсутствии подчинительного союза *ki* ‘что’ предикативная единица, соответствующая модусу, функционально низводится, можно сказать, до положения модального слова: *sambhav hai sītā somnāth ke hāthō kī kaṭhputlī ban gāī ho* (S. K, 73) ‘Возможно, Сита стала марионеткой в руках Сомнатха’, *ho saktā hai, kisī*

bacce ne hī ye khīc dī hō (PL, 19) ‘Возможно, их (эти строчки. — В.Л.) вывел ребенок’.

Распределение модуса и диктума по разным предикативным единицам (главное предложение vs. придаточное предложение) отчетливо проявляется в случаях прямого указания на пропозициональную установку говорящего: *cācā, māi to aisā samajhtā hū ki chinkī thīk kah rahī hai* (BV, 190) ‘Я, дядя, полагаю, что Чхинки верно говорит’, *parantu vazīrcand, mujhe abhī tak sandeh hotā hai ki yah bāt jhūthī hai* (S. TY, 123) ‘Но я, Вазирчанд, все еще подозреваю, что это ложь’, *mujhe to viśvās hai ki do-tīn sāl ke andar hī āṭh mīl kā yah rāstā pakkā ho jāyḡā* (N. D, 120) ‘Я же уверен (букв. мне уверенность есть), что за какие-нибудь два-три года эта дорога длиною в восемь миль станет мощеной’, *mujhe to lagtā hai tum log kahī jā rahe the* (MR, 206) ‘Мне кажется, вы собирались куда-то пойти’.

Модальность волеизъявления

Модальность волеизъявления предстает или как директивная модальность, или как оптативная модальность¹. Директивной модальностью охватывается семантическая зона побуждения, в которой высказывание приобретает характер собственно побуждения к действию, просьбы, совета, увещевания, предложения, требования, приказа, распоряжения, разрешения, запрещения, предостережения, инструкции. Непременным признаком директивного волеизъявления является адресованность лицу (лицам) как участнику (участникам) преобразования ситуации, желаемой говорящим, из потенциальной в реальную. Директивное волеизъявление предстает как фактор, достаточный для того, чтобы осуществилось упомянутое преобразование ситуации. Оно, в отличие от оптативного волеизъявления, содержит в своей семантической структуре компонент каузации.

Оптативная модальность, имея своим содержанием “желание говорящего, чтобы имела место обозначаемая ситуация” [64, с. 172], конкретизируется в значениях собственно желаемости, пожелания, заклинания, проклятия, призыва и др. Оптативное волеизъявление не мыслится достаточным для преобразования обозначаемой ситуации согласно жела-

¹ Разграничение этих двух видов модальности внутри модальности волеизъявления мы находим в работе Е.И. Беляевой [6, с. 74]. Оно прослеживается в разделе “Оптативность” коллективной монографии, написанном Е.Е. Корди, где императив и оптатив упоминаются как две разновидности одного коммуникативного типа, отличающегося неизменным выражением модальности, исходящей от говорящего [64, с. 173, 171].

нию говорящего, причем оно может быть как адресованным (в таком случае в качестве партиципанта обозначаемой ситуации имеется в виду лицо), так и неадресованным.

В языке хинди, как, впрочем, и в других языках, “классическим” средством выражения директивной модальности являются формы повелительного наклонения: *mā̃ mujhe bahut bhūkh lagī hai, thorā dūdh de* (S. N, 99) ‘Мама, я сильно проголодался. Дай немного молока’, *tum ghabrāo nahī! sab bāt mujhe batāo* (BC, 104) ‘Ты не волнуйся! Лучше расскажи мне обо всем’, *miṣṭar gangāprasād, darvāzā kholie!* (BV, 575) ‘Господин Гангапрасад, откройте, пожалуйста, дверь!’, *zarā itmīnān ke sāth is par socieḡā* (BV, 190) ‘Пожалуйста, поразмыслите об этом спокойно’, *jā, lekin jald āiyo* (P. M-4, 165) ‘Иди, но возвращайся побыстрее’, *tum bhī zarūr yah ām khānā* (N. B, 36) ‘И вы непременно съешьте этот плод манго’². Они соотносятся в предложении с субъектной составляющей второго лица, и поэтому предложения, ими располагающие, обозначают (как и предложения, скажем, русского языка с формами повелительного наклонения второго лица) “самую типичную с прагматической точки зрения директивную ситуацию” [64, с. 189].

О.Г. Ульциферовым отмечена способность всех форм повелительного наклонения в языке хинди употребляться для выражения: 1) простого побуждения, 2) согласия или позволения, 3) просьбы, мольбы, 4) приказа (распоряжения), 5) предостережения, 6) пожелания, 7) запрещения [115, с. 256-257]. Из этого перечня только значение пожелания может находиться вне рамок директивной модальности, являя собой частный случай манифестации оптативного воле-

² Подробное описание имеющихся в хинди форм повелительного наклонения и их функционирования содержится в ряде работ. См., в частности, [24, с. 305-311; 47, с. 130-158; 115, с. 245-257].

изъявления. Предостережение (а) и запрещение (б) выражаются при условии наличия отрицательной частицы при глаголе, например: (а) *āge na baṛh. tujhe pachtānā paregā* (S. ТУ, 272) ‘Не двигайся дальше. Не то придется тебе раскаиваться’, *māi kahtā hū apnī zabān zyādā mat kholo. nahī to mujh se thappar khā baiṭhogī* (MR, 218) ‘Вот что я скажу тебе, — не трепи понапрасну языком! Не то схлопочешь у меня затрепщину’; (б) *ghabrāo mat aur na man ko girāo. acche dīn ā rahe hāi* (VV, 280) ‘Не беспокойся и не падай духом. Наступают счастливые дни’, *āp mujhe gurūjī mat kahie* (PL, 55) ‘Не называйте вы меня [своим] гуру’³.

В языке хинди, как и в русском языке (и, надо думать, в других языках), директивное волеизъявление поддается или фактитивной интерпретации (случаи, когда “инициатива произнесения повелительного предложения принадлежит говорящему” [64, с. 204]), или пермиссивной интерпретации (случаи, когда “инициатором произнесения предложения является будущий слушающий, который обращается к говорящему с просьбой о волеизъявлении” [64, с. 204]). Случаи фактитивной интерпретации самоочевидны. Пермиссивную интерпретацию иллюстрируют следующие примеры: — *māi tum se ek bāt puchhū? – rūcho* (MR, 454) ‘— Можно мне спросить тебя? — Спрашивай’, “*to māi fon kar dū?” nīlimā ne pūchā. “hā, kar do,” māi ne kahā. “kah denā ki merī tabīat thīk nahī hai, islie āj māi daftar nahī ā sakūgā*” (MR, 268) ‘«Ну что, мне позвонить?» — спросила Нилима. «Да, позвони. — ответил я. — Скажи, что мне нездоровится и поэтому я не смогу сегодня пойти в офис»’.

³ Предложения, выражающие предостережение, именуются превентивными, а те, которые выражают запрещение, — прохибитивными. Обе разновидности предложений получили исчерпывающую характеристику на материале русского языка [64, с. 210-216].

В выражении директивной модальности участвуют лице-числовые формы настоящего-будущего времени сослагательного наклонения:

1) форма третьего лица множественного числа, соотнесенная с местоимением *āp* ‘Вы’, ‘вы’ как субъектной составляющей предложения, — при выражении вежливой просьбы, мягкого повеления: *is acānak āgaman ke lie āp mi-jhe kṣatā k a r ē!* (U. SK, 10) ‘Извините меня, пожалуйста, за этот внезапный визит’, *mahārāj! āp mere rājā hāi. āp mere sammukh sir na j h u k ā y ē* (S. TY, 281) ‘Махараджа! Вы мой повелитель. Не склоняйте предо мной свою голову’, *āp yahī r a h ē; māi abhī unhē bulā lātī hū* (U. SK, 57) ‘Вы, пожалуйста, побудьте здесь. Я ее сейчас позову’;

2) форма первого лица множественного числа (грамматический ономим формы третьего лица множественного числа) — при выражении призыва к совместному с говорящим совершению действия: *āo hāth milāyē. tum āj se hamārā dost ho* (S. N, 205) ‘Ну, давай пожмем друг другу руки. Отныне ты наш друг’, *calo sūryāsta ko p a k r ē* (A. ND, 133) ‘Давай полюбуемся заходом солнца’, *calo, zarā pārk ghūm āyē* (VA, 159) ‘Давай-ка прогуляемся по парку’⁴;

3) форма третьего лица (как единственного, так и множественного числа) — при выражении опосредствованной участвием адресата побудительности (исполнителем глагольного действия мыслится не адресат, к которому обращена речь говорящего — субъекта волеизъявления, а какое-то третье лицо): *ab māi gāyīgā. gāyak baijū vīṇā bajāvē* (VV, 323) ‘Теперь петь буду я, а певец Байджу пусть сыграет на вине’, *koī harj nahī, jāne do. pati kā darśan to k a r l e* (P. PP, 240) ‘Что за беда?! Пустите ее. Пусть посмотрит на

⁴ Здесь форма первого лица множественного числа играет роль “императивной формы совместного лица”.

мужа’, *samajhū-sāhu hī c u n l ē* (P. SS, 57) ‘Пусть выбирает сам Самаджху-саху’;

4) форма первого лица единственного числа — при выражении волеизъявления, обращенного говорящим к самому себе как исполнителю действия: *zarā dek h ũ, kaisā nācte ho* (P. M-7, 69) ‘Погляжу-ка я, как ты танцуешь’, *calo koī aur jūtā hī k h a r ī d l ũ* ... (КС. А, 154) ‘Куплю-ка я другие ботинки...’.

В сферу выражения директивной модальности вовлекается условное наклонение (как правило, его простая форма), когда говорящий, высказывая свое желание, обращается к адресату с расчетом на то, что действие, еще не осуществившееся, все же будет реализовано адресатом: *tum zarā māī, bābūjī ko s a m j h ā t e . ve barī jaldī macāye hue hāī* (BG. G, 99) ‘Ты бы урезонил мать и отца. А то они порют горячку’, *tanik s a m j h ā d e t e rāvat ko. kyō sab se laṛāī kiyā karte hāī* (P. Gd, 277) ‘[Вы] бы вразумили молодца. Почему он постоянно со всеми на ножах’, *gāy ko choṛkar zarā g h u m ā - p h i r ā t o l ā t e !* (Н. К, 4) ‘[Ты] отпустил бы корову бродить на воле!’, *tum ne apnā apnā soc liyā, to dūsre ke dil kī bhī pūchkar dekhte* (S. B, 331) ‘О себе ты подумал. А спросил бы (букв. спросив, видел бы), что у другого на сердце’⁵.

В предложениях с глаголами, обозначающими действия, относительно исполнения которых адресуется слушающему волеизъявление (директивное) говорящего, употребительны смягчающие побуждение частицы *zarā* и *tanik* ‘пожалуйста’ (< ‘чуть-чуть’), а роль модально-волевых частей играют *calo*, *āo*, *lo*, *dekho* — делексикализованный им-

⁵ “В подобных случаях языковое значение оптативности выступает как способ представления смысла императивности” [64, с. 78]. Это замечание, сделанное по поводу высказываний типа *Ты бы сделал уроку!* русского языка, справедливо применительно и к приведенным примерам из хинди.

ператив (в форме на *-o*) глаголов *calnā* ‘идти’, ‘двигаться’, *ānā* ‘приходить’, *lenā* ‘брать’, *dekhnā* ‘смотреть’⁶.

Директивное волеизъявление может быть передано и безглагольным предложением. Так, В.А. Чернышевым отмечены наделенные значением побуждения неполные предложения без глагола, которые соотносятся с полными предложениями, имеющими в своем составе глагол-сказуемое в форме повелительного наклонения, и “формируются из существительных в прямом (или, реже, косвенном падеже), обозначающих требуемый или желаемый предмет”: *baṛī muškīl se us ne kahā* — “*ammā, rānī!*” ‘«Мама, воды!» — проговорила она с трудом’, *tabhī ārdar milā* — *lāṭhīcārj!* ‘«Палки!» (букв. ‘избиение палками!’) — был отдан приказ’, *mīl se nikalkar signal dekar jaise hī drāivar ne kār morī dešbandhu jī ne kahā* — “*baṛe aspītāl!*” ‘Лишь только водитель, выехав из ворот фабрики, повернул машину, Дешбандху приказал: «В госпиталь!»» [71, с. 97]. Другую разновидность безглагольных предложений, выражающих директивное волеизъявление, представляет собой восклицание *hoṣiyār!* ‘Осторожно!’ или ‘Берегись!’ (ср. *hoṣiyār* ‘осторожный’, ‘бдительный’). Тем же значением обладают *khābardār!* и *sāvadhān!* Такого же типа восклицания *cup!* и *khāmoṣ!* ‘Тихо!’ или ‘Молчать!’, ‘Замолчи’ (ср. *cup* и *khāmoṣ* ‘молчаливый’, ‘безмолвный’).

Некоторые из междометий должны квалифицироваться как волитивные именно потому, что они выражают побуждение, например: *hiṣt!* ‘Тс!’, ‘Тише!’, *huṣ!* ‘Жыш’, *haṭ!* ‘Вон!’, ‘Прочь!’ (< *haṭnā* ‘отступить’).

⁶ Делексикализованному императиву глаголов *calnā*, *ānā* и *lenā* можно найти соответствие в русских частицах *дай-ка*, *давай-ка*, *давайте*, *ну*, *ну-ка* и др. Делексикализованный императив *dekho* — аналог русского делексикализованного императива *смотри(те)*, функционирующего при выражении предостережения.

Модальную окраску директивности может приобрести в определенных условиях своего функционирования форма, характеризующаяся другим основным значением. В частности, это можно видеть на примере бивербальных конструкций, передающих значение необходимости: *yah chūt kī bīmārī hai, tumhē apne pitā se alag rahnā cāhie* (BV, 617) ‘Болезнь эта — заразная, и тебе поэтому надо держаться (≅ ...ты поэтому держись) от отца подальше’, *laṅḍan mẽ tumhāre thaharne kā prabandh thīk ho gayā hai. sitambar ke pahle sap-tāh mẽ tumhē jānā hai vahā par!* (BV, 610) ‘С твоим пребыванием в Лондоне все улажено. В первую неделю сентября тебе надлежит туда отправиться (≅ ...ты туда отправляйся)’⁷.

Доминирующим средством выражения оптативной модальности (оптативного волеизъявления) являются сослагательное наклонение (преимущественно его простая форма, или настояще-будущее время) и условное наклонение.

Для сослагательного наклонения типичным является его использования для выражения:

а) собственно желания: *māi aur kuch nahī cāhtā, merā baccā bac jāy* (S. TY, 97) ‘Я больше ничего не хочу. Уцелел бы только мой ребенок’, *hāu svīṭi yu ār ... kāś tum vahī rameś nikle jiske sapne māi aksar dekhā kartī hū. kāś tumhāre sāth gorī camī kī koī mem na āī ho vilāyat se* (S. K, 6) ‘How sweet you are... Вот бы ты оказался тем самым Рамешем, которого я часто вижу во сне; вот бы не прибыла с тобой с Запада светлокожая мэм’ (высказывание принадлежит девушке, глядящей на фотографию молодого человека в ожидании его появления из самолета);

⁷ В русском литературном переводе данного примера через футуральную индикативность передан императивный смысл: *Я обо всем договорился, сынок. В первую неделю сентября поедешь в Лондон! (Бхагаватичаран Варма. Забытые картины. М., 1968, с. 465).*

(б) пожелания: *bhagvān ne ham thoṛe se logō ko yah śubh din dikhlāyā. sadā khetī-pātī harīyātī rahe, paśu aur dūdh-ghī baṛhe. ek din āve jab tum sab sone-cāḍī se bharpūr ho jāo ...* (VV, 12) ‘Бог даровал нам немногим этот добрый день. Пусть всегда зеленеют поля, пусть будет больше скота, молока и масла. Да наступит день, когда у всех вас будет много золота и серебра...’, *rām tumhārā bhalā kare* (КС. К, 13) ‘Да принесет вам Рама счастье’, *bhagvān mujh ko is yogya banāve ki māi sadā isī tarah apkī kṛpā pāye rahū* (VV, 247) ‘Да сделает меня Бог достойной того, чтобы всегда так пользоваться вашей милостью’, *mahārāj kī jay ho* (VV, 260) ‘Да будет славен махараджа!’ (букв. ‘Да будет победа махараджи!’);

в) отрицания говорящим желания видеть потенциальную ситуацию реализованной: *nauj koī tum jaisā ādmī ho* (P. PD, 170) ‘Не дай бог быть кому-либо таким человеком, как ты!’, *kyā so gaye tum, nauj kisī ko aisī rācchasī nīḍ āye! calkar khā kyō nahī lete? kab tak koī tumhāre lie baiṭhā rahe* (P. GJ, 154) ‘Ты что заснул? Не приведи господи кому-либо погрузиться в такой дьявольский сон. Почему не идешь есть? Сколько можно сидя ждать тебя?!’ (показательно использование междометия *nauj*);

г) желания, чтобы действие не осуществилось (чтобы потенциальная ситуация осталась нереализованной), с оттенком опасения: *kahī lacchamī kī kudṛṣṭi un par na paṛ jāy* (UA. P, 94) ‘Как бы Лаччхми не сглазила их’, *vah āj kidhar calī gaī hai? kahī bīmār na ho gaī ho?* (КС. Т, 12) ‘Куда же сегодня она запропастилась? Уж, не дай бог, не заболела ли она?’ (показательно употребление наречия *kahī* ‘где-нибудь’, ‘куда-нибудь’ и отрицательной частицы *na* при глагольной форме).

Условное наклонение используется для выражения неисполненного или неисполнимого желания: *kāś, tum ne mujhe*

javānī mē dekhā hotā (КС. К, 40) ‘О, если бы ты видел меня молодым (букв. в молодости)’, *kahī uske pās bhī is samay raḥam hotī* (Y. A, 53) ‘О, если бы и у него в это время были деньги’, *kāś! ye vrkṣa aur jhāriyā boltī huī hotī aur is ghaṭnā kā bhed khol saktī* (BC, 11) ‘О, если бы эти деревья и кустарники обладали даром речи и могли открыть тайну этого события!’, *kāś merī zindagī mē aise mauḥe roz āte* (P. Gd, 102) ‘О, если бы такое случалось в моей жизни каждый день’.

В зависимости от ситуации (говорящий обращается к лицу, не осуществившему желательное для говорящего действие) предложения могут приобрести характер упрека или сожаления по поводу того, что действие не было осуществлено: *bevaḥūf, tumhē āne kī itnī kyā jaldī thī? nadī ke pār hī rah jāte* (КС. P, 53) ‘Глупец, зачем ты так спешил прибыть сюда? Оставался бы за рекой’, *ab nange sir ghar kaise jāūgā, itnā to soc liyā hotā* (S. N, 195) ‘Как же теперь я пойду домой с непокрытой головой. Ты подумал бы об этом’. В таких случаях ни эмфатическая частица *kāś*, ни ее окказиональные эквиваленты (в виде *kadācit*, *kahī*, *agar*, *yadī*) не находят применения.

Не исключена возможность выражения оптативного волеизъявления предложением с формой повелительного наклонения, например: *khudā tum ko zindā rakhīyo* ‘Да хранит тебя Бог’ [47, с. 146]. Это можно наблюдать и при адресованности волеизъявления слушающему как исполнителю соответствующего действия: *bhār mē jā gir* [115, с. 256] ‘Пошел к черту!’ (букв. ‘Вались в печь!’), *khuś hoiye* [115, с. 256] ‘Будьте счастливы!’⁸.

⁸ В двух последних примерах языковое значение императивности выступает как способ представления смысла оптативности. Дело здесь в том, что в одном примере имеется в виду ситуация, заведомо неприемлемая для адресата, в другом — ситуация, адресатом не контролируемая.

В зоне оптативной модальности бытуют пожелания-формулы, детерминированные со стороны лексики: *prasād jī baccō ko samjhā rahe the — beṭā, ham āyē to tum kahnā, “nehrū jī z i n d ā b ā d ! cācā nehrū z i n d ā b ā d !”* (Y. DB, 175) ‘«Ребята, когда мы подойдем, вы кричите: Да здравствует Неру-джи! Да здравствует дядя Неру!» — наставлял детей Прасад’, *jagmohan avasthī ne nārā lagāyā, — “britis hukūmat m u r d ā b ā d ! bhārat mātā kī jay! mahātmā gādhī kī jay!”* (BV, 527) ‘Джагмохан Авастхи кликнул клич: «Долой английскую власть! Слава матери-Индии! Слава Махатме Ганди!»’, *dhikkār tum ko aur tumhāre bāp ko!* (VV, 37) ‘Будь ты проклят со своим отцом!’ (букв. ‘Проклятье тебе и твоему отцу!’), *payā sāl mubārak!* ‘С Новым годом!’ или ‘Счастливого Нового года!’.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В модальности — в категории, которая со стороны семантики определяется значениями, отражающими отношения пропозитивной основы содержания высказываний к действительности по признаку реальности / ирреальности, — принято различать несколько модальных планов, поддающихся совмещению в рамках одного и того же высказывания. Основной модальный план высказываний (их так называемая предикативная модальность) задается формами имеющихся в языке наклонений, каждое из которых как морфологическое средство передачи значений, принятых за модальные, обладает своей семантической доминантой. При этом отдельно взятому наклонению того или иного языка бывает присуща способность выполнять целый ряд семантических функций. Некоторые из семантических функций могут оказаться общими для двух (или нескольких) наклонений. В языке хинди такая общность представлена весьма широко. Ведущую роль в актуализации другого модального плана, толкуемого как внутрисинтаксическая модальность, язык хинди отводит бивербальным комплексам. Последние передают оттенки значений возможности, необходимости, желательности, квалифицирующих связь субъекта предметной ситуации с приписываемым ему признаком (действием). Отдельный модальный план — это модальность достоверности, проявляющейся как простая или как критическая. В хинди на выражении критической достоверности специализируются слова, функционирующие в качестве вводных элементов высказываний, и частицы. В качестве типичного средства выражения значений, относящихся к сфере такого вида предикативной модальности, как волеизъявление, выступают в хинди формы наклонений — повелительного и сослагательного.

Сокращения названий источников

- A. A. — *Ajñey*. Amarvallarī aur anya kahāniyā̃ .
Sarasvatī pres. Banāras, 1954.
- A. ND — *Ajñey*. Nadī ke dvīp. Sarasvatī pres.
Ilāhābād, 1971.
- AB — *Abdul Bismillāh*. Jhīnī jhīnī bīnī cadriyā.
Rājkamal prakāśan. Nayī Dillī, 1987.
- AN — *Amṛtlāl Nāgar*. Śatranj ke mohre.
Bhāratīya jñānpīṭh. Kāśī, 1959.
- AP — *Amṛtā Prītam*. Dākṭar Dev. Hind pākeṭ buks
prāiveṭ limiṭiḍ. Dillī [б. г.].
- AY — *Ādarśakumārī Yaśpāl*. Sacitra braj kī lok-
kathāē. Bhāg 1. Ātmārām eṇḍ sans.
Dillī, 1957.
- B — *Rājendra Sinh Bedī*. Dīvālā. Nīlābh prakāśan.
Ilāhābād, 1960.
- BC — *Bhagavatsvarūp Caturvedī*. Cumbakō kā ghar.
Rājkamal prakāśan. Dillī, 1961.
- BG. G. — *Bhairavprasād Gupta*. Gangā maiyā. Rājkamal
prakāśan. Bambaī, 1953.
- BG. S — *Bhairavprasād Gupta*. Sattī maiyā kā caurā.
Nīlābh prakāśan. Ilāhābād, 1959.
- BHK — Bṛhat hindī koṣ. Jñānmaṇḍal limiṭeḍ.
Banāras, samvat 2013.
- BV — *Bhagavatīcaran Varmā*. Bhūle bisre citra.
Rājkamal prakāśan. Dillī, 1959.
- C — *‘Iṣmat Cughtā’ī*. Tīn anārī. Maktaba-e jāme‘a.
Dehlī, 1960.
- CA — *Candra Prakāś Agravāl*. Nyāy ke nām par.
Agravāl printīng pres. Farrukhābād [б. г.].

- CD — Kissā cār darveṣ. Rājkamal prakāšan. Dillī, 1961.
- D — *Dunīcand*. Hindī vyākaraṇ. Hoṣyārpur, samvat 2007.
- G — *Gurudatta*. Dāstā ke naye rūp. Hind pākeṭ buks prāiveṭ limiṭiḍ. Dillī, 1969.
- GS — *Govind Sinh*. Badnasīb. Vallabh prakāšan. Vārāṇasī, 1961.
- H.G — *Harṣanāth*. Gavarnes. Hindī pracārak pustakālay. Vārāṇasī, 1960.
- H.K — *Harṣanāth*. Kamīne aur śarīf. Sarasvatī mandir. Vārāṇasī, 1958.
- HD — *Hajārīprasād Dvivedī*. Bāṅbhaṭṭa kī ‘āt-makathā’. Hindī-granth-ratnākar. Bambaī, 1958.
- HN — *E. Pī. Miśra, Viśvambhar Sahāy*. Hindī nibandh evam apaṭhit. Āgrā, 1960.
- J.K — *Jainendra Kumār*. Kalyāṇī. Rājkamal prakāšan. Dillī, 1960.
- J.S — [*Jainendra Kumār*]. Jainendra kī śreṣṭha kahāniyā. Rājkamal prakāšan. Dillī, 1960.
- JP. A — *Jayśankar ‘Prasād’*. Ākāś-dīp. Bhāratī bhaṇḍār. Līḍar pres. Ilāhābād, samvat 2011.
- Jp. I — *Jayśankar ‘Prasād’*. Irāvati. Bhāratī bhaṇḍār. Līḍar pres. Ilāhābād, samvat 2006.
- JS — Jīvan aur sangharṣa (ekānkī sangrah). Sampādak — *Udayśankar Bhaṭṭa*. Rājpal eṇḍ sanz. Dillī [6. r.].
- JY — «Janayug». Nayī Dillī.
- K — «Kādambinī». Naī Dillī.
- K. K. — *Viśvambharnāth Śarmā ‘Kauśik’*. Kallol. Vinod pustak mandir. Āgrā, 1954.
- KC. A — *Kṛṣṇacandra*. Annadātā. Rājpal eṇḍ sanz. Dillī, 1954.
- KC. G — *Kṛṣṇa Candar*. Ek gadhe kī ātmakathā. Rājpal

- enḍ sanz. Dvitīya sanskaraṇ. Dillī [ḅ. r.].
- KC. H — *Kṛṣṇacandra*. Ham vahṣī hāi. Hindustānī pabliṣing hāūs. Ilāhābād, 1952.
- KC. K — *Kṛṣṇacandra*. Kaṣmīr kī kahāniyā. Rājpal enḍ sanz. Dehlī [ḅ. r.].
- KC. P — *Kṛṣṇacandra*. Pancrangī. Hind kitābs limiṭeḍ. Bambaī, 1950.
- KC. S — *Kṛṣṇacandra*. Garjan kī ek ṣām. Rājpal enḍ sanz. Dillī [ḅ. r.].
- KC. T — *Kṛṣṇacandra*. Talāṣ. Hind kitābs limiṭeḍ. Bambaī, 1950.
- KG — *Kāmtāprasād Guru*. Hindī vyākaraṇ. Nāgarī-pracāriṇī sabhā. Kāṣī, samvat 2017.
- KJ — *Ambāprasād 'Suman'*. Kṛṣak-jīvan-sambandhī braj-bhāṣā-ṣabdāvalī. Pratham khaṇḍ. Hindustānī ekeḍemī. Ilāhābād, 1960.
- KV — *Kiṣorīdās Vājpeyī*. Rāṣṭrabhāṣā kā itihās. Janvānī prakāṣan. Kalkattā, samvat 2007.
- LL — *Lallū Lāl*. Premsāgar. Rāmnaṛayan Lāl bukselar. Prayāg, samvat 1979.
- M. A — [*Sa'ādat Ḥasan Maṇṭo*]. Maṇṭo ke afsāne. Maṣvara-e buk ḍīpo. Dehlī, 1960.
- M. P — *Sa'ādat Ḥasan Maṇṭo*. Parde ke pīche. Maktaba-e rangīn. Dehlī, 1953.
- MA — *Mīr Amman*. Bāgh o bahār. Rām Narā'in La'1 bukselar. Ilāhābād, 1950.
- MR — *Mohan Rākeṣ*. Ādhare band kamre. Rājkamal prakāṣan. Dillī, 1961.
- N. B — *Nāgārjun*. Bābā Baṭesarnāth. Rājkamal prakāṣan. Dillī, 1960.
- N. D — *Nāgārjun*. Dukhmocan. Rājkamal prakāṣan. Dillī, 1958.
- N. K — *Sūryakānt Tripāṭhī 'Nirālā'*. Kāle kārnāme. Hindī pracārak pustakālay. Vārānaṣī, 1960.

- N.N — *Sūryakānt Tripāṭhī 'Nirālā'*. Nirupamā.
Bhāratī bhaṇḍār. Prayāg, samvat 2011.
- NK — «Naī kahāniyā». Rājkamal prakāśan. Dillī —
Ilāhābād.
- Nn — «Navanīt» (Hindī dāijest). Bombāī.
- P.D — *Premcand.* Durgādās. Hans prakāśan.
Ilāhābād, 1953.
- P. DB — *Premcand.* Do bahanē aur anya kahāniyā.
Sarasvatī pres. Banāras, 1948.
- P.G — *Premcand.* Gaban. Hans prakāśan.
Ilāhābad [6.r.].
- P.Gd — *Premcand.* Go-dān. Sarasvatī pres. Banāras,
1954.
- P. GJ — *Premcand.* Grāmya jīvan kī kahāniyā.
Sarasvatī pres. Banāras, 1952.
- P.J — *Premcand.* Jangal kī kahāniyā. Hindustānī
pabliśing hāūs. Ilāhābād [6. r.].
- P.K — *Premcand.* Kutte kī kahānī. Sarasvatī pres. Ba-
nāras, 1951.
- P. M-1 — *Premcand.* Mānasarovar. Bhāg 1. Sarasvatī
pres. Banāras, 1953.
- P. M-4 — *Premcand.* Mānasarovar. Bhāg 4. Hindustānī
pabliśing hāūs. Ilāhābād, 1951.
- P. M-7 — *Premcand.* Mānasarovar. Bhāg 7. Sarasvatī
pres. Banāras, 1950.
- P.N — *Premcand.* Nirmalā. Sarasvatī pres.
Banāras, 1957.
- P.P — *Premcand.* Pāc phūl. Sarasvatī pres.
Banāras, 1952.
- P.PD — *Premcand.* Prem-dvādaśī. Hans prakāśan.
Ilāhābād, 1954.
- P.PP — *Premcand.* Prem-pacīsī. Hindī pustak ejensī.
Kāśī, samvat 1994.
- P.S — *Premcand.* Sevāsadan. Sarasvatī pres.

- Banāras [Ḅ.r.].
- P.SS — *Premcand.* Saptasuman. Sarasvatī pres. Banāras, 1951.
- P.Ss — *Premcand.* Saptasaroj. Hindī pustak ejensī. Kalkattā, samvat 1983.
- P.SY — *Premcand.* Samar-yātrā aur 11 anya rājnītik kahāniyā. Sarasvatī pres. Banāras, 1953.
- P.V — *Prem Cand.* Vāridāt. Maktaba-e jāme‘a. Dehlī, 1945.
- PHK — Prāmāṇik hindī koṣ. Sampādak — *Rāmcandra Varmā.* Hindī sāhitya kuṭīr. Banāras, samvat 2008.
- PL — Pāc lambī kahāniyā jinhē Mohan Rākeṣ ne cunā. Lekhak: Rājendra Yādav (pṛ. 9-36), Phaṇīśvarnāth Reṇu (pṛ. 36-71), Śekhar Joṣhī (pṛ. 72-87), Nirmal Varmā (pṛ. 87-127), Mohan Rākeṣ (pṛ. 127-159). Rājkamal prakāśan. Dillī, 1960.
- Q — *Aḥmad Nadīm Qāsmī.* Āble. Farogh-e urdū. Lāhaur, 1949.
- QH — *Qurratul‘ain Haidar.* Āg kā daryā. Maktaba-e jadīd. Lāhaur, 1959.
- S. A — *Śikārī.* Afīrkā ke jangal mẽ. Svayambhātī pustakālay. Vārāṇasī [Ḅ. r.].
- S. B — *Sītā.* Bhārat kī lok-kathāē (dhūmil phūl). Neṣanal pabliṣing hāus. Dillī, 1959.
- S. HV — *Bī. Bī. Śarmā.* Navnī hindī vyākaraṇ. Dillī [Ḅ. r.].
- S. JS — *Śivānand.* Jīvan aur sukh. Motīlāl Banārasī Dās. Dillī, 1973.
- S. K — *Samīr.* Kināre kināre. Sṭār pākeṭ sīrīz. Naī Dillī, 1972.
- S. N — *Sudarśan.* Nagīne. Vorā eṇḍ kampanī pabliśarz. Bambaī, 1947.

- S. P — *Sudaršan*. Parivartan. Inđiyān pres limited. Prayāg, 1937.
- S. PP — *Satīś*. Paśu-pakṣī sambandhī lok-kathāē. Ātmārām eṇḍ sans. Dillī, 1960.
- S. SS — *Sudaršan*. Sudaršan-suman. Rājpal eṇḍ sanz. Dillī [ḳ. r.].
- S. TY — *Sudaršan*. Tīrtha-yātrā, Inđiyān pres limited. Prayāg, 1927.
- SM — *Sadal Miśra*. Candrāvati athavā Nāsiketopākhyān. Sampādak — *Śyām-sundardās*. Nāgarīpracāriṇī sabhā. Kāśī, samvat 2007.
- T — *Bholānāth Tivārī*. Hindī muhāvarā koś. Kitāb mahal. Ilāhābād, 1964.
- U. S — *Pāṇḍey Becan Śarmā 'Ugra'*. Sarkār tumhārī ākhō mē. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1960.
- U. SK — [*Pāṇḍey Becan Śarmā 'Ugra'*]. Ugra kī śreṣṭha kahāniyā. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1961.
- UA. B — *Upendranāth 'Aśk'*. Bāṅgan kā paudhā. Nīlābh-prakāśan ḡh. Ilāhābād [ḳ. r.].
- UA. K — *Upendranāth 'Aśk'*. Kāle sāhab. Nīlābh-prakāśan ḡh. Ilāhābād [ḳ. r.].
- UA. P — *Upendranāth 'Aśk'*. Pinjrā. Nīlābh-prakāśan ḡh. Ilāhābād, 1952.
- UB — *Udayśankar Bhaṭṭa*. Sāgar, laharē aur samundar. Masijivī prakāśan. Nāī Dillī [ḳ. r.].
- VA — *Vallabh Agravāl*. Amāvas. Agravāl printṅg pres. Farrukhābād [ḳ. r.]
- VL — «Vijñān-lok». Śrīrām Mehrā eṇḍ kampanī. Āgrā.
- VV — *Vṛndāvanlāl Varmā*. Mṛganayanī. Mayūr prakāśan. Jhāśī, 1955.
- Y. A — *Yaśpāl*. Abhiśapta. Viplav kāryālay. Lakhnaū, 1948.

- Y.D — *Yašpāl*. Dešdrohī. Viplav kāryālay.
Lakhnaū, 1953.
- Y.DB — *Yašpāl*. Jhūṭhā sac. Deš kā bhaviṣya. Viplav
kāryālay. Lakhnaū, 1960.
- Y. P — *Yašpāl*. Pinjre kī urān. Viplav kāryālay.
Lakhnaū, 1946.
- Y. VD — *Yašpāl*. Jhūṭhā sac. Vatan aur deš. Viplav
kāryālay. Lakhnaū, 1958.

Библиографические сокращения

ВЯ	—	Вопросы языкознания. М.
Изв. АН. СЛЯ	—	Известия Академии Наук. Серия литературы и языка. М.
КСИНА	—	Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. М.
УЗМГИМО. ВЯЛ	—	Ученые записки. Московский государственный институт международных отношений. Вопросы языка и литературы.
УЗМГИМО. СФ	—	Ученые записки. Московский государственный институт международных отношений. Серия филологическая.
ФН	—	Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М.
AOг	—	Archív Orientální. Praha.
BSLP	—	Bulletin de la Société de Linguistique de Paris.
FL	—	Foundations of Language. International Journal of Language and Philosophy. Dordrecht.
PL	—	Papers in Linguistics. International Journal of Human Communication. Carbondale and Edmonton.
SL	—	Studies in Language. Amsterdam — Philadelphia.

Литература

1. *Асмус В.Ф.* Логика. М., 1947.
2. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
3. *Баранников А.П.* Хиндустани (урду и хинди). Л., 1934.
4. *Бархударов Л. С., Штеллинг Д. А.* Грамматика английского языка. М., 1960.
5. *Беличова-Кржижкова Е.* О модальности предложения в русском языке. — Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984.
6. *Беляева Е. И.* Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. Воронеж, 1985.
7. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
8. *Бондаренко В. Н.* Виды модальных значений и их выражение в языке. — ФН. 1979. № 2.
9. *Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола. М., 1971.
10. *Бондарко А. В.* Грамматическая категория и контекст. М., 1971.
11. *Бондарко А. В.* К проблематике функционально-семантических категорий (Глагольный вид и “аспектуальность” в русском языке). — ВЯ. 1967. № 2.
12. *Бондарко А. В., Буланин Л. Л.* Русский глагол. Л., 1967.
13. *Ваулина С. С.* Языковая модальность в свете функционально-семантического подхода. — Актуальные проблемы и перспективы филологии. Калининград, 1996.
14. *Виноградов В. В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке. — Труды Института русского языка АН СССР. Т. II. М. — Л., 1950.
15. *Володин А. П., Храковский В. С.* Об обосновании выделения грамматических категорий (время и наклоне-

- ние). — Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977.
16. *Гак В. Г.* Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1977.
 17. *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М., 1986.
 18. *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. М., 1986.
 19. Грамматика русского языка. Т. I. Изд-во АН СССР. М., 1952.
 20. Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. Ч. I. Изд-во АН СССР. М., 1954.
 21. *Грепл М.* О сущности модальности. — Языкознание в Чехословакии. М., 1978.
 22. *Гусев В. Ю., Плуменян В. А.* [рец. на кн.]: *Генчева З.* Опосредствованные высказывания. — Изв. АН. СЛЯ. 1998. Т. 57. № 1.
 23. *Давыдов И.* Опыт общесравнительной грамматики русского языка. СПб., 1854.
 24. *Дымишиц З. М.* Грамматика языка хинди. 1. М., 1986.
 25. *Дымишиц З. М.* Грамматика языка хинди. 2. М., 1986.
 26. *Дымишиц З. М., Ульциферов О. Г., Горюнов В. И.* Учебник языка хинди. Ч. II. М., 1980.
 27. *Ермолаева Л. С.* К вопросу о соотношении модальности и предикативности (на материале современных германских языков). — ФН. 1963. № 4.
 28. *Ермолаева Л. С.* Типология системы наклонений в современных германских языках. — ВЯ. 1977. № 4.
 29. *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.
 30. *Жигадло В. Н., Иванова И. П., Иофик Л. Л.* Современный английский язык. М., 1956.
 31. *Жмотова О. Д.* Глагольные черты инфинитива в хинди и урду. — Языки Индии. М., 1961.
 32. *Жмотова О. Д.* Именные признаки инфинитива в хинди и урду. — Вопросы грамматики языка хинди.

- М., 1962.
33. *Захарьин Б. А.* Теоретическая грамматика языков хинди и урду. М., 1989.
 34. *Зиндер Л. Р., Строева Т. В.* Современный немецкий язык. М., 1957.
 35. *Золотова Г. А.* Модальность в системе предикативных категорий. — *Otázky slovanské syntaxe*. III. Brno, 1973.
 36. *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
 37. *Иванова И. П., Буракова В. В., Почетцов Г. Г.* Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981.
 38. *Касевич В. Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
 39. *Касевич В. Б., Храковский В. С.* От пропозиции к семантике предложения. — Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985.
 40. *Катенина Т. Е.* Язык хинди. М., 1960.
 41. *Козинцева Н. А.* Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа). — ВЯ. 1994. № 3.
 42. *Крушельницкая К. Г.* Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М., 1961.
 43. *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962.
 44. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
 45. *Липеровский В. П.* Глагол в языке хинди. М., 1984.
 46. *Липеровский В. П.* К вопросу о выделении предположительного наклонения в хинди. — КСИНА. Вып. 62. Языки Индии. 1964.
 47. *Липеровский В. П.* Категория наклонения в современном литературном хинди. М., 1964.
 48. *Липеровский В. П.* Синтаксис современного хинди. М., 1987.
 49. *Липеровский В. П.* Сложные предложения в хинди. М., 1972.

50. *Липеровский В. П.* Флективное “настоящее время” в современном брадже. — Индийская и иранская филология. Вопросы диалектологии. М., 1971.
51. *Ломтев Т. П.* Предложение и его грамматические категории. М., 1972.
52. *Москальская О. И.* Теоретическая грамматика немецкого языка (на немецком языке). М., 1975.
53. *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Синтаксис русского языка. СПб., 1912.
54. *Панфилов В. З.* Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения. — ВЯ. 1977. № 4.
55. *Подлеская В. И.* [рец. на кн.:] *Givón T.* Functionalism and grammar. Amsterdam — Philadelphia. 1995. — ВЯ. 1997. № 3.
56. *Попов Р. Н., Валькова Д. П., Маловицкий Л. Я., Федоров А. К.* Современный русский язык. М., 1986.
57. Практическая грамматика русского языка для зарубежных преподавателей-русистов. Под редакцией Н. А. Метс. М., 1985.
58. *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985.
59. *Сабанеева М. К.* О сущности наклонения. — ВЯ. 1994. № 5.
60. *Сабанеева М. К.* Функциональный анализ наклонений в современном французском языке. Л., 1984.
61. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1957.
62. *Таванец П. В.* Вопросы теории суждения. Автореф. докт. дисс. М., 1954.
63. *Таванец П. В.* Суждение и его виды. М., 1953.
64. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
65. *Ульциферов О. Г.* Глагольные конструкции постсинтаксического и преморфологического уровня в совре-

- менном литературном языке хинди (к постановке вопроса). — Вопросы лексической и грамматической семантики. М., 1983.
66. *Ульциферов О. Г.* Грамматический словарь-справочник современного литературного языка хинди. М., 1993.
67. *Ульциферов О. Г.* Некоторые замечания о категории глагола в современном литературном языке хинди. — УЗМГИМО. ВЯЛ. Вып. 7. 1971.
68. *Ульциферов О. Г.* Некоторые теоретические проблемы синтаксиса современного литературного языка хинди. — Актуальные проблемы изучения языков Южной Азии. М., 1987.
69. *Хлебникова И. Б.* Сослагательное наклонение в современном английском языке. Л., 1958.
70. *Цейтлин С. Н.* Некоторые типы модальных ситуаций в современном русском языке. — Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания. Л., 1985.
71. *Чернышев В. А.* Безглагольные конструкции хинди. — КСИНА. Вып. 62. Языки Индии. 1964.
72. *Чесноков П. В.* О предикативности как свойстве предложения. — Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975.
73. *Шапиро А. Б.* Модальность и предикативность как признаки предложения в современном русском языке. — ФН. 1958. № 4.
74. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л., 1941.
75. *Шмелева Т. В.* Смысловая организация предложения и проблема модальности. — Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984.
76. *Юдина Г. Г.* Модальность и предикативность. — УЗМГИМО. СФ. Вып. 11. М., 1963.
77. *‘Abdulḥaq.* Qavā‘id-e urdū. Aurangābād, 1936.

78. *Balachandran Lakshmi Bai*. A case grammar of Hindi (with a special reference to the causative sentences). Agra, 1973.
79. *Brunot F.* La pensée et la langue. Paris, 1922.
80. *Curme G. O.* The forms and functions of the subjunctive in the classical and modern languages. — Modern philology. Vol. 26. № 4. Chicago, 1929.
- 80a. *Dowson J.* A grammar of the Urdū or Hindūstānī language. London, 1887.
81. *D'souza J.* Explicator compound verbs as markers of the South Asian sociolinguistic area. — AOr. 1988. Vol. 56. № 2.
82. *Duničand.* Hindī vyākaraṇ. Hošyārpur, samvat 2007.
83. The Encyclopedia of language and linguistics. Editor-in-Chief R. E. Asher. Pergamon press. Vol. 5. Oxford — New York — Seoul — Tokyo, 1994.
84. Evidentiality: The linguistic coding of epistemology. Eds. Chafe W., Nichols J. Norwood (N.J.), 1986.
85. *Forbes D.* A grammar of the Hidústānī language. London, 1855.
86. *Gatzlaff-Hälsig M.* Grammatischer Leitfaden des Hindi. Leipzig, 1983.
87. *Gonda J.* The character of the Indo-European moods. Wiesbaden, 1956.
88. *Greaves E.* Hindi grammar. Allahabad, 1933.
89. *Green A. O.* A practical Hindustani grammar. Pt 1. Oxford, 1895.
90. *Guentcheva Z.* (Ed.) L'énonciation médiatisée. Éditions Peeters. Louvain; Paris, 1996.
91. *Guillaume G.* Temps et verbe. Paris, 1929.
92. *Guru Kāmtāprasād.* Hindī vyākaraṇ. Kāšī, samvat 2017.
93. *Hasan R.* The verb 'be' in Urdu. — The verb 'be' and its synonyms. Philosophical and grammatical studies — 5 (Foundations of Language. Supplementary series. Vol. 14). Dordrecht, 1972.

94. *Humbert J.* Syntaxe grecque. Paris, 1945.
95. *Jain J.* The Hindi passive. — PL. 1981. Vol. 14. № 2.
96. *Kachru Y.* An introduction to Hindi syntax. Urbana, 1966.
97. *Kellogg S.H.* A grammar of the Hindi language. London, reprinted 1955.
98. *Lyons J.* Linguistic semantics. An introduction. Cambridge, 1995.
99. *Lyons J.* Semantics. Vol. 2. Cambridge, 1977.
- 99a. *Meillet A., Vendryes J.* Traité de grammaire comparée des langues classiques, Paris, 1948.
100. *Montaut A.* La construction passive en hindi moderne. — BSLP. 1990. T. 85. Fasc. 1.
101. *Nespital H.* Das Futursystem im Hindi und Urdu. Ein Beitrag zur semantischen Analyse der Kategorien Tempus, Aspekt und Modus und ihrer Grammemme. Wiesbaden, 1981.
102. *Noreen A.* Einführung in die wissenschaftliche Betrachtung der Sprache. Halle, 1923.
103. *Öhlschläger G.* Zur Syntax und Semantik der Modalverben des Deutschen. Tübingen, 1989.
104. *Pahwa Munshi Thakardass.* The modern Hindustani scholar or the Pucca munshi. Calcutta, 1919.
105. *Palmer F. R.* Mood and modality. Cambridge, 1986.
106. *Platts J. Th.* A grammar of the Hundūstānī or Urdū language. London, 1874.
107. *Pořízka V.* Hindština. Hindi language course. Část 1. Praha, 1972.
108. *Rescher N.* Topics in philosophical logic. Dordrecht, 1968.
109. Russisch im Spiegel des Deutschen. Eine Einführung in den russisch-deutschen und deutsch-russischen Sprachvergleich. Von einem Autorenkollektiv unter Leitung von Wolfgang Gladrow. VEB Verlag Enzyklopädie. Leipzig, 1989.
110. *Scholberg H. C.* Concise grammar of the Hindi language. Bombay, 1955.

111. *Shakespear J.* A grammar of the Hindustani language. London, 1826.
112. [*Sharma Aryendra*]. A basic grammar of modern Hindi. English version. Government of India. Ministry of education and scientific research. 1958.
113. *Sinh Rājendra Prasād.* Śuddha hindī kaise likhē. Bhārati bhavan. Patnā, 1974.
114. *Spies O., Bannerth E.* Lehrbuch der Hindūstānī Sprache. Leipzig und Wien, 1945.
115. *Ultsiferov O.Ge.* Hindī mẽ kriyā. Parāg prakāśan. Dillī, 1973.
116. *Vājpeyī Kiśorīdās.* Hindī śabdānuśāsan. Kāśī, samvat 2014.
117. *Verma S. K.* The semantics of caahiye. — FL. 1974. Vol. 12. № 1.
118. *Willett T.* A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality. — SL. 1988. Vol. 12. № 1.
119. *Wright von G. H.* An essay in modal logic. Amsterdam, 1951.
120. *Yates W.* Introduction to the Hindoostanee language. Calcutta, 1827.

Содержание

От автора	3
Проблема языковой модальности и категории наклонения...	4
Категория наклонения в хинди.....	37
К вопросу о выделении наклонений.....	37
Семантическая характеристика наклонений и отличительные особенности их функционирования.....	44
Пересечение наклонений в сфере семантики на парадигматической оси.....	67
1. Наклонения изъявительное и условное.....	67
2. Наклонения условное и сослагательное.....	71
3. Наклонения условное и повелительное.....	98
4. Наклонения сослагательное и повелительное.....	99
5. Наклонения повелительное и изъявительное.....	103
6. Наклонения сослагательное и изъявительное.....	105
Бивербальные конструкции как средство выражения модальности в хинди	120
Возможность.....	122
1. Конструкция «деепричастие-основа + глагол <i>saknā</i> ‘мочь’»	123
2. Конструкция «деепричастие-основа + глагол <i>pānā</i> ‘получать’»	133
3. Конструкция «деепричастие-основа + глагол <i>lenā</i> ‘брать’»	145
4. Конструкция «инфинитив + глагол <i>jānnā</i> ‘знать’»...	146
5. Конструкция «инфинитив + глагол <i>ānā</i> ‘приходить’».....	149
6. Конструкция «адвербиальное причастие (имперфективное) + глагол <i>bannā</i> ‘делаться’, ‘становиться’».....	149

витьяся'».....	151
7. Конструкция «перфективное причастие + глагол <i>jānā</i> 'идти', 'уходить'»	155
8. Конструкция — однокорневая пара.....	159
Необходимость.....	163
1. Конструкция «инфинитив + <i>cāhiye (cāhie)</i> ».....	178
2. Конструкция «инфинитив + <i>honā</i> ».....	186
3. Конструкция «инфинитив + <i>paṅnā</i> ».....	191
Желательность.....	194
1. Конструкция «инфинитив + глагол <i>cāhnā</i> ».....	194
2. Конструкция «герундий + глагол <i>cāhnā</i> ».....	202
3. Конструкция «инфинитив с послелогом <i>ko</i> + <i>honā</i> »...	206
4. Конструкция «инфинитив в форме на <i>-ne</i> + процессивная форма глагола <i>jānā</i> ».....	207
Модальность достоверности.....	210
Модальность волеизъявления.....	219
Послесловие.....	229
Сокращения названий источников.....	230
Библиографические сокращения.....	237
Литература.....	238
Содержание.....	246

Научное издание

Владимир Петрович Липеровский

**Языковая модальность
и средства ее выражения в хинди**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Корректор, верстка
Н.Г. Малышева

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом А. В. Сарабьев

Подписано к печати 01.02.2014
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,6. Уч.-изд. л. 10 а.л.
Тираж 200 экз. Зак. №